

КРИСТИНА
РОЙ

Мечтатели

Кристина Рой

Мечтатели

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 82-31:27-29
ББК 84(4Сла)-44
Р65

Перевод со словацкого

Kristína Royová
«Die Schwärmer»

Рой К.
Р65 Мечтатели / Пер. с нем. — СПб.: «Свет на Востоке»,
2005. — 240 с.: ил.
ISBN 5-93829-036-8.

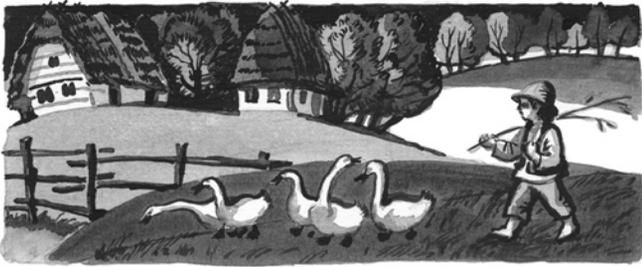
УДК 82-31:27-29
ББК 84(4Сла)-44

Изд. № 01.076
ISBN 5-93829-036-8 © МРО «ХМ „Свет на Востоке“», 2005

В Дубравке

В селе Дубравка, расположенном в красивой горной долине, с давних времен мирно жили люди, называвшие себя христианами. Одно поколение дубравцев сменялось другим, но из века в век никого не беспокоили судьбы поселян. Они платили налоги церкви и государству, отдавали на военную службу лучших своих сыновей, большего от них и не требовалось. Никто не брал на себя заботу о спасении их душ.

Пастор крестил новорожденных. Когда дети подрастали, зимой их отправляли в школу. На дорогу туда уходило два, а то и три часа, и не у всякого ребенка хватало сил для путешествия по бездорожью. К тому же и зимней одеждой мог похвастать не каждый. У кого ее не было, тот оставался безграмотным на всю жизнь. Но жители Дубравки довольствовались и этим, считая, что если отцы прожили без грамоты, то и дети не должны быть умнее их.

Летом, пока взрослые трудились на полях или были заняты другой работой, ребятишки пасли коров, овец, гусей. По воскресеньям родители вместе с детьми ходили в лес за грибами и ягодами. Некоторые прихожане, правда, отправлялись в церковь. Случалось, что там во время проповеди кто-нибудь из них засыпал, но пастор на это внимания не обращал.

Перед конфирмацией родители записывали своих двенадцатилетних отпрысков на занятия к пастору. Почти полтора месяца грамотные дети читали с ним тексты из Большого и Малого катехизиса, а не умевшие читать и писать рассказывали ему заученные дома «Отче наш», Символ веры и Десять заповедей. После такого обучения подростки принимались в церковную общину, допускались к причастию и считались христианами.

Из Книг Библии мужчины охотнее всего читали книги Иова, Иисуса Навина, а иногда Евангелие. Женщины любили переложённые на ноты псалмы и ценили их выше Слова Божьего.

Когда в Дубравке кто-то серьезно заболел, пастора просили вознести молитву за больного в церкви, а если она не помогала, шли в Хросинков, Башац или Гитков к колдунье. Доктора, как и пастора, на дом приглашали только к тем, кто был при смерти. Родственники собирались в одной комнате, приходили многочисленные соседи, из-под головы умирающего убирали подушку или же клали его прямо на пол, чтобы «легче было умирать». Когда больной умирал от удушья, после его кончины все радовались, что смерть была «легкой», и говорили: «Как быстро умер!»

Почти все в Дубравке жили бедно, но на крестины, свадьбы и поминки денег никто не жалел. Рождение ребенка по традиции сопровождалось пиршеством, на которое крестные отец и мать обязательно приносили с собой корзину с пирогами и несколько бутылок вина. После похорон устраивались поминки, а если в Дубравке была свадьба, то гуляли три дня —

иногда и целую неделю. Зачастую после такого праздника хозяевам приходилось выплачивать долги в течение длительного времени. По воскресеньям молодежь устраивала танцы: с весны до осени юноши и девушки собирались в лесу, а зимой танцевали в трактире.

Так испокон веков было заведено в Дубравке. И те, кто не знал этих людей или в глаза не видел, могли бы сказать: какие добрые, спокойные, благочестивые наши словаки. И правда, на трезвую голову они были спокойные, но, когда напивались, бранились, на чем свет стоит.

Однако от природы это был радушный и гостеприимный народ. Когда в село заходил чужой человек, его принимали с радостью и угощали, чем могли. Наверно, дубравцы были по-своему благочестивыми людьми, но никто и никогда не объяснял им, что хорошо и что плохо в их жизни.

Весной в Дубравке зацветали сады, и крестьянские домики прятались под кронами цветущих деревьев. Самым большим в селе считался дом крестьянина Хратского. Издалека было видно и водяную мельницу Мартына Блашко, который жил около реки. Неподалеку от нее,

на опушке соснового леса, стоял старый домик Крачинского.

Все три семьи владели земельными участками.

Хратские давно крестьянствовали. У них было много пахотной земли, хороший выгон для скота и большой сад с фруктовыми деревьями. Пока не построили железную дорогу, они зимой занимались извозом, доезжая даже до Вены.

Блашко с незапамятных времен владели мельницей. В воде у них не было недостатка, и они снабжали мукой не только всю Дубравку, но и окрестные селения.

Крачинские были потомственными ткачами. Им принадлежало маленькое поле и сад. Больше земли приобрести им не удавалось.

Все три семьи жили между собой дружно, как одна большая семья, помогали друг другу в работе, выручали из нужды, делились и радостью, и горем. Их дети росли вместе. Пока они были маленькими, вместе играли, пасли скот, а когда подросли, стали ходить на танцы и на гулянья.

Но жизнь брала свое, и все мало-помалу изменилось. Ткач Крачинский умер, оставив вдову и приемного сына, которого воспитал как родно-

го. Из многочисленной семьи Блашко в Дубравке продолжали жить лишь сам Мартын Блашко, его дочь Марьюшка, двое маленьких сыновей и племянник Мишко — сын его старшего брата.

А вот у Хратских по-прежнему была большая семья. Дедушка Андрей передал дом и хозяйство своему сыну Фоме и его жене Екатерине, в чьей семье было два сына: Андрей и Степан. Андрей уже сам стал отцом семейства и растил двух малышей. Родную сестру Фомы Анну еще ребенком отдали в услужение в город П., и со временем она вышла там замуж. Хотя и большая семья была у Хратских, но прокормить ее было нетрудно.

Редко встречаются такие друзья, какими были Степан Хратский, Мишко Блашко и Петр Крачинский, называвшие своим общим другом Марьюшку Блашко. Однажды Фома Хратский и Мартын Блашко поссорились из-за границы земельных владений, причем в дело вмешалась вдова Крачинская, и натянутые отношения между взрослыми установились на целых три года. Однако ссора родителей не помешала дружбе детей. Несмотря на разность характеров, они оставались добрыми друзьями.

Степан прилежно учился в школе да и, закончив ее, продолжал жадно читать. Ему в голову приходили такие вопросы, на которые в Дубравке никто не мог ответить. Степан никогда не упускал возможности съездить в Вену и узнать там о чем-нибудь новом и интересном. Он был не против повеселиться со сверстниками, но любил и уединение.

Мишко Блашко пропускал занятия в школе, его не интересовали головоломные вопросы, но он был добрым малым и общим любимцем.

Петра Крачинского, баловня семьи, читать и писать научил дома отец, мать не могла своего приемного сына отправлять в школу. Петр был горяч и драчлив, поэтому все старались избегать с ним ссоры. Слушался Петр только Степана и Марьюшку — хотя она и была самой младшей в их компании, ребята ее уважали.

Все в Дубравке шло своим чередом до тех пор, пока Степана не призвали на военную службу. Сколько было печали и слез! Хратские думали, что не переживут этого горя. Друзья Степана с печалью ожидали расставания с ним, да и сам он всплакнул украдкой при мысли о разлуке с родными местами. Он смотрел на село, и серд-

це его сжималось от тоски — ведь ему придется провести в городе целых три года.

Одна Марьюшка нашла для него слова утешения. «Ты увидишь мир, Степан, — сказала она, — научишься многому и узнаешь то, о чем мы здесь даже не подозревали. Ни ты, ни я не заметим, как пролетит время!»

И она оказалась права. Дни шли за днями, недели за неделями, и семья Хратских стала привыкать к отсутствию Степана. Теперь обходились без его помощи, меньше горевали и ждали от него писем.

Степан вскоре тоже освоился на чужбине.

Мечтатели

Первый год службы пролетел для Степана незаметно. В свободное время он изучал немецкий язык и вскоре научился читать и писать по-немецки. Можно сказать, Степану везло. Он был смышленным и расторопным солдатом, и на втором году службы попал в денщики к молодому жизнерадостному офицеру, у которого ему стало жить привольнее. Домой он писал все реже и реже, оправ-

дываясь тем, что ему и дыхнуть некогда. И это была правда. Свободные от службы часы хозяин проводил на веселых вечеринках и денщика брал с собой.

Вофицерской компании никто не верил в Бога. Хозяин внушал Степану, что заповеди Божьи существуют только для баб, детей, для темного народа. Степан, слушая нечестивые речи, поначалу думал, что Всевышний покарает офицера за такое глумление. Но возмездия не последовало, и вскоре Степан перестал верить в Бога.

Он слышал, как люди вокруг него лгали, клеветали друг на друга, божились по пустякам, видел, как они не святости воскресного дня, распутничали и оставались при этом безнаказанными. Мужья и жены изменяли друг другу. Степану не раз приходилось устраивать для своего хозяина свидания с красавицей женой старшего офицера. Но когда это дело получило огласку, молодому офицеру пришлось уйти из полка. Степана приставили к другому человеку, серьезному и женатому, который к тому же много читал. Новый хозяин заметил, что Степан умеет читать, и стал приносить ему научные книги и свежие газеты.

Читая их, Степан пришел к выводу, что нет ни Бога, ни вечности, ни ада, что люди должны заботиться лишь о том, чтобы им хорошо жилось здесь, на земле, — ведь загробной жизни не существует. Если раньше Степана смущало чувство страха перед Тайновидцем Богом, то теперь он смело мог делать все, что делали другие, скрывая дурное от людей.

В одно из воскресений Степан напился и начал играть в карты. Так день за днем он все глубже стал погружаться в греховный омут. Он изменился даже внешне, его лицо утратило свежесть, глаза бегали, как у человека, который что-то скрывает. Но никому не было дела до бедного денщика. На что бессмертная душа солдату? Было бы у него здоровье да голова на плечах.

Теперь Степан не отставал от своих распутных товарищей. На третьем году службы он отличался от них лишь тем, что не имел связей с женщинами. «Ни одна из них не останется мне верной, — думал он, — а обманывать себя я не позволю».

— Чего ты тянешь? — приставали к нему товарищи. — Хочешь быть паинькой? Чем ты лучше нас?

Они так долго насмехались над Степаном, что в нем стало пробуждаться стремление к новому греху. В одно из воскресений, когда солдаты получили увольнительную в город, Степан направился в трактир, чтобы выпить и пойти туда, где он навеки потерял бы свое достоинство и честь.

Но до трактира он так и не дошел. На маленькой тенистой улице около одного дома Степан внезапно остановился. Звуки знакомой песни, которую он давно не слышал, доносились из освещенного окна, напоминая ему далекое прошлое, когда он жил лучше и чище. Как истинный словак, он очень любил пение. Степан еще раз посмотрел на окно и вспомнил, что сейчас время поста. В тот момент, когда двери дома открылись, чтобы принять внутрь несколько человек, он заметил сидящих там, как на богослужении, мужчин и женщин. Его удивило, что этот дом не похож на церковь, а люди в нем служат Богу, в Которого перестал верить Степан.

Он уже собрался уходить, как вдруг кто-то легонько потянул его за рукав, и звонкий мальчишеский голосок позвал:

— Пойдем туда!

— Разве каждому можно зайти? — спросил Степан.

— Конечно! Пойдем!

Мальчик взял Степана за руку и привел его в светлую теплую комнату; но песня уже стихла, и на небольшую кафедру поднялся пожилой мужчина. Открыв Библию, он начал читать: «...приготовься к сретению Бога твоего, Израиль... Ибо Я знаю, как многочисленны преступления ваши и как тяжки грехи ваши...»¹

Проповедник говорил о грехе настолько убедительно, что сердце Степана затрепетало. Ему даже показалось, что все собравшиеся посмотрели в его сторону, когда проповедник призвал:

— И ты, заблудший, ты, отрекшийся от Бога человек, ты, не верующий в Бога, знай, что Бог существует! Он есть, Он всемогущ и свят, всеведущ и верен! Знай, что однажды тебе придется встретиться с Ним! Приготовься к сретению Бога твоего! Он знает все твои грехи! Он все слышал и видел. Он и теперь видит твое сердце и знает, что ты сегодня намереваешься делать.

Проповедник продолжал говорить, но Степан больше ничего не воспринимал. Услышан-

ное настолько ошеломило его, что он едва не терял сознание. Вслед за другими он вышел на улицу, но не нашел в себе сил идти в трактир. Всю следующую неделю он жил, словно в аду, преследуемый словами: «Приготовься к сретению Бога твоего!»

Он потерял аппетит, лишился сна и возненавидел грязные разговоры товарищей. Теперь он знал, что Бог существует, что он неминуемо встретится с Ним. Всю неделю Степан перебирал в памяти свои грехи и сознавал, что ими оскорбил Бога. Он впал в отчаяние и не раз спрашивал себя: «Зачем я пошел на это собрание?»

Но когда наступило следующее воскресенье, Степан вновь пришел в тот же дом и занял место в первом ряду. Ожидая начала собрания, присутствующие тихонько перешептывались между собой. Степан сидел молча, ссутулившись и понурив голову. И тут к нему подсел приятный молодой человек и проникновенно спросил, чем он может помочь. Заметив, что солдат находится в некотором замешательстве, он стал говорить ему о Сыне Божьем. Степану ни разу не доводилось слышать таких слов о Христе, и он невольно заговорил о том, что его так мучило. Тем време-

нем собравшиеся запели, и Степану пришлось замолчать. Молодой проповедник поднялся на кафедру и прочел стих, знакомый Хратскому с детства: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»².

Только теперь Степан понял смысл давно знакомых слов и впервые почувствовал, что значит быть «труждающимся и обремененным». Никогда раньше он не думал, что Того, Кто призывает его, зовут Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель мира!

А как дивен был Сын Божий! Проповедник с такой любовью говорил о Нем, что Степану показалось, будто он видит Спасителя перед собой простирающим к нему руки и говорящим: «Приди ко Мне!»

— Иисус Христос хочет спасти тебя! — продолжал между тем проповедник. — Приди к Нему. Ты обременен грехами, грех губит тебя, приди к Нему! Сознай свой грех, и Он снимет с тебя твое бремя. Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.

Степану почудилось, что устами проповедника Сам Сын Божий зовет его. Он так уверовал в это, что, когда другие начали петь, упал на

колени и сознался пред Господом во всех своих грехах, обливаясь слезами раскаяния и умоляя Бога о прощении и помиловании. Как в грозу солнечные лучи прорываются сквозь тучи, так молитва пробилась сквозь темные тучи греха и освободила сердце молодого человека от страха. Степан знал, что он грешник, но теперь уже грешник помилованный, получивший полное прощение во имя Иисуса Христа. На следующий день Степан купил Евангелие и стал ревностно посещать собрания.

Военная служба подходила к концу. Раньше Степан мечтал навсегда остаться в армии, но теперь не мог дождаться, когда вернется домой. Ему хотелось рассказать односельчанам об Иисусе Христе, о Божьей любви. В себе он видел теперь гадаринского бесноватого, которого исцелил Иисус³. И ему теперь говорил Спаситель: «...возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог»⁴.

И вот, наконец, Степан дома! С какой радостью встретили его родственники, родители и друзья! Мать не могла насмотреться на своего сына. Как возмужал он за это время, каким стал стройным, как умно говорит!

Однако прошло несколько недель, и соседи Хратских стали поговаривать о том, что Степан привез с военной службы какую-то новую веру. Он больше не выпивает, не ходит на гулянья, утром и вечером читает Евангелие и молится. Никто из сельчан не слышал от него грубого слова, но почти всем он говорил о Христе, как будто целыми днями только и думал об Иисусе.

В первые дни Хратские не возражали сыну, но, когда он предложил им вместе читать Евангелие, отцу это не понравилось. Еще сильнее его рассердило то, что сын попросил его забыть о старых обидах и помириться с Блашко. Когда брат Андрей приходил домой пьяным, Степан уговаривал его бросить пить, и этим восстановил против себя брата и его жену Бетку. Даже мать ополчилась на него, после того как он сказал ей, что она грешит, сбывая за спиной отца товар. Так вся семья отвернулась от Степана, только один дедушка Андрей всегда был готов слушать те чудные слова, которые читал ему внук. Но днем на чтение у них не оставалось свободного времени, и им приходилось сидеть над Евангелием ночью.

Вскоре после своего возвращения Степан пошел навестить Мартына Блашко, о котором в Дубравке говорили как о серьезном и умном человеке, надо сказать, что и сам Блашко считал себя праведником. Он усердно читал Книгу Иова, Иисуса Навина и в воскресенье в церкви слушал проповеди. Но то, что Степан говорил об Иисусе Христе, было для Мартына ново, и это сильно задевало его самолюбие. Он видел: Степан лучше его понимает Священное Писание, а потому стал относиться к молодому человеку с презрением, при любой возможности вступая с ним в спор.

Один из таких споров Блашко закончил словами:

— Если человек уповает на Бога и старается честно прожить жизнь, то Бог, конечно, все простит ему за гробом. Но кто из живущих может знать, что грехи его прощены?

— Я знаю! — кротко сказал Степан.

— Молчи и не хули Бога! — рассердился Блашко.

— Я не хую Бога. Иисус Христос говорит: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»⁵. Если вы зовете

к себе гостя и хотите его попотчевать, вы его действительно ожидаете. Когда он приходит, вы его угощаете, и он знает, что его накормили именно вы. Так и со мной случилось. Иисус Христос позвал меня, и я поверил Ему и пришел к Нему, получив от Него милость и прощение грехов. Я был связан грехами, но Он снял с меня это бремя, и я теперь свободен. И так всякий человек может и должен знать, что Спаситель простил ему грехи. Если же он этого не знает, значит, он еще не принял Его прощение.

— Самодовольный фарисей, праздный мечтатель! — негодуяюще рявкнул Блашко.

Мальчишки, услышав эти слова, тут же разнесли их по селу. Так и появилось в Дубравке прозвище «мечтатель».

Встреча

Стоял ясный зимний день. Снег блестел и искрился на солнце. Оснеженная земля напоминала невесту в свадебном наряде, усыпанном жемчугами и алмазами. Лучи ласкали красавицу природу, но она пряталась от них в ризу невинности и покоя.

В этой сказочной тишине на заснеженном мосту показалась Марьюшка Блашко. Она была нарядно и чисто одета: было воскресенье, и она торопилась на гулянье. Проходя по мосту, она взглянула на дом Хратских, и вдруг ей стало грустно. Вот идет она на танцы, но своего старого друга Степана там не увидит. Она догадывалась, что никогда с ним не встретится в трактире.

«Лучше бы ему умереть, чем так измениться. Кто бы мог подумать, что такой веселый парень превратится во всеобщее посмешище — в „мечтателя“. Ах, как жаль! Больно и думать об этом!»

Марьюшка с нескрываемой тревогой смотрела на дом Хратских. Что делать теперь Степану? Она слышала, что дома он больше не смеет молиться, каждую его попытку пресекают родственники. И в церковь он перестал ходить с тех самых пор, как молодые люди осмеяли его, когда он начал излагать там свое учение.

«Бедный Степан! Как подобные глупости могли прийти ему в голову? Недаром он всегда был таким серьезным. Право слово, — продолжала размышлять Марьюшка, — если бы батюшка не запретил мне разговаривать с ним,

я смогла бы переубедить Степана, он бы меня послушался. Как он дошел до таких мыслей? Как не замечает, что над ним собрались тучи? Родные настроены против него, а он упорствует. Я ждала его целых три года, так радовалась его

возвращению, и вот уже несколько недель он дома, а я даже не слышала его голоса».

Погруженная в раздумья, Марьюшка шла, опустив голову. Дорога вывела ее из леса, засыпанного снегом, к замерзшему ручью. Раньше неподалеку от него находилась бумажная фабрика, но со временем от нее остались лишь полуразрушенные стены, которые летом зарастали хмелем и вьюнками, а зимой покрывались снегом и льдом. Летом среди этих развалин пел веселый ручей, а сейчас сковавший его лед блестел на солнце, как хрусталь.

Марьюшка оглянулась по сторонам, и ей стало жутко в этом глухом месте. Над ручьем нависала скала, на которой был виден крест — память о совершившемся здесь когда-то событии:

безгрешный праведник отдал жизнь за своего виновного брата. Рассказывали, что все женщины, колдовавшие в Дубравке (их было немало), приходили именно сюда. Вдруг Марьюшка услышала, как под чьими-то шагами заскрипел снег. В страхе она оглянулась и... увидела Степана. Сердце ее защемило то ли от радости, то ли от грусти. Степан шел, умиляясь красотой лесного просвета, освещенного солнцем.

«Что же я медлю? — подумала девушка. — Теперь как раз самое время заговорить с ним. Не иначе как Бог послал мне его навстречу. Подойду к нему и приглашу на гулянье!» И, собравшись с духом, она крикнула:

— Здравствуй, Степан! Что ты здесь делаешь?

Молодой человек вздрогнул от неожиданности.

— Марьюшка, это ты! Здравствуй, здравствуй!

Он перепрыгнул через ручей и радостно подал руку подруге детства.

— Степан, пойдём со мной!

— Куда, Марьюшка?

— Будто не знаешь! Куда и все ходят, на гулянье!

— Ты идешь туда? — с грустью спросил молодой человек.

— Конечно! Пойдем со мной! Ты можешь не танцевать, если не хочешь, только покажись, чтобы люди увидели тебя и убедились, что ты не пустой «мечтатель», и не называли бы тебя так. Пойдем со мной, Степанко!

Она взяла его за руки и заглянула ему в глаза. Таким ласковым взглядом в детстве она могла добиться всего от своих друзей, особенно от Степана. Да, перед Степаном стояла она, его дорогая подруга, которую он никогда не забывал, и говорила ему: «Пойдем вместе, Степан!»

Первый раз за долгие недели он услышал добрые слова. И прозвучали они из уст Марьюшки. Но как бы ни было это приятно Степану, он покачал головой в знак отказа:

— Я не пойду туда!

— Но отчего, Степан? Что мы такого сделали, чтобы так презирать нас?

— Нет, Марьюшка, я вас не презираю, — возразил Степан с нескрываемой печалью. —

Я сам много нагрешил на воскресных гуляньях. Но, когда увидел свою греховность, словно камень лег на мое сердце. Я не смел поднять глаза к небу, но Господь помиловал меня, смыл с меня эту нечистоту. Могу ли я снова запятнать образ Божий и огорчить Отца Небесного? Нет, никогда!

— Ты полагаешь, этим мы гневим Бога? — сердито спросила Марьюшка. — Если это грех, то почему пастор не запрещает нам ходить на гулянья? Он ведь лучше тебя должен знать Священное Писание. Так вот — на днях я, возвращаясь с гулянья, встретила пастора, и он любезно спросил меня: «Много ли плясала, Марьюшка?» Отец говорит, что в церкви нас учат добру. Для того и существует духовенство, чтобы указывать нам путь в Царство Небесное.

— Ты права, Марьюшка, именно этим должны заниматься служители Божьи. Конечно, среди них есть и те, кто ревностно исполняет свой долг. Но есть и такие, о которых Спаситель сказал, что если слепой поведет слепого, то оба они упадут в яму. Подумай, ведь священники заставили Пилата распять Иисуса, требуя Его смерти. Не все, о чем проповедует и что де-

лает пастор, устоит пред Богом, и не все пасторы так святы и верны Богу, чтобы я руководствовался только их мнением. Вот тебе пример: пастор желает идти через лес, но он не всеведущ, как Бог. И дороги не знает, потому что в этом лесу никогда не был. Мне же здешняя дорога хорошо знакома, я иду по ней не впервые. Ты, скажем, по какой-то причине решила пройти через этот лес. Кому ты доверишься? Пастору или мне? До службы в армии я, Марьюшка, доверял себя руководству нашего пастора! Но он не знал пути через Голгофу, и мы блуждали оба. Теперь же я не даю ему слепо вести себя, у меня есть лучший Руководитель, говорящий мне: «...следуй за Мною»; «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные...»; «...кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»⁶.

— Но, Степан, — возразила Марьюшка, — как ты можешь превозносить себя над другими и утверждать, что пастор не знает истинного пути, а знаешь его только ты?

— А я этого и не говорю. Есть много священников, которые тоже знают истинный путь. Но наш пастор не из их числа, иначе он вел бы вас

лучше и сам бы шел впереди. Он не одобрил бы того, что утром вы идете в церковь, а вечером в трактир, и сказал бы вам правду: вы служите дьяволу и греху. Он объяснил бы слова Спасителя о том, что «никто не может служить двум господам»⁷, и не смотрел бы равнодушно на то, как его паства погибает от пьянства, потому что «пьяницы... Царства Божия не наследуют»⁸. Не станем, однако, больше спорить об этом, я никого не хочу судить. Но тебя я прошу, Марьюшка, не надейся только на людей. Ведь написано: «...Проклят человек, который надеется на человека»⁹. Подумай над тем, что говорит Бог: «...Будьте святы, ибо Я свят»¹⁰. Может ли человек, желающий быть святым, пойти в трактир, где табачный смрад, запах водки и пьяные речи? Может ли он там пить, плясать, слушать ругательства и сквернословить? Можешь ли ты представить, что Мария или другие святые жены, следовавшие за Иисусом и жертвенно служившие Ему, пошли бы теперь с тобою в трактир? А они были такими же людьми, как и мы. Только это были святые, потому что веровали в Спасителя, слушались Его, служили Ему и любили Его. И все это ты можешь и

должна получить, Марьюшка. С тех пор как я тебя знаю, ты всегда была добра к людям. Когда же ты станешь добра к Спасителю? Когда ты полюбишь Его всем сердцем, всей душой и станешь служить Ему? Двум господам нельзя служить разом: можно служить или миру, или Ему. Если бы ты знала, что значит быть избавленным от греха и принадлежать Христу! Видишь, дома все от меня отвернулись — ведь они служат миру, а я хочу служить Богу. Кроме дедушки, меня никто не понимает: ни родители, ни брат, ни родственники. И вы, друзья детства, покинули меня и спасаетесь от меня, как от чумы! Никто не останавливается на улице, чтобы перекинуться со мной хоть словечком. Дома у меня нет даже уголка, где бы я мог спокойно читать и молиться. Я чужой в своей семье. Но у меня есть Спаситель, Иисус Христос, и я, несмотря ни на что, чувствую себя безмерно богатым и часто очень счастливым. Как раз перед встречей с тобой я размышлял о Его великой любви ко мне и думал о том, что Он найдет для меня место. Жить дома стало невыносимо. Когда я иду читать Слово Божье в дальнюю комнату, Бетка начинает нарочно

шуметь, иду в сени — матушка гонит меня оттуда, говоря, что я превращаю дом в церковь. А в чулане слишком темно... К тому же, когда отец возвращается из церкви, он напивается и начинает скандалить. Поэтому я взял Библию и пришел сюда, и дедушка Андрей обещал скоро прийти.

Обо всем этом я вспомнил сейчас, стоя у ручья. Пока я не служил Господу и попирал ногами Его заповеди, мне жилось неплохо. Люди понимали меня, мне было легко с ними ладить. А теперь мне так трудно, что кажется, больше не выдержу. В минуту отчаяния Дух Святой мне напомнил, сколько за меня страдал Сын Божий, как поносили Его люди. Мне представилось, что Спаситель спрашивает меня: «Ты и немного не хочешь пострадать за Меня?» Я устыдился и попросил у Господа терпения, обещая впредь с готовностью страдать за Него. После этого мое сердце наполнилось радостью, и тут Бог прислал ко мне тебя! Я уже давно просил у Него дать мне возможность поговорить с тобой. Думаю, что, если в Дубравке все отрекутся от Спасителя, ты этого не сделаешь. Мне кажется, сегодня ты не пойдешь в трактир, чтобы не

огорчить Господа. По правде сказать, я не могу представить тебя там.

Степан замолчал, и воцарилась тишина. Марьюшка стояла с опущенной головой, не понимая, что с ней творится. Она еще не сознавала, что это истина Божья касается ее юной души подобно тому, как первый луч восходящего над горами солнца проникает в темную долину.

«Степан любит Сына Божьего и следует за Ним. Никакой он не праздный „мечтатель“, как прозвали его люди. „Мечтатели“ — это они сами, идущие по широкому пути. Верно говорит Степан, нельзя представить святых жен в трактире, но и его самого трудно представить там. Неужели она пойдет на гулянье и огорчит этим Господа? Степан открыл ей истину. Когда он говорил об Иисусе Христе, все для нее стало яснее ясного. Почему же она до сих пор не понимала это?»

— Вот и дедушка идет! — обрадовался Степан. — Сегодня не очень холодно, и мы будем с ним читать прямо тут, нам никто не помешает. А ты, Марьюшка, что решила?

— Я остаюсь с вами, — робко ответила девушка.

— Остаешься! Благодарение Господу! Поверь мне, Марьюшка, ты никогда об этом не пожалеешь.

Прощальные лучи солнца падали на разрушенные стены, занесенные снегом, на седовласого старика, на сидящую возле его ног девушку и на молодого человека с Библией в руках. Он читал им, и они с глубоким вниманием слушали слова о том верном пути, на котором не заблудятся неразумные и по которому идут искупленные Господом. Степан закончил чтение молитвой, и они пошли домой, по дороге обмениваясь мыслями о Божественной истине.

Так состоялось в Дубравке первое собрание «мечтателей», о котором никто не знал.

Добрый самарянин

На ярмарке в местечке С., как всегда, было много пьяных. Петр Крачинский тоже выпил лишнего и теперь еле держался на ногах. Неуверенной походкой он шел по дороге с узлом за плечами. Лицо его горело, мутный взгляд блуждал по сторонам, иногда

останавливаясь на новой скрипке, которую он держал в руке.

С малых лет Петру нравился этот инструмент. В детстве, когда вместе с другими детьми ему приходилось пасти скот, он всегда находил время, чтобы смастерить себе что-то наподобие скрипки. А три года тому назад он научился играть на ней. Ему достаточно было один раз услышать мелодию, чтобы ее повторить. Петр давно мечтал о новой скрипке, и вот сегодня он наконец-то стал ее счастливым обладателем.

Мать уже не упрекала Петра за то, что он попусту теряет время со своей скрипкой. Его приглашали играть на танцах и свадьбах, так он зарабатывал больше денег, чем за ткацким станком.

Куда же уходили эти деньги, на что тратил их Петр? Вел он разгульную жизнь, любил выпить. Но до этого никому не было дела, ведь и другие молодые люди жили не лучше.

В детстве Петр казался заморышем и носил прозвище Лягушонок, но вырос он стройным и пригожим парнем. Не будь Крачинская вдовой, ему бы не миновать военной службы. На лице его, покрытом нежным румянцем, выделялись голубые глаза, темные волосы падали на высо-

кий лоб. Замечая его привлекательность, люди говорили, что, наверно, в молодости его родители тоже были очень красивыми.

Сегодня Петр продал на ярмарке полотно и на все деньги купил новую скрипку. Крачинская задумала открыть трактир и хотела, чтобы ее сын стал в нем первым скрипачом. Свой план получения с трактира солидных доходов Крачинская вынашивала целый год и уже начала собирать кирпичи и доски, чтобы сделать к дому пристройку.

Надвигались сумерки, а Петр все никак не мог дойти до дому. Его то и дело обгоняли возвращавшиеся с ярмарки люди, пешие и конные, и вскоре на дороге он остался один. Спотыкаясь, он всякий раз громко бранился, затем снова начинал петь или хохотать без причины.

Вдруг за его спиной послышался звон бубенцов. Это ехали с ярмарки пастор с сельским учителем.

— Эй, Петр, — окликнул пастор молодого человека, — смотри, как бы тебе не пришлось заночевать в канаве!

— Подвезите меня, пожалуйста! — взмолился Петр.

— Не будь ты пьян, подвез бы, — ответил пастор.

— Его преподобие не может ехать с пьяницей, — нравоучительным тоном пояснил учитель.

И тут в их разговор вмешался чей-то насмешливый голос:

— Ну и ну! Нашли кого подвозить!

Петр обернулся и увидел рядом с собой стекольщика. Тот был тоже навеселе и держал в руке корзину со стаканами. Петра рассердило то, что двое его пристыдили, а третий еще и высмеивает.

— Почтенный сударь желает прокатиться с пастором? — продолжал между тем насмешник.

— Ну берегись! — прорычал Петр.

— Ах ты, грубиян... Да как ты смеешь кричать на меня?! — взревел стекольщик и смерил Петра с ног до головы взглядом.

Тогда Петр отбросил в сторону скрипку и кинулся на своего обидчика. Вырвав у него из рук корзину, он в ярости вытряхнул стаканы ему на голову. Завязалась драка. Наконец стекольщик изловчился и сильно ударил Петра палкой по

голове. Крачинский потерял сознание, а испуганный стекольщик поспешил скрыться.

До самой темноты пролежал Петр без памяти в лужице крови, вокруг которой были разбросаны разбитые стаканы. Скрипка и узел валялись поодаль. Мимо то и дело проезжали сани, но подгулявшие мужики торопились домой и не замечали лежащего на дороге юношу.

Но вот неподалеку от Петра кто-то остановил лошадей. Этот человек не распевал пьяным голосом песни, а слез с саней и стал подтягивать ослабевшую подругу. Случайно заметив валяющуюся на дороге скрипку, он невольно вздрогнул и быстро огляделся. На обочине в снегу он увидел лежавшего ничком мужчину. Путник склонился над ним, повернул к себе его голову.

— Да ведь это Петр! — ужаснулся Степан (а это был он) и поспешно начал стирать снегом кровь с лица друга. И тут Петр открыл глаза.

— Петр, ты жив? Слава Богу!

— Это ты, Степан! Где я?

— На дороге лежишь, весь в крови. Ты упал, что ли? Как это случилось?

— Ах да... я подрался с одним негодяем, и он поколотил меня.

Вспомнив об этом, Петр разразился самыми скверными ругательствами.

— Не грехи! — Степан рукой закрыл ему рот. — Господь помиловал тебя и спас от смерти. Если бы не Божья милость, я не задержался бы в городе и ты замерз бы на дороге. И вот вместо того чтобы благодарить Всевышнего, ты, едва открыв глаза, снова начинаешь грешить.

Эти строгие, но справедливые слова подействовали на Петра отрезвляюще: ведь Степан был его старым другом.

— Садись в мои сани, поедem скорей домой! — заторопился Степан.

— Да разве ты повезешь меня? Я ведь пьяный!

— Вот я-то и должен довести тебя до дома, чтобы ты не погиб здесь для этой жизни и для вечности.

— А пастор не захотел подвезти меня, — пожаловался Петр. — Возьми он меня с собой, этого бы всего не случилось.

Петр, чувствуя боль во всем теле, с трудом поднялся с земли. Голова у него раскалывалась. Степан заметил, что его друг еле-еле дошел до саней.

— Вот что, Петр! — сказал он с тревогой. — Ты уж лучше ложись, а я тебе под голову подсуну пустые мешки. Да и рану надо перевязать, чтобы не застудить.

Степан накрыл своей шубой Петра, взял вожжи, и сани тронулись.

«Как он заботится обо мне, — подумал Петр, — совсем как добрый самарянин. Говорят, что Степан „мечтатель“. Только никакой он не „мечтатель“. Он уложил меня в свои сани, перевязал рану, накрыл шубой, а теперь еще и зябнет из-за меня».

— Степан, сядь поближе ко мне, — попросил Петр. — Расскажи, что с тобой происходит. Ты возвратился в Дубравку совсем другим человеком, как будто чужой. И что это за новая вера у тебя? Степан очень обрадовался, что Господь дал ему возможность рассказать своему старому другу о спасении из греховного омута. Он давно просил Бога позволить ему свидетельствовать друзьям о том, что сделал для него Иисус Христос. Но он никогда не думал, что первым его слушателем будет погрязший в грехах Петр. Степан придвинулся к другу, положил себе на колени его голову, чтобы тому было удобней, и

начал рассказывать о своем обращении к Богу. Так этой зимней ночью ехали они, мирно беседуя, и звездное небо величественно и молчаливо простиралось над ними. Рассказывая о прошлом, Степан с жаром свидетельствовал о спасшей его, дивной Божьей любви к грешнику. Как он жаждал, чтобы и Петр пришел ко кресту! Только там его ожидало спасение, а вне Христа для всякого грешника явная погибель.

В какой-то момент Степану показалось, что Петр задремал, и он, чтобы не тревожить друга, замолчал. Но Петр не спал, наоборот, его душа медленно пробуждалась от глубокого сна.

— Степан, как ты думаешь, Бог, Иисус Христос может простить такого грешника, как я?

— Ты, Петр, не более грешен, чем я. Если Он мог принять меня, то примет и всякого, потому что Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.

До самого дома Степан рассказывал другу о великих делах Божьих. Он говорил Петру об Иисусе, Агнце Божьем, несущем грехи всего мира, умершем за беззаконников.

Старушка Крачинская уже легла спать и не слышала, когда сын вернулся домой. Не виде-

ла она, как Степан промыл его рану и как потом они оба, преклонив колени, помолились на кухне. Заметив утром на голове спавшего сына повязку, она сразу поняла, что он подрался. «Ну теперь жди брани. Как проснется, так и начнет срамословить», — сказала она сама себе. Но когда Петр тихо встал и с усердием принялся за работу, она забеспокоилась. Уж не заболел ли сын? Долго она наблюдала за ним и наконец не выдержала, спросила, что случилось.

— Да подрался с одним пьяным. Он поднял меня на смех, — ответил Петр. — Но это было в последний раз. Я никогда ни с кем больше не буду драться.

— Хорошо, если так, сынок, драки до добра не доведут, — вздохнула старушка, а про себя подумала: «Выздоровеет, и все пойдет по-старому».

Целую неделю Петр ходил с повязкой на голове, часто его пробирала лихорадочная дрожь. В воскресенье Крачинская даже не спросила, пойдет ли сын в церковь, и отправилась туда одна. По дороге она рассказала соседкам о сыне-гуляке, о своих опасениях.

— Стоит ли горевать об этом, — утешили ее женщины. — Молодо-зелено, с годами присми-

реет. И мы были молодыми. Лучше уж парень-красавец, которого все любят, чем такой скромный «мечтатель», как Степан Хратский!

— Если бы мой сын походил на Степана, я бы сама ему шею свернула, — согласилась Крачинская.

— Не беспокойся! — засмеялись женщины. — Скорее медный грош превратится в золотой рубль, чем Петр Крачинский в святого!

Слова эти были встречены общим хохотом. Выходя из церкви, вдова с улыбкой вспоминала, что говорили женщины. Между тем в доме Крачинских над раскрытой книгой склонились два молодых человека. Они читали Библию и, казалось, не могли начитать. Позже, встав на колени, они горячо молились, и один из них плакал.

Товарищи

— Наверно, у Петра разболелась голова, и он не пришел сегодня, — тереялись в догадках молодые люди, собравшиеся на танцы.

— А где Марьюшка? — спросили они у только что появившегося в трактире Мишки. —

В прошлое воскресенье ее не было, и сегодня она не пришла.

— Марьюшка сказала, что ее ноги больше здесь не будет, — насунив брови, ответил Мишко. — Может, мою сестренку кто-нибудь обидел?

— Да нет, никто вроде не обижал.

— Ничего, все уладится, и скоро Марьюшка опять будет здесь, — предположил кто-то из девушек.

Скоро молодежь, забыв обо всем, весело танцевала. Только Мишко было не до развлечений. Он вспоминал слова, сказанные ему Марьюшкой, когда он уходил из дома.

— Не ходи на танцы, Мишко. В трактире ты ничему доброму не научишься. Сегодня ведь воскресенье. Останемся лучше дома. Грех слушать двум господам: Богу и дьяволу.

— Как бы не так! — ухмыльнулся в ответ Мишко. — Остаться дома означает прослыть таким же «мечтателем», как Степан.

— Степан не «мечтатель»! — не сводя с Мишки своих темных глаз, твердо сказала девушка. — Ты ошибаешься. Он лучше всех нас знает истинный путь, ведущий на небеса. Пустой

«мечтатель» тот, кто Бога не слушает и Иисуса Христа не любит.

На том они и расстались.

«Где сестра набралась таких слов? — недоумевал Мишко. — Откуда она знает, что Степан не „мечтатель“? Ведь ее не было дома, когда Хратский приходил на мельницу. И странно, что веселиться — это грех».

Мишко не мог усидеть в трактире и вскоре ушел домой.

«Зайду-ка я к Степану, — решил он по дороге. — Ведь не стану же я „мечтателем“ после одного разговора с ним! Мы с детства были друзьями, а теперь избегаем его, хотя, честно говоря, он нас ничем не обидел. Пожалуй, Марьюшка права. Степан умнее всех нас и, может быть, на службе научился чему-нибудь хорошему. Возможно, он желает нам добра, а мы не понимаем этого. Пойду хоть раз поговорю с ним откровенно».

Дети Хратских сказали, что Степана нет дома. Тогда раздосадованный Мишко вспомнил о Петре Крачинском и решил узнать его мнение о «мечтателе».

Приближаясь к дому Крачинских, он еще издали услышал звуки скрипки и узнал слова ду-

ховной песни. Распахнув дверь, он остановился на пороге как вкопанный. Дедушка Хратский сидел за столом. Около старика стояли Степан и Марьюшка и пели, глядя в какую-то книжку, а Петр аккомпанировал им на скрипке. Мишко решил присоединиться. Марьюшка, улыбнувшись, протянула ему книжку, и он допел вместе с друзьями. Потом они рассказали, что пришли навестить Петра и здесь неожиданно встретились. Степан, раз уж они собрались вместе, предложил прочитать что-нибудь из Слова Божьего, а потом поговорить о прочитанном.

«Отлично, — подумал Мишко, — теперь-то я увижу, „мечтатель“ он или нет».

За чтением друзья не заметили, как наступил вечер. Они слушали пояснения Степана и проникались к нему все большей любовью. Мишко понял, что никакой Степан не «мечтатель».

— Вот смотри, сынок, — сказал старик Хратский, когда они с Мишко возвращались от Крачинских, — мы тут жили, не боюсь этого сравнения, как бессловесный скот, для которого и Бога-то нет, знать ничего не знали. Теперь Степан учит нас тому, чему давно мне следовало бы научить своего сына и его самого. В каком грехе я прожил, сколько лет преступал заповеди Божьи! И не сознавал, что грешил. — Старик смахнул наворачнувшиеся на глаза слезы. — Ах, сынок, обратись скорее к вере. Тогда тебе не придется каяться в стольких грехах, сколько их лежит на моей совести.

— Но, дедушка, — возразил Мишко, — вы всегда были честным и порядочным человеком, никто не может обвинить вас в чем-либо дурном.

— Никто, кроме Господа Бога, Который Один знает все. Когда Степан говорит о великой любви Божьей, мне почти не верится, что Господь возлюбил и меня, меня, который всю жизнь был непослушен и постоянно огорчал Его.

На этом им пришлось прервать разговор, так как из церкви вернулась старушка Крачинская.

На следующий день Фома Хратский с сыном Андреем уезжали по делам. Покидал Дубравку и Мартын Блашко. Он ехал продавать сушеные фрукты, и Марьюшку оставлял на три недели вести хозяйство, присматривать за двумя младшими братьями и заботиться о Мишко.

Степан пришел на мельницу, чтобы передать Марьюшке поручение от ее отца, которого встретил на улице, провожая отца и брата. Вскоре к ним присоединился Петр со своей скрипкой, и вместе они начали читать Слово Божье и петь духовные песни. Этот вечер так понравился молодым людям, что они решили встречаться каждый день.

Поначалу они собирались втроем. Но скоро люди стали прислушиваться к их пению. Случалось, какой-нибудь мужик, привозивший вечером зерно на мельницу, подсаживался к ним, чтобы послушать красивое пение и чтение Слова Божьего.

Со Степаном всегда приходил дедушка. Петр приводил своего друга, тоже ткача, Павла Петрана. Павел был из другой деревни и переселился в Дубравку, где жила его жена, после свадьбы. Однако теща невзлюбила его, да и жена

относилась не лучше матери. Петран радовался любой возможности отлучиться из дома. Особенно ему нравилось бывать в уютной комнате на мельнице и слушать чудные слова, которые читал и пояснял Степан.

Во время чтения и продолжительных бесед члены этого маленького кружка так глубоко погружались в действительность Божественной истины, что забывали об окружающем и горели одним желанием — призывать других на путь спасения.

Минуло всего несколько дней после отъезда Блашко и Хратских, а молва о собраниях «мечтателей» вышла за пределы Дубравки. Люди шептались о том, что Степан Хратский привез новую веру, что ее уже приняли старик Хратский, Марьюшка и Мишко Блашко, Петр Крачинский и Павел Петран. Они не только перешли в новую веру, но и стараются привлечь к ней других. Кто к ним переходит, не смеет курить и пить вино, им нельзя танцевать в трактирах и на гуляньях, вообще всякое веселье запрещено. Нужно все время сидеть с Библией и молиться. Эти дубравские «мечтатели» по воскресеньям ходят в церковь, но

по дороге вступают в споры о вере с прихожанами.

Молодежь подтрунивала над «мечтателями», а старики их ругали. Однако все единодушно удивлялись непонятной перемене в Петре Крачинском. Его больше не видели в трактире, он не сквернословил, не дрался, не напивался, как это случалось с ним прежде. Когда его приглашали играть на скрипке, он отвечал: «Не могу играть для дьявола; я достаточно нагрешил за свою жизнь». Днем он усердно трудился дома за ткацким станком, а вечером ходил на мельницу к Блашко.

Старушка Крачинская, испуганная тем, что сын так изменился, поначалу обещала свернуть ему шею. Но со временем она убедилась, что ни угрозы, ни проклятия, ни слезы не могут поколебать веры Петра.

— Делай, что угодно, матушка, — говорил он. — Даже если ты от меня отречешься, я все равно не оставлю Степана. Ведь он сжалился надо мной, когда я лежал на дороге один, как тот несчастный, попавший в руки разбойников около Иерихона¹¹. Пастор с учителем проехали мимо, а Степан помог мне. Уже за одно

спасение жизни я должен быть ему благодарен. Оставь он меня тогда на дороге, я мучился бы теперь в аду. Но это еще не все. Степан указал мне узкий путь, по которому нам заповедал идти Спаситель. С Божьей помощью я решился идти по этому пути.

Подстрекаемая другими женщинами, Крачинская всячески придиралась к сыну, но не могла вывести его из себя. Когда Петру становилось совсем неважно, он уходил из дома. И тогда мать поняла, что ей не изменить сына. Она оставила юношу в покое, признав его право поступать по-своему.

Мартын Блашко вернулся на день раньше, чем обещал. Войдя в комнату, он застал всех за слушанием Слова Божьего. Марьюшка сидела за прялкой рядом с братиком Мартином. Дедушка Хратский и Степан расположились около стола, а Петр Крачинский у плиты. Мишко стоял, прислонившись к печи. Никем не замеченный Блашко с удивлением всматривался в счастливые лица собравшихся. Они слушали Степана, который читал им из Слова Божьего о страданиях Христа. Прочитав о том, как Христос умер на кресте, Степан умолк, и в комнате

воцарилась тишина. Такая тишина наступает, когда люди собираются около постели умирающего и начинают сознавать, что все земное кончилось.

— Удивительно, — нарушил молчание Петр, — на Страстной неделе я часто слышал о том, что Степан прочитал сейчас. Но до сегодняшнего дня не сознавал, как сильно страдал Сын Божий, умирая за мои грехи.

Блашко посмотрел на Петра с удивлением. Неужели этот легкомысленный парень, сквернослов и выпивоха, может говорить серьезно?

— Ты молод, сынок, — поддержал Петра Хратский. — А у меня, старика, что творится на душе! Когда Степан читал, я чувствовал, что Сам Бог открывает, наконец, нам очи, чтобы мы понимали Его Слово. Вот как пришлось страдать Божьему Сыну за нас, безбожников!

— Мы давно знали об этом, но не принимали близко к сердцу, — задумчиво добавила Марьюшка.

— Ты права, — согласился Степан. — Мы жили так, будто Его страдания вовсе нас не касались. А Иисус Христос может скорбеть о всех нас, как сказано в Плаче Иеремии: «...взгляните

и посмотрите, есть ли болезнь, как моя болезнь, какая постигла меня, какую наслал на меня Господь в день пламенного гнева Своего?»¹².

— Мы не станем более забывать об этом. Будем усердно служить Ему, слушаться Его, и этим все исправим, — ободрил друзей Мишко.

— Исправить мы ничего не можем, — возразил Степан, — потому что нельзя вернуть годы, прожитые нами без Бога.

Слова эти поразили Блашко. Он уже хотел войти в комнату и прервать разговор, как вдруг услышал слова старика Хратского.

— Не странно ли, — озадаченно проговорил тот, — Сын Божий мог претерпеть за нас такие муки и унижения, а человек за Него не может ничего претерпеть?

— Ах, дедушка, — возразила Марьюшка, — вспомните мучеников, о которых мы вчера читали.

— Да, в былые времена они встречались. Теперь нет людей, которые могли бы вытерпеть мучения за веру. Как считаешь, Степан?

— Если по воле Божьей мне пришлось бы страдать за Христа, мой Отец Небесный дал бы мне сил на это. Ведь мученики были такие

же люди, как мы. В нужное время Бог давал им силу оставаться верными Ему до конца. Думаю, точно так же поступит Он и со мною. Все зависит от степени нашей любви к Спасителю. В эту минуту мне кажется, что я перенес бы за Него бичевание, как Он переносил его за меня. Никогда бы я не отрекся от Него...

Степан так тихо произнес эти слова, словно они выходили из самой глубины его сердца. Однако Блашко услышал их и страшно возмутился.

— Замолчи, гордый мальчишка! — гневно закричал он. — Ты даже не знаешь, что значит терпеть! Апостол Петр тоже уверял, что пойдет с Господом на смерть. А что вышло?! Посмотрим, как ты поведешь себя, когда придет настоящее испытание!

Неожиданное появление Блашко и его гнев всех поразил. Марьюшка начала торопливо накрывать на стол, Мишко пошел встречать брата, а Петру, как оказалось, пора было ехать за дровами.

Степан, узнав от Блашко, что завтра вернется его отец с братом, простился со всеми и заторопился домой, чтобы сообщить эту новость

матери и Бетке. Марьюшка вышла проводить его.

— Степан, ты сердисься на отца? — спросила она.

— Да за что мне на него сердиться?

— Ведь ты никогда не отречешься от Господа, правда?

— Сегодня мне кажется, что не отрекусь даже под страхом смерти. Но твой отец прав, мы только слабые и немощные люди. Мне нужно просить у Бога сил, чтобы в решительную минуту скорее согласиться принять смерть, чем отречься от Христа. Прощай, Марьюшка, спокойной ночи!

Раги Христа

Хратские, как и обещали, возвратились домой на следующий день, в среду, а в четверг Фома Хратский поехал на ярмарку продавать свиней. Вечером того же дня он зашел в трактир выпить и застал там разный народ: одни были почти трезвые, другие уже навеселе, а третьи совсем пьяные. Хратский еще и выпивку заказать не успел, а ему уже все уши прожужжали о Степане и его новой вере.

Фома выслушал всех, не проронив ни слова, и после первого стакана ушел из трактира. Дома его встретила невестка, и он спросил у нее, правда ли, что Степан ходит к Блашко, где и другие собираются для молитвы.

Бетка обрадовалась случаю отомстить Степану за тот увещательный тон, которым он им, честным людям, говорил, что, пока не поздно, надо обратиться от греха к Богу. Она стала рассказывать, как Степан зазывал ее со свекровью на собрание к Блашко. При этом она придумала много небылиц, надеясь своей клеветой восстановить отца против сына.

Узнав от Бетки, что Степан работает в сарае, разгневанный Хратский направился туда. Дверь сарая была распахнута, и в слабом свете вечерней зари он увидел погруженного в работу молодого человека. Молча разглядывал Хратский своего сына. Широкоплечий, крепко сбитый Фома считал себя видным мужчиной. Степан — хотя и был привлекателен — уступал ему физически. Да уж, не Степану, узкоплечему и слабому, тягаться с отцом!

Хратский решительно переступил порог и захлопнул за собой дверь. В сарае стало темно, и Степан поднял голову от работы.

— А, это вы, отец! — улыбнувшись, сказал он. — Как вы меня напугали.

— Так я напугал тебя? Значит, у тебя есть причина меня бояться, негодный!

Каждое слово Хратский произносил так, словно ударял тяжелым молотом по наковальне.

— Я не сделал, отец, ничего такого, что заставило бы меня вас бояться, — спокойно ответил Степан. Открыто посмотрев на отца, он скрестил на груди руки и прислонился к деревянной подпорке.

— Не сделал?! И ты еще смеешь отрицать свою вину! — закричал Хратский и, вспыхнув от злости, осыпал сына страшными проклятиями.

— Я, право, не вижу за собой никакой вины. Умоляю, не проклиняйте меня. Мы ведь знаем, что за каждое слово нам придется держать ответ в День суда.

— Молчи! Я не нуждаюсь в твоих проповедях! Отвечай, это правда, что вы собираетесь у Блашко и там развращаете людей своими «мечтаниями»?

— Да, мы собираемся у Блашко, для того чтобы вместе читать и разбирать Слово Божье. Мы

никого не развращаем и приглашаем только тех, кто желает познакомиться поближе с заповедями Божьими.

— Значит, ты не отрицаешь этого?

— Я говорю правду и не отказываюсь от своих слов.

— Неужели ты думаешь, что я допущу все эти сборища? Из-за тебя люди дурно говорят обо мне. Разве на свой стыд и позор я растил сына? Сейчас же на этом самом месте ты откажешься от своих пустых «мечтаний» и станешь жить так, как жили наши отцы, как живут все люди. Никаких новых «вер»! Будешь ходить на гулянья, как другие парни, и дело с концом! Если же не отступишься, я выбью из тебя эти «мечтания» силой!

И Хратский замахнулся на сына. Но Степан не дрогнул. Он выпрямил свой стройный стан; в глазах юноши загорелся огонь, зажженный у Божественного алтаря.

— Я не «мечтатель», отец! — спокойно и твердо проговорил он. — Но если следование за Иисусом Христом вы называете «мечтанием», то от этого я отречься не могу. Не в вашей власти заставить меня согрешить. Жить, подчиня-

ясь требованиям плоти, и служить дьяволу я не стану. Я не буду поступать против воли Божьей и попира́ть Его закон, как это делал прежде, как это делают многие и теперь. И я буду уговаривать всех и вас, отец, тоже оставить служение миру и дьяволу. Обратитесь всем сердцем к живому и истинному Богу!

Степан не успел договорить. Хратский накинулся на него и начал трясти с такой силой, что уронил наброшенный на свои плечи кафтан.

— И ты еще смеешь перечить мне, негодяй! Ослушаешься — я тебя так поколочу, что всю жизнь помнить будешь! Я научу тебя соблюдать четвертую заповедь!

— Отец, побои ни к чему не приведут, я не могу отречься от истины. Иисуса Христа за меня бичевали, и я готов претерпеть за Него. Но я прошу вас об одном — одумайтесь. Ведь рано или поздно вы пожалеете о содеянном.

— А-а, так ты мечтаешь уподобиться Иисусу Христу? Ну, хорошо!

Хратский отскочил в сторону, поднял с полу веревку и, прежде чем сын успел опомниться, привязал его к столбу. Когда Степан увидел, что отец вытаскивает из телеги кнут,

он невольно вздрогнул, охваченный страхом перед болью. Этот минутный страх сменился чувством солдатской гордости, проснувшейся в нем перед таким возмутительным насилием. И тут Степану вспомнились слова Мартына Блашко о том, что в минуту настоящего испытания он, как апостол Петр, отречется от Господа. Что Степан ответил тогда? Что умрет, а не отречется.

Он закрыл глаза и замер в ожидании. Ждать пришлось недолго: удары посыпались градом. Жгучая боль пронзила все тело. Но юноша закусил губы, чтобы из груди не вырвался ни один крик.

— Оставишь ты теперь свои «мечтания»?! — кричал в ярости Хратский.

— От истины не отрекусь, — пресекающимися от боли голосом твердо отвечал Степан.

Удар... еще удар, и кнут сломался. Когда отец нагнулся, чтобы поднять его, сын с выражением глубокой печали посмотрел на своего палача, капельки холодного пота выступили у него на лбу.

— Отец, остановитесь! Если вы убьете меня, моей душе вы не повредите, потому что «пре-

терпевший же до конца спасется»¹³. Но от этого пострадаете вы и теперь, и в вечности. День и ночь вас будет преследовать мысль, что вы убили свое родное дитя.

Эти слова, как нож, вошли в сердце Хратского. Он уже сознавал, что не прав, и это причиняло ему душевную боль. Совесть говорила, что не нужно было так мучить сына, он должен попросить у него прощения. Другой же голос, заглушая первый, твердил: «Не делай этого!» Вне себя от злости Хратский нанес еще один сильный удар. Он во что бы то ни стало хотел заставить Степана крикнуть. Его пугало молчаливое терпение сына и бесило смирение, напоминавшее о страданиях Спасителя. Ему хотелось услышать человеческий крик, но до него долетал лишь приглушенный стон. У Степана подкосились ноги, он повис на привязанных к столбу руках, изо рта и носа у него потекла кровь.

Но Хратский уже не увидел этого. Он покинул сарай довольный, что примерно наказал сына. На его месте то же самое сделал бы любой мужчина из трактира. Туда-то и направился Хратский.

Выходя из сарая, он не заметил Мартына Блашко, который уже несколько минут насто-роженно прислушивался к брани Хратского и свисту кнута. Мельника удивляло, почему никто не зовет на помощь. Когда до Мартына наконец долетел слабый голос Степана, внутри у него все так и похолодело. «Не бьет ли Хратский сына из-за слухов, которые ходят о нем? — подумал он. — Посмотрим, вынесет ли Степан удары ради Христа! Скоро пройдет у него охота хвастаться!» Совесть побуждала мужчину войти в сарай, внутренний голос твердил: «Войди! Хратский — злой человек. Посмотри, что он там делает». «Ничего, — хмурясь, рассуждал Блашко, — отец имеет право наказывать своего сына. Если бы он бил его слишком жестоко, я, конечно, вмешался бы».

Тем временем вновь послышался тихий стон Степана. «Зайду-ка я, — решил Блашко, — и спрошу Степана, каково страдать за Христа». Он приоткрыл двери сарая. Вся свою жизнь потом Блашко не мог забыть представившегося его глазам зрелища.

Степан выглядел ужасно: его изорванная рубашка, залитая кровью, едва прикрывала тело, сплошь усыпанное синяками. Если бы не при-

вязанные к столбу руки, он лежал бы теперь на полу. «Войди ты раньше, — снова заговорила в Блашко совесть, — этого не случилось бы».

Степан был без сознания. Подойдя к нему, Мартын поспешил перерезать веревку, которой тот был привязан к столбу, и тихонько опустил обмякшее тело на землю. Затем он повернул к свету бледное окровавленное лицо юноши, и невыразимое сочувствие наполнило его сердце. Почти с нежностью он позвал:

— Степанко!

Тот открыл глаза.

— Дядя, это вы? Бог помог мне остаться верным Ему, несмотря на все страдания... — еле слышно произнес молодой человек. Чудная улыбка освещала его лицо, но он весь дрожал.

— Пойдем домой, Степан, я помогу тебе встать.

— Дядюшка, возьмите меня на ночь к себе, — прошептал Степан и попытался приподняться. — Мать может испугаться, и дома опять будет ссора. Бог вознаградит вас за это.

— Ну что ты, что ты, Степан... Разве я отдам тебя снова в руки отцу? Переночуешь у нас, а там посмотрим.

И с этими словами Блашко помог Степану встать, но не прошли они и двух шагов, как измученный юноша вновь потерял сознание.

— Фома убил его, и я допустил это! — в отчаянии простонал Мартын.

В эту минуту вся его собственная праведность, которой он так гордился, показалась ему столь же зыбкой, как туман перед восходом солнца. Наклонившись над Степаном, он пытался привести его в чувство, но тот не подавал признаков жизни. Мартыну становилось страшно от сознания, что если Степан умрет, то часть вины ляжет и на него.

Но тут как раз в сарай зашел Петр. Он взглянул к Степану, чтобы вместе с ним пойти на вечернее собрание в дом мельника. Да, Степан отправился туда, но как? Его несли к Блашко на руках. По дороге Петр узнал от Мартына, что Хратский избил своего сына за «мечтания».

— Ах, дядя! — возмущенно воскликнул Петр. — Если бы Степан не научил меня страху Божьему и послушанию Иисусу Христу, я отомстил бы Хратскому, сжег бы его сарай. Один Бог знает, что я сделал бы ему за расправу над Степаном. — И Петр зарыдал, как дитя.

Когда они с Блашко принесли на мельницу Степана, Петр рассказал о том, что случилось испуганной Марьюшке. Перевязывая другу раны, молодые люди плакали.

Степан дышал и, значит, был жив, но глаза его были закрыты, и лицо покрывала смертельная бледность. Все тело молодого человека было в кровоподтеках, над виском темнело пятно — удар от кнута. Друзья делали для него что могли. Когда Степана уложили в постель, они преклонили колени, моля Господа не допустить смерти друга, зная, что Бог в силах вернуть жизнь умирающему. До сих пор они были слабы и неопытны в вере, но теперь их сердца единодушно устремились туда, где обитал их единственный Друг и Заступник, Который понимал их.

Степана знобило. Лихорадочный жар затуманивал взор, даже открывая глаза, молодой человек никого не узнавал. Его мучила жажда, и он беспрестанно просил пить. Когда Блашко

склонился над постелью Степана, он услышал, как тот тихонько шепчет: «Господи, помоги мне терпеливо переносить эту боль! Ты знаешь, как я страдаю и знаешь, что я готов страдать, но мне очень тяжело. Не гневайся на отца: он не ведал, что творил. Прости ему все ради Твоих ран!»

Когда Степан приходил в сознание, он жаловался, но не людям. Он очень страдал, но был готов принять страдания во имя Христа.

Теперь Блашко убедился, что у Степана и впрямь другая вера, и праведность его совсем не такая, как его собственная. Он вспомнил, как поссорился с Хратским из-за межевого камня и до сих пор не мог помириться, а Степан, избитый отцом почти до смерти, молился за своего мучителя.

Страдания

На рассвете, когда Хратские еще спали, к ним пришел Блашко, которого они меньше всего ожидали увидеть, да еще в столь ранний час. Потрясенная появлением соседа, Хратская на его сухое приветствие ответила:

— Милости просим!

— Спасибо за приглашение. А где хозяин?

— Еще спит, он вчера поздно возвратился.

Присядьте же!

— Некогда мне рассиживаться. Я пришел за вами.

— За мной? — все более и более удивлялась Хратская.

— Вы хоть знаете, где сейчас Степан?

— Степан? Да, наверно, у себя в комнате. Разве вчера вечером он не был у вас? Если он не работает в сарае, то, верно, еще спит.

— Да, он спит, но где и как? Хорошо же вы заботитесь о своем сыне! Он чуть не умер ночью, а вы и знать не знаете об этом.

— Не может быть! — ужаснулась женщина. — Вчера еще Степан был жив и здоров.

— Знаю. Но вечером Фома так сильно избил его, что он бы, наверно, умер, не забирая я его к себе. Да и теперь он все еще близок к смерти.

— Ой, ой, ой! — запричитала Хратская. — Бетка, слышишь, что рассказывает дядя? — обратилась она к вошедшей в комнату снохе. — Принеси-ка мне накидку! Ох, как же это?

Испуганная Бетка сходила за накидкой и, когда Хратская ушла, села и задумалась. В том,

что свекор избил Степана, была и ее вина. Но, наверно, все не настолько серьезно, как сказал Блашко: ведь он сердит на Хратского. Ну ничего, это послужит Степану хорошим уроком. Может, хоть теперь он оставит людей в покое. Она начала готовить завтрак, ожидая свекровь. Наконец Хратская вернулась, и глаза у нее были заплаканные.

— Ну, как там Степан? — поинтересовалась Бетка.

— Ах, дочка, это неслыханно. Так избить собственного сына! И ведь без причины... Живого места на нем нет! — запричитала Хратская.

— А что вам сказал Степан? — спросила Бетка, бледнея.

— Что ему говорить, если от нестерпимой боли он бредит и никого не узнает. Надо же, чужие люди за ним ухаживают! Мартын говорит, что Степана теперь нельзя трогать, и мы не можем забрать его домой. Да что ты меня спрашиваешь? Иди, посмотри сама. Он не переживет этого, нет, не переживет! — заплакала Хратская.

Бетка побежала к Блашко. Ей хотелось самой убедиться, что Степан так сильно избит.

На мельнице все еще спали, только в комнате, где лежал Степан, горел свет. Взглянув на бледное лицо Степана, Бетка невольно вспомнила, что он всегда привозил ей из поездок подарки и помогал по хозяйству. Часто во время покоса он говорил: «Иди, Бетка, к детям. Мы и без тебя управимся». Ни разу не сказал ей дурного слова, ласково уговаривал ее обратиться всем сердцем к Богу. Она же оклеветала его перед отцом. Все свои мысли Бетка сосредоточила на Степане и даже не заметила Марьюшки, сидевшей в комнате.

Не успела Марьюшка ее остановить, как Бетка, горько заплакав, упала на колени перед кроватью Степана и начала его тормошить. Он застонал и открыл глаза.

— Степан!

— Не трогай, ему же больно, — уговаривала Марьюшка Бетку.

— Степанко, узнаешь ли ты меня? — умоляюще спрашивала Бетка.

— Узнаю, Бетка, но мне так хочется спать, оставь меня, пожалуйста.

— А меня узнаешь, Степан? — склонилась над молодым человеком Марьюшка, роняя горячие крупные слезы на его руку.

— Тебя? — улыбнулся Степан. — Да воздаст тебе Бог за твою любовь! Но укрой меня, Марьюшка, мне холодно.

— Ты тепло укрыт, — ответила она. — Тебя просто бьет озноб, Степан. Я попрошу Андрея съездить за доктором.

Степан снова открыл глаза.

— Не надо доктора. Он станет осматривать меня, станет расспрашивать, и все выяснится. Я не хочу, чтобы в селе дурно говорили об отце. Я ему все простил. Лучше я умру.

Кровь прилила к лицу Степана, и он потерял сознание.

Бетка, охваченная страхом, выскочила из комнаты и побежала домой. Вышедшему навстречу ей мужу она все рассказала, не скрыв того, что оговорила Степана. Хотя в последнее время Андрей редко беседовал с братом, он тем не менее любил его. Он был потрясен тем, что Степан может умереть. И как?! Из-за родного отца! Андрей с трудом сдерживал гнев. Ужасно, что его жена была соучастницей в этом деле.

Фома Хратский проснулся в это утро поздно. Голова была тяжелой, как всегда с похмелья, и на душе беспокойно. Он стал припоминать, что

было вчера, и вдруг вспомнил слова Степана: «Если вы убьете меня, моей душе вы не повредите». Ах да, Степан! Что теперь делает его непокорный сын? Может, он все еще в сарае? Надо бы пойти и посмотреть.

Двери сарая были распахнуты. Хратский вошел внутрь и увидел на полу перерезанную веревку и окровавленную куртку Степана. Лужа крови указывала на место пытки. Хратский не верил своим глазам. Неужели это он до крови избил сына? И почему Степан не кричал под ударами? Где он теперь?

Странное чувство охватило отца, когда он стоял на том месте, где вчера истязал сына. Почему тот не защищался и не звал на помощь? Фома вспомнил вчерашний разговор со Степаном, и ему стало невыносимо стыдно. Не напейся он, не дошел бы до такого исступления. Быстро прикрыв соломой лужу крови, он поспешил домой. Нет, ему не хотелось видеть Степана, но он решил узнать, где он. В кухне жена готовила обед. По заплаканному и озабоченному лицу Катерины он понял, что она все знает. Может, это она отвязала его от столба? Фоме не хватало смелости спросить ее об этом.

— Что это ты сделал со Степаном? Где твоя совесть? — начала женщина.

— А что тут такого? На то он и мой сын! — раздраженно ответил Хратский.

— Если он тебе сын, значит, его и убить можно?

— Он меня очень рассердил вчера. Негодный! Ведь видел же, что я был пьян!

— Не придется тебе больше жаловаться на его непокорность, — холодно произнесла Хратская. — Когда он умрет, все выйдет наружу, и люди узнают, что это ты его убил. Вот тогда ты за все ответишь! Только этим горю не поможешь, сына не воскресишь!

— Да прекрати ты ворчать, глупая баба! Лучше скажи, где он. Я хочу его видеть. Смерть так быстро не приходит.

— Если хочешь видеть, ступай к Блашко, он там.

— У Блашко? Что он там делает? — возмутился Хратский.

Поступок его был ужасен, это он понимал, но только не Блашко, которого Фома считал своим врагом, его судить.

— Ты хочешь знать, что он там делает? Лежит при смерти, уже никого не узнает. Бетку

признал только на минуту. А за доктором съездить не позволяет. Боится, как бы не узнали, что ты с ним сотворил.

Поставив еду перед мужем, Катерина ушла с кухни, и Хратский увидел в окно, что она отправилась на мельницу. «Скорее он умрет, чем люди узнают, что ты с ним сделал» — звучало у него в ушах и отдавалось дрожью в коленях.

Хратский всегда был гордым человеком, но теперь гордость в нем замолчала. Ужас и страх поселились в его сердце. Посидев еще немного в пустом доме, он решил пойти к Степану. Неужели его сын при смерти?

Когда он пришел к Блашко, Степану делали холодные компрессы. Тело сына страшно распухло от жестоких ударов. До конца своей жизни Хратский не мог забыть ужасного вида этих ран, скорбный взгляд Марьюшки, который она бросила на него, и голос сына, шептавшего: «Не плачьте, матушка!»

— Ах, Степанко! — причитала мать. — Как ты мог так рассердить отца?

— Жалею мама, что он так распалился. Он хотел, чтобы я отрекся от истины, но я на это пойти не мог.

— Тебе очень больно, сынок?

— Да, мама, больно, но ведь Христос тоже за меня терпел в доме первосвященника. И мне ли воздать Ему неверностью? Нет, никогда! Скорее я соглашусь принять смертные муки, чем отречься от Него. Только, мама, и вы все, не сердитесь на отца. Он не знал, что делал. Я ему все прощаю.

Никогда Фома не забудет этих слов. Он молча вышел из комнаты, и никто его не удерживал. Хратский чувствовал, что у Блашко все его презирают, и понимал, что у них есть на это право. Теперь он убедился, что в Степане еле теплится жизнь. Но даже если сын не умрет, все равно велико зло, совершенное им, Фомой Хратским. И при всем том Степан простил ему это зло и молился за него, подобно Спасителю, который молился за Своих врагов. Хратский рассердился в ту минуту, когда сын сказал ему правду. Степан говорил, что человек, примиренный с Богом и омытый кровью Христа, может не только жить, любить, прощать, но даже умереть, как Спаситель. И всего этого человек может достигнуть, потому что Господь дает

ему Духа Святого, Который укрепляет и ободряет его.

Теперь Степан доказал это отцу. Жить по завету Иисуса Христа дома ему не позволяли, и вот теперь он страдает, любит и прощает, может быть, даже умрет. Хратский убедился, что Дух Божий был в его сыне, что в этом и заключается его новая вера, которой так боялись в Дубравке.

В тот же день Хратский поехал за доктором и все ему рассказал. Доктор был пожилым человеком, сам нередко выпивал и потому понял состояние Хратского. Осмотрев раны Степана, он сокрушенно покачал головой.

— Как, однако, вы могли так его избить? Не пойму, почему он не защищался?

— Он не мог защищаться, — угрюмо ответил Хратский. — Я привязал его к столбу.

— Неслыханное дело! Каким должно быть терпение у парня! Судя по всему, он предобрый малый.

— Добрее его нет, — подтвердил Хратский.

Увидев на глазах жалкого, побледневшего Хратского слезы, доктор больше ни о чем не спрашивал.

Весна идет

Трое суток находился Степан между жизнью и смертью. Он потерял много крови, раны его воспалились, и ко всему еще он простудился. Вслед за царем Давидом он мог бы сказать: «...один только шаг между мною и смертью»¹⁴. Очень медленно возвращались силы к измученному Степану. Как только ему стало лучше, Хратский поехал продавать сушеные фрукты, и дома его никто не удерживал. С его отъездом всем стало как будто легче дышать, да и сам он чувствовал, что стесняет семью своим присутствием.

Еще неделю Степан пролежал у Блашко, и каждый день Катерина Хратская ходила на мельницу. После того как молодого человека перенесли домой, она окружила его заботой, старалась угадать все его желания. Когда к Степану стал возвращаться аппетит, она принялась кормить его самой вкусной едой. Ему больше не мешали изучать Слово Божье. Домашние ходили на цыпочках, когда он читал в своей комнате. Особенно рьяно оберегала покой Степана Бетка. Желая загладить свою вину перед ним, она

при любом удобном случае пыталась сделать ему что-нибудь приятное. Раньше ей не нравилось, когда Степан разговаривал с ее детьми или заучивал с ними стихи из Слова Божьего. Теперь каждое утро, чтобы Степан не скучал, она сама

приводила к нему своих ребятишек.

Не давала ему скучать и бабушка, которая переехала жить к дочери в Дубравку. Катерина видела, что жена брата плохо обращается с их матерью, и решила взять ее к себе. До этого бабушка редко встречалась с внуком, и теперь, узнав Степана поближе, она полюбила его так же, как и старик Хратский. Долгие годы Бог вел ее тернистым путем, пока не смирил ее гордое сердце.

Когда Степан немного окреп, по вечерам к нему стали приходиться друзья. В его комнате они читали Библию и слушали пояснения. Иногда Степан так чудно говорил, как будто ему дано было заглянуть за завесу вечности и все возвышенное, что он там видел, передавать своим единомышленникам. Друзья, как заво-

рожденные, внимали его речам; бабушка, боясь пропустить хоть слово, садилась с прялкой прямо у постели внука. Каждое слово Степана падало, как зерно на добрую почву.

Вместе с Марьюшкой и Мишко на собрания приходил Мартын Блашко. После всего случившегося он понял, что вера молодого человека сильнее его собственной праведности. Теперь он знал цену слов Степана и больше не спорил с ним. Он также уверовал в Иисуса Христа и получил прощение грехов, убедившись, что человек должен это сделать, живя на земле.

Вскоре к собравшимся присоединились Бетка со своей матерью Петровичкой, а затем и дядюшка Бетки. Когда-то Петр Крачинский привел сюда Павла Петрана и теперь, наконец, уговорил свою мать приходиться на чтения. Мельник Блашко пригласил родственника, тоже мельника, и его дочь Сузку. Так постепенно комната Степана наполнялась людьми, жаждущими слушать Слово Божье.

Все они, конечно, знали о причине болезни Степана, но из уважения к нему хранили молчание. А молодой Хратский открыто говорил односельчанам про их греховную жизнь, сравнивал их поступки с заповедями Божьими и вынуждал сознаваться в грехах.

Когда Степан первый раз после болезни сел с родными за общий стол, все Хратские несказанно обрадовались. Наконец-то к нему возвращаются силы! Но перед мысленным взором юноши были лучезарные, сияющие счастьем глаза Марьюшки, и он догадывался, для кого его выздоровление станет настоящим праздником.

Когда Степан вышел прогуляться в сад, солнце уже пригревало по-весеннему. Снег понемногу исчезал с полей, появились первые проталины, слышались голоса ранних птиц. В воздухе пахло весной. Целую зиму своей молодой жизни провел Степан в болезни и страдании. Не напрасны ли те мучения, которые он перенес? Отец уже вернулся домой, но с сыном говорил мало — только здоровался.

Молодой человек смотрел на пробивающуюся из-под снега травку, и его сердце наполнялось благодарностью Господу. Как Он благо-

словил время болезни, как все изменил! Теперь у Степана много друзей. Они не мешают ему идти по узкому пути, наоборот, расспрашивают об этом пути, идут к нему, Степану, за помощью. А каким верным другом стал дядя Блашко! Больше он не вступает в споры, хотя и не всегда согласен со Степаном.

А милый добрый дедушка! Как он ревностно старается служить истине! Бабушка тоже всей душой полюбила Спасителя! Изменилась и Бетка, стала добрее, приветливее. Матушку иногда отвлекают повседневные заботы, но и она приходит послушать Слово Божье. Вспомнилось Степану и недавнее признание Андрея:

— Степан! Я увидел, до чего может довести пьянство, и решил больше не пить и не ходить в трактир. У меня самого дети, и я не хотел бы, чтобы с ними произошло то же, что с тобой.

От радости Степан не знал, что ответить брату. Как Господь благ и милосерден! Только Он может так изменить сердце человека.

Степан прислонился к дереву и задумался. Внезапно в его раздумья вторгся голос матери. Она звала отца, но тот работал в сарае и не слышал из-за шума на гумне ее зова. Тогда Степан

решил сам сходить за отцом. Раскрыв двери сарая, он невольно содрогнулся. Первый раз после того ужасного дня он оказался здесь. Фома Хратский, занятый укладкой соломы, не заметил, как вошел сын.

— Здравствуйте, батюшка! Матушка зовет вас.

— Степан, ты?!

Хратский от неожиданности отпрянул в сторону и уронил вилы.

Какое-то мгновение отец и сын молча стояли друг перед другом. Их освещало весеннее солнце, как освещало оно и столб, памятный обоим участникам страшной драмы. Вдруг Хратский сделал шаг к сыну, глядя прямо в его бледное, но выразительное лицо. Тяжело дыша, он очень тихо, почти шепотом произнес:

— Степан, прости меня! Ради ран Спасителя прости!

Радостью наполнилось сердце Степана, от волнения ему показалось, что земля уходит у него из-под ног.

— Да ведь я на вас не сержусь, отец!

— Знаю, но все равно прошу у тебя прощения. Ты был прав, когда говорил, что я буду со-

жалеть о своем поступке. Но как бы я ни раскаивался, не смогу изменить того, что случилось. Даже если ты простишь меня, все равно никогда не забудешь, что я обошелся с тобой хуже зверя. Вместе с другими ты будешь меня избегать.

Степан с любовью обнял отца.

— Я забуду об этом, как только вы захотите примириться со мной.

— Ах, Степан, Степан! — рыдая, повторял Хратский.

— Не плачьте, батюшка! Теперь ведь вы позволите мне жить так, как этого хочет Бог?

— Делай, что сочтешь нужным, сын, я ни в чем не буду тебе препятствовать. Говорят, вы хотите перенести ваши собрания в дом Блашко. Не из-за меня ли?

— Мы думали, что вы, батюшка, не допустите этого у себя в доме. Если вы согласитесь, мы охотно будем собираться у нас. Тогда и вы сможете присоединиться к нам, правда?

— Если ты зовешь меня, я, конечно, приду.

Хратский нежно обнял сына, и вместе они вышли из сарая. Здесь Степан опустился на колени и заплакал от избытка счастья. Господь дал ему испить до дна чашу страданий. Когда же он

в послушании сделал это, его горе превратилось в радость. Другие плакали, видя, как он страдал, но сам он не уронил ни слезинки. Теперь он не прятал своих слез, и они лились из его глаз.

— Господи, я знаю, что Ты и отца обратишь к Себе, — молился Степан. — И я не могу Тебя достаточно за все отблагодарить. Ты возвратил мне жизнь. Да будет она теперь всецело во славу Тебе и для благословения ближних моих. Теперь я твой навеки!

В тот день же Степан решил навестить Петра. По дороге к дому Крачинских он невольно задержался на мосту, с которого был виден межевой камень между их полем и полем Блашко. Он посмотрел на гостеприимный дом соседа, где его приняли в несчастье, окружив заботой и лаской. Воспоминание об этом согрело его, как согревает землю весеннее солнце. Перед его мысленным взором встал милый образ Марьюшки. Будто наяву он увидел ее славное лицо и влажные от слез глаза. Она так много сделала для него, что свою благодарность он не сможет выразить словами.

— Это ты, Степан? — раздался вдруг знакомый, милый голос.

Марьюшка поставила на землю корзину и, улыбаясь, подошла к Степану.

— Здравствуй, Марьюшка! Что ты здесь делаешь?

— Ищу пропавшую курицу, но разве это важно? Главное — ты встал на ноги.

— Мне, слава Богу, гораздо лучше. Да и как усидеть дома, если Господь послал нам такой чудный теплый день?

— Да, — задумчиво проговорила Марьюшка, — а я благодарю Бога за то, что Он исцелил тебя.

Эти слова, сказанные от всего сердца, глубоко тронули Степана.

— Марьюшка, я уже благодарил Господа, но остался еще кто-то, кого я до сих пор не успел поблагодарить.

— Кого же? Ведь моему отцу ты уже сказал слова благодарности.

— А тебе?

Степан наклонился и взглянул прямо в лицо Марьюшке. Встретившись с ним взглядом, девушка слегка покраснела.

— Не благодари меня, Степан. Это мне следует тебя благодарить. Ведь до твоей болезни я

только умом понимала Слово Божье, теперь я приняла Его всем сердцем. Если бы я жила среди мирских людей, со мной никогда бы этого не случилось. Но я увидела твои страдания, которые ты переносил ради Христа, увидела, как ты умеешь прощать, и ощутила силу веры первых мучеников. Я убедилась, что Бог был близок к тебе в час смерти, и начала молиться, прося Иисуса Христа помиловать меня и открыться мне.

— И он услышал тебя?

— Да, Степан. Теперь я могу ответить на твой вопрос, который ты задал мне зимой. Ты спросил меня, когда же я наконец всем сердцем полюблю Господа Иисуса. Вот тебе мой ответ: я люблю Его сегодня, буду любить завтра и, да поможет мне в этом Бог, буду любить до самой своей смерти. Но что мы тут стоим? Пойдем к нам! Отец и Мишко будут рады тебя видеть.

Они перешли мост и свернули к мельнице.

— Почему ты замолчал? — спросила Марьюшка у своего спутника.

— Знаешь, у меня не хватает слов, чтобы выразить свои чувства.

— И у тебя?! А я думала, это бывает только со мной.

— С тобой, Марьюшка?

— А почему бы и нет? Разве у меня мало причин для радости? — улыбнулась девушка. — Я радуюсь, что иду рядом с тобой и что ты здоров. Рада, что ты больше не одинок. Будто опять вернулось то время, когда мы были детьми и все делали вместе. Я поняла, почему ты уговаривал нас обратиться к Господу. Ты ведь знал, что мы шли в погибель, что без Христа нет спасения. А теперь мне тоже хочется говорить о Нем людям.

— Ты права, Марьюшка, — с жаром поддерживал девушку Степан, — нельзя молчать. Ты не хотела, чтобы я благодарил тебя, но после твоих слов я не могу не сказать тебе... Словом, Марьюшка, ты сделала много доброго для меня в дни болезни. Но еще дороже та радость, с которой ты встречаешь мое возвращение к жизни. Я счастлив, что есть человек, который меня понимает. И этот человек — ты. Я давно уже познал любовь Христа, но лишь сейчас понял: она еще глубже. Не доживи я до сегодняшнего дня, не испытал бы ничего подобного.

— Не говори так, Степан, — качая головой, сказала Марьюшка. — Иисус Христос не мог допустить, чтобы я так горевала.

— А ты горевала бы? — глядя ей в глаза, спросил Степан.

Но он не услышал ответа. Навстречу им выбежал Мишко и закружил друга в объятиях. Но здесь и не нужны были слова: ответ Марьюшки Степан прочел в ее глазах. Все трое, согретые солнцем, любовью и новым счастьем, вошли в дом.

В п у т и

Наступил пост, и Фома Хратский собрался на ярмарку в город П., чтобы продать лошадь.

— Поручите это дело мне, — предложил Степан. — Заниматься хозяйством мне все равно пока трудно.

— Так-то оно так, сынок, но ведь и дорога утомляет, — ответил Хратский.

— Пожалуйста, отпустите. Я чувствую себя гораздо лучше. С Божьей помощью доберусь до города и заодно навещу тетюшку Прибовскую. Я уже пять лет ее не видел.

Родители боялись отпустить Степана в такой дальний путь, но и лишать его этого удовольствия им не хотелось.

— Пстой, да ведь на ярмарку можно поехать на подводе! — сообразил Хратский. — Мы погрузим на нее кое-что из деревянной утвари, изготовленной Андреем, и Степан продаст ее в городе. У нас есть остатки кукурузы, которые тоже можно продать. Вот и договорились.

Женщинам это предложение пришлось по душе. Степан обнял отца и поблагодарил за заботу.

Вскоре к Хратским зашел Петр Крачинский и попросил Степана взять его с собой:

— На ярмарке я хочу продать полотно и купить бумагу. В городе продают такую хорошую бумагу!

— С удовольствием! — согласился Степан.

Хратских успокоило, что Степан поедет не один. Молодых людей собрали в дорогу, снабдив всем необходимым. Соседи дали им поручения, что нужно купить для них и для ребятишек. Пообещав вернуться через три дня, Петр и Степан тронулись в путь.

Они ехали медленно, тихо беседуя и поглядывая по сторонам. По дороге они подвозили путников, не требуя с них платы. До одной деревни они довели нищего старика, и тот благословил

их за доброту. Всем попутчикам Степан рассказывал о счастье, которое даровано человеку в Боге, о любви Божьей, о жертве Сына Божьего, о спасении. Некоторые прислушивались к тому, что им говорили, но не верили, что человек может возненавидеть грех и начать новую жизнь. Тогда в разговор вступал Петр. Он рассказывал, какую разгульную жизнь вел раньше, и при этом показывал оставшиеся после драк шрамы. Потом он говорил о том, что после одной драки мог бы погибнуть, если бы Степан не нашел его на дороге и не спас. Рассказав, что Степан указал ему на его греховную жизнь, ведущую в погибель, Петр свидетельствовал своим слушателям, как теперь он счастлив, оставив служение дьяволу и служа Богу и Иисусу Христу.

Люди внимали Петру и Степану с удивлением. То, что говорили молодые люди, было совер-

шенно ново для них. Некоторые скоро забывали сказанное, но не все относились несерьезно к их свидетельству. Господь видел, что Степан и Петр служили Ему от всего сердца, исповедуя Его имя и поясняя каждому, что Бог избавляет раскаявшегося грешника не только от заслуженного им наказания, но и от тяги ко греху.

Когда Степан и Петр добрались до села Р., уже стемнело, и житель этого села, которого они подвозили, предложил им переночевать у него. Друзья приняли приглашение. Хозяйка встретила гостей приветливо, накормила чем могла, нашла место для лошадей в пустом сарае. Люди эти жили очень бедно; недавно им пришлось продать единственную корову, волов у них забрали за долги.

Хозяева пожаловались Степану и Петру на свою горькую долю, и сочувствие гостей согрело их удрученные горем сердца. Когда за столом Степан прочел им стих из Евангелия, слезы навернулись у них на глаза. Степан читал и говорил им о милосердии и любви Божьей, что «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же»¹⁵. Затем все вместе они преклонили колени, и Степан помолился:

— Бог слышит нас, и Он хочет, чтобы мы приходили к Нему со всеми нашими нуждами, упоывая на Него Одного.

Молитва Степана поразила хозяйку. Хотя у нее выдался трудный день, она не ушла спать, а, уложив детей, вернулась к гостям. Беседуя с ними, она просидела до поздней ночи.

На следующее утро перед отъездом Степан оставил беднякам кукурузы, посоветовав ею откормить гусей, а затем продать птицу в городе. Петр отрезал от своего полотна кусок на рубашки детям. Счастливые, что смогли помочь ближним, они поехали дальше. Напутствием им было благословение бедняков.

В городе Степану удалось продать лошадь гораздо выгоднее, чем он предполагал. С кукурузой и утварью он тоже не продешевил. Повезло и Петру. Продав полотно, он окупил ту его часть, которую отдал на рубашки детям. Теперь ему стало ясно, как важно отдавать начаток всего Богу.

По пути с ярмарки Степан оставил подводу у колодца и пошел проведать тетушку Прибовскую, служившую экономкой у аптекаря. Она не сразу узнала племянника, а узнав, очень обрадовалась.

— Добро пожаловать, Степанко! Откуда ты? Один пришел? — засыпала она его вопросами.

— В город, тетенька, я приехал один. Вот на ярмарке продал лошадь и решил зайти узнать, как вы поживаете. Наши передают вам поклонны: бабушка, дедушка, отец, мать и все родственники. Как давно мы о вас ничего не слышали!

— Правда, дитятко, давненько мы не виделись. Садись же, садись! Мне, слава Богу, живется неплохо. Ну, а как вы?

— И мы все, слава Богу, живы и здоровы, — ответил молодой человек и добавил: — Тетенька, как вы думаете, ваш хозяин разрешит оставить мою подводу здесь, во дворе? Лошадям нужно отдохнуть, а до постоянного двора ехать далеко.

— Конечно, дитятко. Оставляй здесь свою подводу. Хозяина-то моего дома нет. Но он — я уверена — этому не воспротивился бы. Ты можешь отвести лошадей на нашу конюшню, там сейчас пусто. Хозяин собирался купить пару лошадей после своего возвращения. А подводу где и на кого оставил?

— Мой друг Петр Крачинский ждет меня у колодца. Я схожу за ним.

— Незачем тебе ходить самому. Пошлем мальчика.

Прибовская отправила ученика аптекаря за Петром, дала распоряжения на кухне и вернулась к гостю. Каким красивым стал Степан и как умно говорит! Вот только почему он такой бледный, будто после тяжелой болезни?

— Знаешь, сынок, мне кажется, ты не совсем здоров. Не хворал ли ты, когда был на военной службе? — заботливо спросила она Степана.

— Нет, на службе я не болел, тетенька. Вот под Рождество занемог и долго хворал. Но теперь, слава Богу, здоров, только немного ослаблен. Господь, сохранивший мне жизнь, восстанавливает мои силы в свое время.

— Интересно, отчего такой крепыш, как ты, мог тяжело заболеть? Впрочем, если уж сын моего хозяина захворал, как уберечься от болезни простому крестьянину... — печально сказала Прибовская.

— А чем болен сын аптекаря? — спросил Степан.

— Ах, в двух словах и не расскажешь. Во всяком случае, скоро уж месяц, как он лечится на водах. Господин аптекарь написал нашему про-

визору, что мальчик начал вставать, но тамошний климат плохо действует на него. Не сегодня завтра они вернутся домой. Бедный господин Каримский! Как же он будет горевать, если его сын умрет!

От Прибовской Степан узнал, что случилось с молодым Каримским. Однажды он помог отцу готовить какое-то лекарство и захотел пить, но по ошибке вместо воды выпил какую-то ядовитую жидкость.

— Не расстраивайтесь, тетенька, — утешил племянник Прибовскую. — Бог никогда не возлагает на людей большее бремя, чем они могут нести. Он может все повернуть к лучшему.

— Ты, Степанко, говоришь, как мой господин.

— А разве он здесь?

— Нет, дела ведет наш провизор. Вот это человек, посланный моему хозяину Самим Богом!

Прибовская посмотрела на Степана с любовью и сказала:

— Как я рада, что военная служба не развратила тебя и ты не перестал веровать в Бога.

— Ах, тетенька! — вздохнул Степан. — Я впал в тяжкий грех, совсем забыв о Боге, и вел дур-

ную, безбожную жизнь. Но Иисус Христос сжалился надо мной, простил мне грехи, омыл меня Своею Кровью и силою Духа Святого примирил с Отцом Небесным. Он сделал из меня нового человека. Я пришел к вам, тетушка, чтобы рассказать об этом и спросить, открыто ли ваше сердце Иисусу Христу и той любви, которой Он возлюбил вас. Служите ли вы Ему из благодарности за дарованное вам спасение?

— Сынок, задай ты такой вопрос несколько недель назад, я бы не поняла тебя или, может быть, рассердилась, — ответила растроганная старушка. — Раньше я не знала Бога и не служила Ему. И теперь еще моя вера слаба, ведь о моей душе годами никто не заботился. Подчас мне бывает трудно понять Слово Божье, но господин провизор говорит, что, если мы откроем наше сердце Иисусу Христу, Он пребудет в нас, научая всему.

Степан с нескрываемой радостью отнесся к сказанному тетушкой.

— Какое счастье слышать это от вас! Значит, господин провизор также знает и любит Спасителя? Если он учит вас путям Господним, значит, они известны ему!

— Ах, Степан! Кому как не такому человеку служить Богу!

— Тетушка, дорогая! Нельзя ли мне познакомиться с ним?

— За этим дело не станет. Он такой любезный и приветливый человек! Сейчас позову его. Он придет сюда, если выпадет свободная минутка.

Прибовская ушла, а Степан в радостном ожидании остался стоять у окна. Как его радовала скорая встреча с человеком, который идет тем же узким путем! Он еще не знал, что скажет незнакомому господину, но в душе уже благодарил Бога за неожиданную радость. Наконец дверь отворилась.

— Степан!

— Господин Урсини!

— Неужели это ты, Степан? Какими судьбами?

В объятиях друга Степану было трудно сдерживать слезы радости.

— Не так уж и важно, как я попал сюда. Выто как здесь оказались?

— Таковы, брат, пути Божьи. Ну, как поживаешь, как чувствуешь себя?

— Я очень счастлив, дорогой господин Урсини: Иисус Христос всегда со мной. Он хранит меня, оберегает от греха. Он не оставил меня одного, но послал мне души, которые пришли на Его зов, как вы тогда и предсказывали. А вы как поживаете?

— Степан, милый! Зачем ты называешь меня господином? Не следует братьям так обращаться друг к другу.

— Нет, господин Урсини, все честь по чести. Но вы так и не ответили на мой вопрос.

— Хорошо, господин Хратский, я вам сейчас отвечу. Ну, как тебе нравится такое обращение?

— Нет, нет, так не пойдет! Хорошо! Как поживаешь, дорогой брат?

Урсини обнял Степана и расцеловал.

Вернувшись, тетушка Прибовская глазам своим не поверила: господин Урсини и Степан, сидя за столом, беседовали, как братья. Ей не хотелось им мешать, но Петр уже приехал и ждал Степана на конюшне, да и у господина провизора хватало дел в аптеке.

Вскоре добрая старушка угостила Степана и Петра славным обедом и даже не хотела слышать об их отъезде.

— Завтра поедете! — заявила она.

— У вас, тетушка, как в Царствии Небесном! — заметил Петр, сдаваясь.

После обеда господин Урсини увел Петра к себе, чтобы племянник с тетушкой могли поговорить наедине. Степан рассказал, что познакомился с Урсини в городе К., где проходил военную службу. Урсини навещал в городе старого проповедника и нередко сам произносил проповеди. В тот вечер, когда Степан, подгоняемый страхом, искал душевного утешения, молодой человек, подсевший к нему перед собранием, так ясно указал ему на Спасителя, что Степан тут же принял Его в свое сердце. В маленькой городской общине очень любили Урсини, поскольку через него многие познали Господа. Ему предлагали поступить в школу проповедников, но он не согласился. Деньги он тратил на содержание своего престарелого отца и жил в нужде. Старик притеснял сына, но любовь Христа победила все, и отец умер в объятиях сына прощенным грешником.

Закончив рассказывать, Степан задумался. «Почему после смерти отца Урсини не поступил в школу проповедников? — недоумевал

он.— Может быть, сначала хотел обеспечить себя материально?»

— И хорошо, что не пошел, — словно отвечая на вопрос Степана, сказала Прибовская. — Иначе он никогда не попал бы к нам и не возвестил о Божьей любви!

Выслушав племянника, Прибовская прониклась еще большим уважением к провизору. Правда, ее удивило, что сын пожертвовал собою из любви к отцу. А Хратскому эта жертва казалась вполне естественной. Тетушка не знала, что Степан едва не поплатился жизнью за свою веру, что его сыновняя любовь и долготерпение привели к Богу его отца.

Петр не поскупился на слова, рассказывая Урсини о трудностях, с которыми встретился Степан, вернувшись в Дубравку после военной службы. Он не скрыл, что от Хратского отвернулись даже старые друзья. Поведал о том, как через Степана он обратился к Богу и теперь они все вместе проводят благословенные собрания у Блашко. Рассказал Петр и о страшной расправе в сарае Хратских. Услышав об этом, провизор подумал: «Так вот что за болезнь, о которой

упоминал Степан. Как он стоек и в то же время скромн».

В конце своего рассказа Петр уверил собеседника в том, что после выздоровления Степана никто из его родных и друзей больше не противится его словам. Когда юноша замолчал, Урсини долго сидел в задумчивости.

— Видишь, Петр, — наконец сказал он, — путь истинного христианина к вечной славе идет только через Голгофу. Если мы хотим спасти других, необходимо приносить себя в жертву, подобно нашему Господу.

Собрание

В разговоре время пролетело быстро. Степан и Петр не заметили, как наступил вечер.

— Накормите пораньше лошадей и старайтесь освободиться к семи часам. Вечером у нас будет небольшое собрание лютеран, жаждущих слышать Слово Божье. Мы собираемся два раза в неделю в доме одной вдовы, которая уже недалеко от Царства Божьего. Теперь, благодарение Господу, к нам приходят и като-

лики, — объяснял Урсини друзьям. — Вдова, у которой мы собираемся, — католичка, но внучка у нее — лютеранка, потому что ее мать замужем за учителем-лютеранином. Сейчас внучка живет у бабушки и на наших собраниях, когда мы поем, играет нам на органе. Домик для вдовы снимает одна женщина, занимающаяся благотворительностью, которая и нам оказывает благодеяние, предоставляя его в наше распоряжение на время собраний.

Около семи часов вечера из аптеки вышли трое молодых людей, старушка Прибовская, ученики провизора Индрик и Ферко и служанка. Степан был очень счастлив: скоро он снова попадет на собрание верующих братьев! Петр с нетерпением ждал встречи с теми, о ком Степан ему много рассказывал, и радовался, что услышит проповедь Урсини.

Выехав из Дубравки, Степан и Петр не спешили попасть в город. Они не могли представить, что здесь их ждет такая встреча. Если бы молодые люди знали об этом, то, наверно, летели бы как на крыльях.

Вот, наконец, и домик вдовы. В светлой комнате, где рядами были расставлены некраше-

ные скамейки, почти все места занимали слушатели из простого народа. В простенке между окнами стоял стол, и на нем лежала Библия. Рядом со столом находился орган, за которым сидела девушка, одетая в скромное платье.

Петр увидел мирно сидящих людей и почувствовал себя на седьмом небе. Как легко здесь дышалось! Когда они вошли в комнату, все почтительно поздоровались с Урсини. Степану и Петру нашлось место на первом ряду. Перед тем как идти на собрание, Урсини предложил: «Когда я закончу проповедь, и мы споем псалом, ты, Степан, скажешь нам слово, потом и ты, Петр, засвидетельствуешь перед всеми о милости свыше».

Перед началом собранием Индрик раздал песенники, девушка, которую звали Анна, начала играть на органе, и присутствующие запели. Петр слушал пение, закрыв от счастья глаза. Особенно ему понравился гимн, призывающий к покаянию. Ах, как счастлив он был, что уже познал Господа и уверовал в Него! Петр представлял себя сыном, который долгое время блуждал вдали от отцовского дома. И вот отец, прощая ему все грехи, с радостью

встречает его, и он чувствует себя таким счастливым!

Прочитав из Евангелия место о страданиях Иисуса Христа, Урсини начал свою проповедь. Петр старался ничего не пропустить и слушал, как Урсини говорил, подбирая простые слова, какие обычно говорят детям. Но сколько мудрости и красоты было в сказанном! Петру казалось, что он мог бы слушать до самого утра. В сердце его разгоралась любовь к Спасителю, Который страдал за него, грешника. А взамен этих мук Он не требовал ничего, кроме слабого, грешного сердца Петра. Юноша ушел в себя и очнулся лишь тогда, когда и проповедь, и пение закончились. Зазвучал голос Степана.

— «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам!»¹⁶

Взгляды всех присутствующих были прикованы к Степану. Немного подумав, он продолжил чтение:

— «Иуда — не Искарот — говорит Ему: Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру? Иисус сказал ему в ответ: кто любит

Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим. Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих...»¹⁷

Наш дорогой друг Урсини предложил мне сказать вам слово. Это нетрудно, ведь в прочитанных мной строчках можно найти много тем для беседы. Всем нам, собравшимся здесь, известны заповеди Божьи. Но исполняем ли мы их?

Напомнив, что Сын Божий взамен перенесенных Им страданий ожидает любви к Нему, Степан сказал:

— Иисус Христос говорит, что любит Его тот, кто соблюдает Его заповеди. Любите ли вы Его, дорогие друзья? Чем доказываете Ему свою любовь? Боюсь, не все, присутствующие здесь, любят Его. Хотя я молод, но у меня за плечами безбожная жизнь, какая есть и у всех вас. Начали ли вы жить по-новому? Если да, то в чем проявляется ваша любовь ко Христу?

«Кто любит Меня, — говорит Христос, — тот возлюблен будет Отцем Моим»¹⁸. Задумывались вы когда-нибудь над этими словами? Понимаете ли, что значит быть возлюбленным каждую минуту вашей жизни?

Радостно знать, что не просто присутствие Божье всюду встречает нас, грешных и жалких людей, но что при этом Он еще и любит нас, как отец любит своих детей. Какое зло может со мною случиться, если Он милостив ко мне? Кто может мне навредить, если Господь возлагает на меня Свою благословляющую руку? Он помогает мне переносить страдания, поддерживает меня изо дня в день в нужде и болезни. Он — моя опора. Когда же настанет час смерти, Он перенесет меня к Себе, на свою чудную и вечную родину.

В первый год военной службы меня очень тянуло домой, в родные места, к родным горам и лесам. Теперь я дома. Я по-прежнему люблю наши горы и леса, но мое сердце стремится к иным, высшим горам моей небесной родины. Моя душа стремится туда, потому что я знаю: там обитает от вечности возлюбивший меня Отец мой. Итак, соблюдайте заповеди Господа Иисуса, и Небесный Отец возлюбит вас! Счастье ваше тогда будет безмятежным.

«...И Я возлюблю его и явлюсь ему Сам»¹⁹, — говорит далее Иисус Своим ученикам. Последние не могли понять, почему Спаситель говорит

простым, неученым людям такие слова. Они ожидали, что Он откроется мудрым или сильным мира сего.

Можно многое знать об Иисусе Христе и в то же время не знать Его лично. Весь мир слышал о Спасителе, но мало таких, которые знакомы с Ним лично, которым Он открылся в Духе Святом. Для примера я возьму такое сравнение. Я встречаю много растений в наших горах, но не знаю, на что пригодно каждое из них. А моей бабушке известна целебная сила любого из этих растений. Итак, из-за неведения я легко могу наступать на них, топтать их ногами. Но бабушка, наверно, этого не сделает. Она сорвет лекарственное растение и употребит его с пользой. Кому Спаситель лично не открылся, тот не замечает Его. С прискорбием я должен сказать, что иные люди попирают Его ногами. Явился ли Он каждому из вас? Знакома вам та живительная сила, которой Он обладает? Эта сила исцеляет все греховные раны.

Я часто наблюдал, как бабушка готовит снадобье, и удивлялся. Сначала она моет растения, затем толчет, пока не появится много сока, годного для применения.

Иисус Христос здесь, на земле, вел чистую, святую жизнь. Он пролил за нас Свою кровь, и в ней есть целебная сила для наших греховных язв. Положите этот бальзам на сердце, и вы исцелитесь. Вы познаете Иисуса Христа и полюбите Его.

Однажды я поранился и смазал рану мазью, которую раньше никогда не брал в руки. Теперь я знаю, какую пользу она принесла мне, и не отношусь безразлично к целебным растениям: они для меня слишком дороги. Дай Бог, чтобы вы научились ценить Кровь Иисуса Христа — этот бальзам, исцеляющий загрязненные грехом сердца. Зная это, вы не пройдете мимо с презрением, вы познаете Иисуса Христа и полюбите Его.

Когда ученики спросили Спасителя, почему Он хочет явить Себя только им, а не всему миру, Он ответил: «...кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое...»²⁰ Этим «кто» могу быть я, можешь быть ты, слушатель, и может быть всякий, кто желает соблюдать Его заповеди.

«...И Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим»²¹. Справедливость этих слов не подлежит никакому сом-

нению. Получив от Иисуса Христа прощение грехов, я полюбил Его и начал стремиться исполнять Его заповеди. Тогда Господь на мне исполнил Свое обетование. Духом Своим Святым Он научал меня пребывать в Нем, я в свою очередь отдал Ему свое сердце. Раньше в моем сердце обитал дьявол и я поступал по воле его; теперь во мне и со мною действует Господь по воле Своей. В этом и заключается мое блаженство.

Все мы, собравшиеся здесь, люди простые и малограмотные, но Господь хочет открыться нам. Он не желает явить себя гордому миру, где люди ни во что не ставят Его целебную силу. На военной службе я посмотрелся на этот мир: никто из знакомых мне офицеров не верил ни в Бога, ни в Иисуса Христа. Тогда я спросил себя: «Раз эти ученые люди не верят в Бога, то зачем мне, малограмотному крестьянину, веровать в Него?» И это чуть не довело меня до гибели. Там, на службе, я погряз бы в своих грехах, если бы не благодать Божья и не любовь моего Спасителя.

Никто из этих ученых господ не знал Иисуса Христа. Увлеченные миром, они служили греху и дьяволу. Я же, недостойный, был исцелен, спа-

сен и освобожден от греха Господом. И вас всех жаждет спасти Господь, за каждого из вас лилась Кровь Спасителя. Но не думайте, что в любую минуту у нас есть право говорить: «Я люблю Бога». Господь предупредил: кто любит Его, тот соблюдает Его слово. Мы должны доказать свою любовь на деле. Если жизнь ваша не доказывает этой любви к Спасителю, значит, Он вам еще не явился. Аминь.

— Аминь! — повторили все.

Урсини закончил собрание искренней молитвой и призвал:

— Дайте Господу Иисусу исцелить ваши сердца! Друг мой только что сказал, что Иисус — истинный целитель греховных ран. Только здоровый человек может исполнять свои гражданские обязанности. Таков же закон и в области духа: только исцеленный от греха человек может исполнять заповеди Божьи; только человек с обновленным сердцем может доказать свою любовь к Спасителю. Если вы ищете духовного исцеления, вы должны идти к Иисусу Христу: Он — врач и целебная сила души вашей. Таким путем пришли к Нему и мы. Кто из вас сегодня решится последовать за Спасителем и от-

дать Ему свое больное, исстрадавшееся сердце? Пусть тот, у кого такая душа, встанет.

С места поднялась одна плачущая женщина, за ней последовали двое мужчин, остальные молились и плакали вместе с кающимися. Тут представился случай Петру свидетельствовать о Господе.

Незабываемые часы провели Степан и Петр на собрании. Но их тоже будет помнить эта маленькая христианская община, перед которой они так просто и ясно свидетельствовали о Господе.

Вернувшись в дом аптекаря, друзья разговаривали до поздней ночи. Когда Петр пошел спать, Степан направился в комнату Урсини, чтобы на свои вопросы получить ответы, которых в Дубравке никто не знал.

— Мы там как овцы без пастыря, — пожаловался Степан, когда разговор подходил к концу. Он пригласил Урсини при первой же возможности навестить его в Дубравке.

Урсини смотрел на Степана, и если бы молодой человек мог читать по глазам, то прочел бы в них следующее: «Дорогой мой, они не без пастыря, пока у них есть ты».

Нелегко было друзьям расставаться утром. Прощаясь, тетушка Прибовская пообещала Степану приехать в Дубравку. Подвода давно уже скрылась из виду, а провизор Урсини все еще задумчиво глядел на дорогу.

Возвращение

Степан и Петр возвращались в Дубравку. По пути они по-прежнему подвозили усталых пешеходов, с каждым из них им хотелось поделиться своим счастьем. Попросился к ним на подводу и один горький пьяница: у него была поранена нога, и он не мог идти. В округе об этом человеке говорили как о первом забияке и озорнике. Рассказывали, что однажды зимой он нанял на последние деньги музыкантов, загнал их на высокое дерево и заставил играть. Сам он в это время лежал на снегу под деревом и слушал. Молодые люди перевязали ему ногу и помогли поудобнее устроиться на подводе. Степан стал объяснять пьянице, что Бог сотворил человека по образу и подобию Своему и послал в мир Своего Сына Иисуса Христа для спасения.

Из уст мужика посыпались проклятия, на чем свет стоит он ругал Бога, людей и самого Степана. Но, видя, что Степан не раздражается, а с любовью продолжает свои увещевания, он перестал ругаться и прислушался. Степан говорил, что, пьянствуя и буяня, тот служит дьяволу и что путь, по которому он идет, ведет в погибель. Кончилось тем, что попутчик расплакался и молчал до своего села. Когда подвода подъехала к дому, где жил этот человек, друзья взяли его под руки и помогли дойти до порога.

— Напрасно вы ругаете сына, — обратился Степан к его матери, — это не поможет. Моя мать тоже встречала меня упреками, когда раньше я приходил в таком состоянии. Но этим она причиняла вред своей душе, меня же ее упреки приводили в ярость. Дайте ему лучше горячего супа и сделайте примочку на больное колено.

Женщину успокоили добрые слова Степана. А он между тем окинул взглядом их убогое жилище и обратился к ее сыну:

— Как у вас, однако, печально. Ничего-то у вас нет, одни голые стены, постель неопрятная, грязная одежда, а всему причина — вино. Вы ведете жалкую, недостойную человека жизнь.

Давайте вместе помолимся, чтобы Господь избавил вас от пьянства. Он в силе это сделать! Он спас меня от власти дьявола, Он и вам поможет.

Степан и Петр давно уехали, а бедная женщина все вспоминала, как вместе с ней они преклонили колени и просили Бога послать свыше помощь ей и ее сыну. И сын впервые увидел, как в доме все убого и неприглядно. Он как бы очнулся от глубокого сна, осознал, что до сих пор жил, как скот. Ему стало невыносимо стыдно. Голые стены, казалось, обвиняли его: «Ты пропил все, что принесла с собой жена». О, бедная женщина! Он любил ее, когда они поженились, но потом начал пить и жестоко ее избивать. Она была бы жива и сегодня, но побои свели ее в могилу. И теперь она обвиняет его перед Богом.

Он горько заплакал, и, когда мать, желая утешить, подошла к нему, грубо оттолкнул ее.

— Это ты научила меня пить! — укоризненно проговорил он. — Почему ты не предостерегала меня от пьянства, когда я был молодым? Почему никогда не говорила о Боге? Во всем виновата только ты!

Несчастливая женщина понимала справедливость этих слов и молчала. Она давно пристрастилась к выпивке и сама начала предлагать вино сыну. Только пила она умеренно и могла работать и вести хозяйство, а сын стал горьким пьяницей и распродал все их имущество. Страшно даже подумать о том, что родители могут услышать в аду стоны своих детей, в которых прозвучит обвинение: «Вы, вы виноваты в этом!»

В это время друзья подъезжали к Дубравке. Подвода остановилась около дома Петра. Он забрал купленные в городе вещи и попрощался со Степаном, договорившись о скорой встрече. А дома Петра ждала мать. Крачинская стояла у плиты и думала: привезет сын домой вырученные от продажи полотна деньги или же, как это было из года в год, пропьет их по дороге. Последнее ее нисколько бы не удивило.

Ее размышления прервал веселый голос сына. Петр вошел в кухню и сердечно поприветствовал мать:

— Здравствуй, матушка! Как ты тут?

— Слава Богу, хорошо, сынок! Как ты съездил, удачно?

В чистой, недавно побеленной комнате Петр положил свой узел на пол и достал оттуда пирог, испеченный тетужкой Прибовской, и платок, который купил матери в подарок, зная, что ей очень хотелось иметь такой. Он рассказал, как доб-

ра была к ним тетужка Степана, и передал от нее сердечный привет.

Мать, не зная, плакать ей или смеяться от радости, обняла сына и крепко поцеловала. Его забота растрогала ее, засуетившись, она принялась готовить сыну обед. После обеда Петр рассказал, сколько денег выручил и сколько потратил на бумагу. Он сообщил, что тетужка заказала ему большой кусок полотна на платки господину Каримскому и на кухонные полотенца.

Все деньги Петр отдал матери.

— Оставь себе хоть немного, — уговаривала она сына.

— Что мне сама дашь, то приму охотно, — сказал Петр. — Но своей рукой ничего не возьму. Довольно и того, что я прежде тебя обманы-

вал, утаивая вырученные деньги. Прости меня за это, пожалуйста!

Петр с такой мольбой взглянул на мать, что старушка прослезилась.

— Матушка, всю дорогу я думал о том, сколько ты из-за меня натерпелась. Буду помнить об этом до гробовой доски. Надеюсь, что с Божьей помощью я докажу свою любовь, хотя я тебе и не родной сын.

— Ах, зачем ты так говоришь? — печально произнесла Крачинская. — После смерти моего мальчика я принесла тебя в дом, и ты стал для меня утешением. Мне казалось, что мой малыш вернулся ко мне. Но, пока за тебя платили, у меня оставалось чувство, что ты чужой. Когда же за тебя перестали давать деньги, я обрадовалась, что ты стал только моим. С тех пор прошли годы, и я совсем забыла, что ты мне не родной. Не знаю, живы ли еще твои родители.

— Мои родители? — от волнения Петр не мог усидеть на месте. — Если б они

предъявили теперь на меня права, даже перед судом Божьим я заявил бы, что не знаю их, а тебя взял бы за руку и сказал: «Вот моя мать!»

Никогда Крачинская не забудет этих слов, не забудет, с какой искренностью они были сказаны. В них она услышала боль оскорбленной души. И неудивительно, с детства мальчик страдал из-за своего неизвестного происхождения, которым каждый, будь то молодой или старый, попрекал его, когда на него сердился. Так, к сожалению, часто случается: родители преступают закон Божий, а их невинные дети должны всю жизнь носить на себе печать стыда. Эта печать с раннего детства легла на Петра, не звавшего родительской ласки.

Мать и сын проговорили до поздней ночи. В этот вечер Крачинская окончательно примирилась с мыслью, что в их доме не будет открыт трактир. Она больше не жалела о том, что Петр сделался «мечтателем» и стал совсем другим человеком. Ведь раньше она никогда не слышала от него слов признательности и любви.

И у Хратских все еще горел свет. И здесь никто не торопился идти спать. Степан на ярмарке продал все очень выгодно и не забыл вы-

полнить все поручения. Каждому он доставил радость: матери привез кофе и сахару от тетушки Прибовской, детям — картинки от Урсини, дедушке — лекарство от кашля, а бабушке — средство от ревматизма.

Степан едва успевал отвечать на вопросы домашних. Все порадовались известию, что тетушка обещала погостить в Дубравке, когда ее господин переедет на дачу. Как хорошо, что Степан после своей удачной поездки снова дома!

Когда все ушли спать, Степан остался с отцом, чтобы отчитаться перед ним и отдать деньги. Пересчитывая их, Степан вдруг замялся и залился краской.

— Ну что, сынок, со счета сбился? — спросил Хратский.

— Нет, — ответил Степан, подняв глаза на отца, — здесь не хватает денег за полмеры кукурузы, которую я не продал.

— Не продал? Почему же? — удивился Хратский, и Степан не без смущения рассказал ему, где оставил кукурузу, а затем добавил: — Вы позволили мне купить новую шляпу, но я обойдусь и старой. Бог хотел, чтобы я помог этим бедным людям. Вы не сердитесь на меня?

— Ах, Степан, Степан! — вздохнул Хратский. — Не вечно же мне сердиться! Неужели ты никогда не забудешь зла, которое я тебе причинил? Думаешь, я навсегда останусь прежним и никогда не исправлюсь?

Степану захотелось попросить у отца прощения, но он сдержался.

— Не думал я о вас ничего плохого, батюшка. Я лишь прошу Господа, чтобы Он вполне обратил ваше сердце. И я верю: Он сделает это. Одного я не знаю, желаете ли вы сами от всей души служить Господу. Вы не показываете это ни словом, ни делом. Не хотите ли вы сказать вместе с Иисусом Навином: «...я и дом мой будем служить Господу»²²? Вы толковый земледелец, дела у вас всегда шли хорошо, потому что в работе мы, сыновья, слушались вас. Начните служить Господу, и мы все пойдем за вами. Тогда никто из нас не будет бояться поступать по воле Божьей и делать добро. Решитесь же сегодня, батюшка, и скажите: «Я и дом мой будем служить Господу!»

— Верь мне, сын, я хотел бы служить Богу, но не могу угодить Ему, потому что я грешный человек.

— Скажем теперь это вместе Господу, батюшка, — промолвил Степан, опускаясь на колени.

Хратский последовал примеру сына.

— Господи, — молился Степан от всего сердца, — мой отец желает служить Тебе. Он сознает себя грешником. Прости ему, Господь, его грехи. Ведь ты пришел взыскать и спасти погибших. Помогни ему с этого дня служить Тебе. Аминь.

Некоторое время они молча стояли на коленях. Наконец Дух Святой открыл уста Фоме Хратскому.

— Боже, будь милостив ко мне, грешнику, — простонал он. — Прости мне мои тяжкие грехи, прости за то зло, которое я причинил Степану. Я желаю вместе с домом моим служить Тебе. Помогни мне в этом и прими меня по милости Твоей! Аминь.

Велико же было удивление Блашко, когда на следующий день поутру к нему пришел Фома Хратский. Хотя за время болезни Степана их семьи стали намного ближе, мужчины все-таки избегали друг друга, лишь изредка обмениваясь приветствиями. «Что ему нужно?» — подумал Блашко.

Очень трудно начать разговор с человеком, которого долгое время сторонился. Нелегко было и Хратскому заговорить с соседом. Но слова, которые он произнес, поразили Блашко:

— Я пришел, сосед, попросить у тебя прощения. Напрасно я оговорил тебя тогда из-за жежевого камня. Знаю, что ты его не переставлял, для этого ты слишком честен. Прости мне все грехи, и будем, как прежде, добрыми соседями!

— Да, простим друг друга, — ответил расстроженный Блашко, подавая руку Хратскому. — Я рад, что ты пришел ко мне. Пусть все будет по-старому!

Оба облегченно вздохнули, потому что после стольких лет вновь смогли дружелюбно посмотреть друг на друга.

Г о с т ь

С тех пор как Степан и Петр вернулись с ярмарки, прошло несколько недель в трудах и заботах.

Петр Крачинский только что продал полотно и возвращался домой с новым заказом. Он

шагал по лесу, держа в руке узел, и наслаждался тишиной. Заказчики, которых у него теперь было очень много, иногда спрашивали его, правда ли, что он сделался «мечтателем». Петр охотно отвечал: «Да, я действительно был им прежде, не зная истины Божьей. Теперь же я помилован и принят Богом. Как я счастлив, что Иисус Спаситель, Сын Божий открылся мне!» Многие ему не верили, но Петр знал, что когда-нибудь люди задумаются над его словами.

Часто Петру приходилось отвечать и на другой вопрос, которым его донимали любопытные дубравские кумушки.

— Послушай, Крачинский, — спрашивали они, — отчего ты не женишься? Твоя мачеха стара, скоро ей одной не под силу будет вести хозяйство.

— Женюсь, когда перестрою свой дом, — отговаривался Петр, чтобы они поскорей отвязались.

Он действительно собирался летом сделать небольшую пристройку к дому. Степан, Мишко и Павел Петран предложили свою помощь. С двумя каменщиками Петр уже договорился, а Блашко и Хратский обещали дать ему кирпичей.

Петр уже прикинул, во сколько обойдется ему строительство. Он был уверен, что с такими помощниками, как у него, дело пойдет быстро. Но что потом? Зачем ему с матерью большой дом?

«Женщины, конечно, правы, — рассуждал он. — Матушка стареет, вот уже и ткачеством, как раньше, не занимается. Пожалуй, скоро ей будет тяжело справляться с хозяйством. Да, если с Божьей помощью удастся достроить дом и не наделать при этом долгов, непременно женюсь. Только я никого не возьму в жены, кроме Марьюшки».

Сегодня Петр признался себе в том, о чем втайне мечтал больше года. Мысль о женитьбе не покидала его с того дня, как они с Марьюшкой пошли по узкому пути. Раньше он ни за что не решился бы просить у Блашко руки его дочери, об этом нельзя было и думать. Но теперь все изменилось, он стал другим, дела у него пошли в гору — он сможет прокормить семью. Да и Марьюшке не пришлось бы далеко уезжать от отца. Пока Мишко не приведет жену в дом, она могла бы помогать отцу по хозяйству.

«Не буду загадывать и заранее радоваться, — урезонил себя Петр. — Кто знает, как все

сложится. А если мне откажут, как я это переживу? Поговорю со Степаном, пусть он подскажет. Только вот любит ли меня Марьюшка? С детства мы знаем друг друга, я и теперь готов носить ее на руках и исполнять все ее желания. Да, нужно поговорить со Степаном, и тогда...»

От этих мыслей Петра отвлек звук чьих-то шагов. К нему приближался хорошо одетый господин. Петр поклонился незнакомцу, а тот бросил в его сторону беглый взгляд. Крачинский был хорош собой, второго такого красавца не так-то легко найти, да и Петр засмотрелся на мужчину.

— Скажи, мой друг, куда ведет эта дорога? — спросил незнакомец.

— В Дубравку.

— А не покажешь ли ты дом, где я мог бы остановиться на два-три дня? Мне хочется немного пожить здесь, в горах. Я хорошо заплачу.

— Почему не показать? Покажу. Вот хоть у мельника Блашко есть просторная комната, там вам будет удобно. Вы могли бы остановиться и в нашем доме, только вот не знаю, понравится ли вам. Мы живем в тесноте, но можем отдать вам большую комнату. Матушка переберется на кухню, а я буду ночевать в сарае.

— Я согласен пожить у вас, о цене мы договоримся. Помогите мне, пожалуйста, донести чемодан.

— С большим удовольствием.

Через полчаса они вышли на тропинку, которая вела мимо мельницы. Петр нес чемодан незнакомца, а тот шагал позади, опираясь на дорожную палку.

— У тебя, кажется, в узле полотно. Ты, верно, ткач? — спросил незнакомец Петра.

— Да.

— Ну и как идут дела?

— Слава Богу, хорошо. С тех пор как я начал новую жизнь, у меня с Божьей помощью все пошло на лад.

— Что это за новая жизнь? Ты, наверно, заключил с кем-то выгодный договор и теперь с прибылью сбываешь свой товар?

Петр засмеялся:

— Не совсем так, хотя я и впрямь заключил своего рода договор. Раньше я служил одному хозяину, а теперь другому. Первый меня разорил, измучил и все у меня отнял. Теперь же у меня добрый Хозяин. Он вдобавок еще помогает мне в работе и за нее воздает сторицею.

Незнакомец с нескрываемым интересом посмотрел на юношу.

— Кого ты имеешь в виду под этими двумя господами?

— Бывший мой хозяин — дьявол и мир, теперь мой Хозяин — Иисус Христос, Сын Божий. Не сердитесь, барин, на меня и не смотрите с таким удивлением. Я говорю правду и, если позволите, сейчас вам все объясню.

— Да, объясни мне, иначе я подумаю, что ты смеешься надо мной, — сурово проговорил незнакомец.

И Петр начал рассказывать про свое детство, про юность, про то, как он долгое время служил дьяволу, пока однажды, пьяный, чуть не замерз на дороге, где его подобрал Степан. Рассказал, как Степан указал ему путь ко Христу и он вступил на новую дорогу. Теперь он счастлив, что служит Богу.

Говоря о пережитом, Петр оживился и стал таким обаятельным, что незнакомец смотрел на него с нескрываемым интересом.

«Кто знает, — подумал юноша, — может быть, этот господин один из тех, о которых мне рассказывал Степан. Наверно, он не знает Бога

и Иисуса Христа и верит лишь тому, что видит своими глазами». И он продолжал рассказывать незнакомцу про Иисуса Христа — Спасителя, могущего освободить не только от греха, но и вечной смерти.

— И тебя больше не привлекают развратная жизнь, пьянство, танцы?

— Нет! Иисус Христос освободил меня от всего этого. Я теперь презираю многое из того, что прежде любил, и люблю то, что раньше по неведению ненавидел и попирал ногами. Не сердитесь, пожалуйста, барин, если я осмелюсь вас спросить, знакомы ли вы с моим Спасителем и служите ли вы Ему? Спасены ли вы?

Незнакомец усмехнулся.

— Знаком ли я с Ним? Я ведь лютеранин. Но на твой прямой вопрос хочу ответить откровенно: вряд ли я Ему служу. А насчет спасения, если понимать этот вопрос так, как ты его понимаешь, то я не спасен.

— Нет? А когда же вы начнете служить Иисусу Христу, Который отдал Свою жизнь за вас?

В лице Петра удивленный незнакомец прочел мольбу и упрек.

— Пожалуй, никогда! — ответил он. — При всем желании я не могу отдалиться от мира. Вам здесь, в горах, легко служить Христу; никто вам не мешает. Если б ты знал о моем положении в обществе, ты бы поверил, что Христу служить я не могу.

— Прошу вас, барин, расскажите мне о себе, и я докажу, что вы ошибаетесь.

— Ты хочешь мне доказать?! Занятно, занятно. Ну так слушай. Я инженер-путеец и часто разъезжаю по делам, а свободное время провожу в светском обществе. На первый взгляд, это общество не такое отвратительное, как в ваших трактирах, но на самом деле оно, пожалуй, еще хуже. Посуди сам, как я мог служить Христу.

— Ах, барин, значит, вы незнакомы с моим Господином. А ведь Он говорит: «...се Я с вами во все дни»²³. Он за нас умер и пребывает всегда с вами, со мной, даже когда мы о Нем не думаем. А если у нас есть Господин, Который повсюду с нами, то есть возможность всегда и всюду служить Ему.

Незнакомец недоверчиво покачал головой:

— Даже в греховной, безбожной среде?

— Разве вы обязаны в ней оставаться?

— Да, иначе бы я потерял свое положение в обществе, для меня это все равно что для тебя лишиться хлеба насущного.

— Ах, барин, не верю я этому! И меня пугали отсутствием заработка из-за того, что я стал «мечтателем», как называют нас неверующие люди. Но я уповал на Господа: разве Он даст мне умереть с голоду? И что же вышло? Заказчики идут ко мне, потому что я умею ткать хорошее полотно. И если вы неплохой инженер, то никогда не лишитесь своей должности из-за того, что благочестивы и не посещаете греховных увеселительных мест.

— Ты, однако, умеешь защищать свои взгляды, — незнакомец улыбнулся, залюбовавшись Петром. — Как твое имя?

— Петр Крачинский.

— Крачинский?

— Вам знакома эта фамилия? Вполне возможно — Крачинских много... Только они не родственники моей матери.

— Да, мне встречалась эта фамилия. Возможно, кто-то из моих рабочих был Крачинский. А чем занимается твой отец?

— Мой отец? Не знаю.

Лицо Петра на мгновение омрачилось, и незнакомец заметил это.

— Как ты можешь этого не знать? Он, верно, умер, когда ты был еще ребенком?

— Возможно, он и сейчас жив.

— Значит, он бросил твою мать или, может, уехал в Америку и навсегда там остался? Так поступают многие словаки. Не теряй надежды, он еще может вернуться к вам.

— Боже, сохрани меня когда-нибудь встретиться с ним! — вспыхнул Петр.

— Ты так сердит на отца? Что же твой Господин скажет на это? — шутливо спросил незнакомец.

— Я не желаю ему зла и, напротив, прошу Господа, если отец мой жив, призвать к Себе и его душу. И если мы с ним встретимся у престола Божьего, я буду очень рад. Но на этой земле мне не хотелось бы с ним столкнуться. Один Бог знает, как тяжело с детства носить чужое имя. Я ведь не виноват, что мои родители были людьми, недостойными уважения. Но большее всего осознавать, что они не стыдились согрешить пред Богом, а согрешив, начали стыдиться людей. И чтобы прикрыть свой грех, они отда-

ли меня на воспитание чужим людям. Первые годы они вносили деньги за мое воспитание, но потом перестали делать и это. Если бы не доброта чужой женщины, приютившей меня, я остался бы под забором. Я рассказал вам об этом, барин, чтобы вы поняли — мое нежелание видеть отца не может служить мне помехой для служения Господу. Ну, мы почти пришли.

— Так женщина, которую ты зовешь матерью, не родная твоя мать? — немного помолчав, спросил незнакомец.

Он достал платок и вытер пот, выступивший у него на лбу.

— Она меня воспитала... Значит, пред Богом она мне мать.

— Может, ты предупредишь ее, что я останюсь у вас? Я подожду тебя здесь.

— Как вам будет угодно, барин! Только трава здесь сырая, а вы весь в испарине... Не простудились бы.

Петр развязал свой узел, достал покрывало и разложил его на траве; затем вскинул чемодан на спину и быстро зашагал к дому. Но теперь ему было не так весело, как до встречи с незнакомцем.

«Зачем я рассказывал ему о своей жизни? — спрашивал Петр сам у себя с грустью. — Что до нее чужому человеку? К чему ему знать, что я только случайно ношу фамилию Крачинский. Впрочем, если все это знают, пусть знает и посторонний человек. Главное, пойдет ли за меня Марьюшка, за меня, носящего чужое имя».

Мысль эта пронзила сердце молодого человека, но не вызвала в нем долгой, мучительной боли. Петр услышал, как его окликнула Марьюшка, и его лицо просветлело. Он остановился.

— Чего ты только не накупил, Петр! И это все тебе нужно? — спросила она, бросив взгляд на его ношу.

Но вместо ответа Петр стал рассказывать ей о встрече с незнакомцем.

— Не знаю только, понравится ли ему в нашем тесном жилище, — закончил он свой рассказ.

— Ах, Петр, как ты можешь так говорить! — возразила Марьюшка. — Ведь Сыну Божьему негде было даже преклонить голову, а ты стыдишься своего дома. Степан говорит, что Иисус Христос обитает с нами в жилищах наших, что

Он везде с нами. Он с тобою, когда ты сидишь за ткацким станком, Он пребывает и в вашем скромном жилище. Ребенком я, бывало, очень любила заходить к вам: у твоей матери комнаты были всегда такие чистые.

— Тебе нравилось бывать у нас, Марьюшка? — Сердце Петра забилось от счастья. — Наш дом не такой большой, как ваш. И в этом моя вина. Если бы я раньше начал новую жизнь, мы бы жили иначе. Вот скоро с Божьей помощью сделаю пристройку к дому, то-то будет просторно! Мне, однако, пора. Надо предупредить матушку о неожиданном госте.

— Я пойду с тобой, Петр, — предложила Марьюшка, — помогу твоей матери. Как все кстати вышло: только вчера мы с ней надели на тюфяки чистые чехлы. Господин, верно, устал с дороги, и ему надо хорошенько отдохнуть.

Так, дружески беседуя, они дошли до дома. Крачинская только что вымыла посуду и ставила ее в шкаф. Она сразу согласилась принять гостя, Петр даже не успел сказать ей об обещанной плате. Помощь Марьюшки женщина встретила с благодарностью.

— Тетушка, можно я подмету пол?

— Делай, как знаешь, Марьюшка, лишь бы все хорошо было. А ты, Петр, унеси свои сапоги и станок, пожалуй, поставь в угол. Сегодня ведь ты не будешь работать.

— Я сама все сделаю! — сказала Марьюшка. — Пусть Петр идет за гостем, тот совсем заждался.

Петру хотелось остаться дома и посмотреть, как хозяйничает Марьюшка, но он не мог ее послушаться.

Инженер сидел на земле и что-то писал. Услышав шаги Крачинского, он закрыл тетрадь и вскочил на ноги.

— Ну что? Можно мне у вас переночевать?

— Матушка с радостью согласилась!

Извиняться за бедность жилища Петру уже не хотелось.

«Если Марьюшке нравится у нас и Сам Сын Божий может обитать здесь, значит, подойдет и этому господину», — подумал он.

Вскоре Петр отправился с поручением из Б. к Хратским, а его мать пошла на кухню, по просьбе гостя, жарить яичницу. Инженер в глубокой задумчивости сел на скамейку и стал осматривать комнату, как бы желая запечатлеть ее в своей

памяти. С грустью он замечал на всем следы бедности. Свет, падавший из маленьких окон, освещал печь и низкие стены, увешанные кухонной утварью. Около дверей в кухню стояла кровать с туго набитым тюфяком, застеленным чистым покрывалом. В углу он увидел ткацкий станок, над которым висела полка с книгами и одежда. Вдоль стен в ряд выстроились скамейки, перед одной из них — накрытый чистой скатертью дубовый стол. На нем лежали хлеб и Библия. Дверь в комнату была такой низкой, что Петр, наверно, всякий раз должен был нагибаться, когда проходил через нее. Трудно представить, что здесь мог жить такой рослый юноша.

— Не может быть! — попытался рассеять свои сомнения гость. — Мне нужно убедиться, в самом ли деле это он.

В эту минуту вошла Крачинская и поставила на стол яичницу и молоко. Она угощала своего постояльца с той сердечностью, какая присуща только словакам.

— Присаживайтесь и вы, — пригласил гость хозяйку.

Поговорив немного о погоде, о разных делах, он спросил:

— У вас только один сын?

— Один, барин, да и тот не родной.

— Тогда он, наверно, ваш родственник?

— Нет, несчастный бедняга никогда не знал своих родных. Вы меня понимаете?

— Да, понимаю. Но как попал к вам этот ребенок? Из Вены многих детей отдают на воспитание в словацкие села. Он тоже оттуда?

— Нет, барин, оттуда я не решилась бы взять ребенка, — ответила Крачинская. — Много лет назад я работала в городе Ц., и однажды меня позвала к себе докторша. Она спросила, не знаю ли я здоровую женщину, которая могла бы взять на воспитание ребенка. Я захотела посмотреть на этого малютку и, когда увидела его, не смогла отказаться. Мы с мужем жили бедно, деньги, предложенные мне за малыша, могли оказаться для нас хорошим подспорьем. Мальчика звали Петром, он был совсем маленький и нуждался в материнской заботе и ласке. Первые три года докторша, как и обещала, аккуратно выплачивала мне деньги. В определенные дни я приносила ребенка в город, и бедная женщина, царствие ей небесное, каждый раз не могла на него наглядеться. Когда я видела ее в

последний раз, то спросила о родителях Петра. Она ответила, что они все еще не могут повенчаться, но, как только сыграют свадьбу, возьмут ребенка к себе. Но это обещание они так и не выполнили.

Осенью докторша внезапно скончалась. Когда я пришла за деньгами, мне дал их ее муж. Он сказал, что отослал мой адрес матери ребенка, и теперь она будет высылать мне деньги. Действительно, я стала получать денежные переводы и посылки с одеждой для малыша. А однажды госпожа написала, что скоро возьмет сына к себе. Я ждала, но деньги и письма больше не приходили. И тогда я отправилась в Ц., чтобы у доктора узнать, в чем дело. Но там уже был другой доктор. Так ребенок остался у меня. Соседи считали, что его нужно отвезти в Вену и сдать в приют. Я пошла к нашему пастору, и он посоветовал мне дать объявление в газету. Но я не согласилась. Детей у меня не было, почему было не взять на воспитание этого покинутого родителями мальчика. Господин, что же вы ничего не кушаете? Вы, верно, очень устали с дороги и хотите отдохнуть. Простите, я задержала вас своей болтовней.

От пронизательного взгляда женщины не укрылось, что по мере ее рассказа гость бледнел все сильнее и сильнее.

— Вы меня нисколько не задержали, — возразил он, поднимаясь с места. — Более того — у меня к вам просьба. Не покажете ли вы мне письмо матери Петра, если оно, конечно, у вас сохранилось? А может, уцелели какие-то вещи, присланные для малыша?

— Письмо я сохранила. Одежда Петру оказалась маловата, и он ее не носил. Я приберегла кое-какие вещи, думая, что по ним мать когда-нибудь узнает своего сына.

Крачинская вышла из комнаты поискать в сундуке письмо и одежду и вскоре вернулась с узелком в руках.

— Вот они!

Гость прикоснулся дрожащими пальцами к детским вещам. Начав читать письмо, написанное красивым женским почерком, он не мог более справиться с охватившим его волнением и опустился на стул.

Крачинская убрала вещи в сундук и сказала:

— Не знаю, зачем я до сих пор храню их. Мать Петра, конечно, больше никогда не придет за своим сыном.

— Нет, не придет! — как эхо, повторил гость. — Она скончалась в тот год, когда было написано это письмо.

— Что вы говорите?! — воскликнула Крачинская, всплеснув руками. — Вы знали ее?

— Да!

— Не сердитесь, барин, если я осмелюсь спросить... Может, вы знали и отца Петра?

Гость только молча кивнул головой в знак согласия.

— Жив ли он?

— Да, жив.

Оба замолчали, и в комнате воцарилась тишина. У Крачинской не хватило бы смелости продолжать дальнейшие расспросы, но ее собеседник встал со скамейки и нервно заходил по комнате.

— До сих пор отец Петра не мог заботиться о своем сыне. После смерти доктора, а потом и матери ребенка он потерял след малыша. Теперь же, когда я встретил вас, он выполнит свой долг.

Незнакомец вынул кошелек.

— Я хочу с вами сейчас же рассчитаться.

Он положил перед Крачинской три чека на весьма крупную сумму.

— Пока возьмите вот это, затем каждые полгода на почте в М. вы станете получать денежные переводы. Теперь вы будете обеспечены до самой смерти.

— Но, господин, зачем вы даете так много? Вы слишком щедры! Да и понравится ли это отцу Петра?

— Я знаю, что это не будет ему неприятно. Прошу вас только об одном: никому не говорите об этом, хотя бы пока я здесь. Однако вы правы, я устал, и мне надо прилечь.

Крачинскую так потрясло случившееся, что она еще долго не могла заняться делами. «Неужели это не сон? — спрашивала она себя. — Кто бы мог подумать, что я буду так хорошо обеспечена в старости. И не странно ли, что Петр сам привел в дом человека, знавшего его мать и отца. Так значит, его мать умерла, вот почему она не приехала за сыном. Винить ее нельзя. Но как же, — размышляла она, — я объясню Петру, откуда у меня столько денег? Ведь он и слышать не хочет о своих родителях. Может быть, и деньги не примет? Ах, как они пригодились бы нам при строительстве дома!»

Крачинский, вернувшись домой, застал мать в хорошем настроении. Гость уже спал, и Петр отправился ночевать на сеновал. Юноша не видел, как ночью постоялец, склонившись над ним, печально смотрел на его лицо, словно желая навсегда запечатлеть его в своей памяти. На непонятном Петру языке он шептал: «Я богат, имею собственный замок, а мой сын, мое единственное дитя, который мог бы составить счастье всей моей жизни, спит на сеновале! Он рос, как обычный крестьянский мальчишка, и недавно чуть не замерз на дороге. Того, что я потерял бы в его лице, не заменили бы все сокровища мира!»

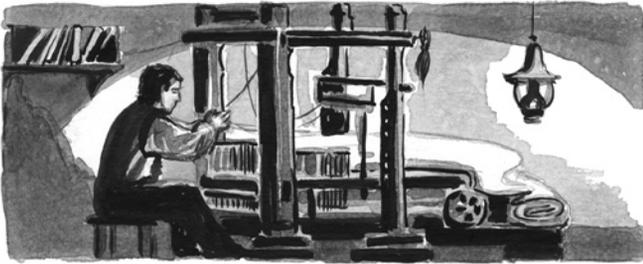
Незнакомец

С появлением в Дубравке незнакомца разные мысли стали приходить в голову Петру Крачинскому. Как-то раз, погруженный в раздумье, он стоял около дома, прислонившись к старому каштану. Никогда он не думал, что засвидетельствует о Господе такому образованному господину. Степану это было бы легче сделать. Вчера весь день Петр гу-

лял с инженером по лесу и по горам и говорил ему о Божественных истинах. Какой, однако, прекрасный человек их постоялец! Даже не хочется с ним расставаться!

По возвращении Степана из П. возобновились субботние чтения. С некоторой застенчивостью Петр предложил гостю пойти вечером на собрание к Блашко. К его великой радости, тот согласился. Крачинская тоже захотела присоединиться к ним. До начала чтения, пока поджидали Сузку Полак, инженер разговаривал с некоторыми из собравшихся, давая им практические советы по ведению хозяйства. Петра очень радовало, что постояльцу понравилась Марьюшка и что он был особенно внимателен к ней. Как-то, беседуя с инженером, Петр рассказал, что Марьюшка, хотя и была младше, с самого детства направляла его к добру.

Вчера во время прогулки инженер спросил Петра, не думает ли он жениться. Крачинскому ничего не оставалось, как назвать имя своей избранницы. Он признался, что сомневается, пойдет ли Марьюшка за такого небогатого человека, как он. Блашко всегда были состоятельными

людьми и дочерей выдавали за богатых женихов. Петр же — бедный ткач. Он даже не знает своей настоящей фамилии, и этим его всегда попрекали. Петр заметил, что последние слова произвели на собеседника неприятное впечатление, и поспешил сменить тему.

— У вас есть семья? — спросил он.

— Есть жена, и более никого. Но у меня был сын. Видишь, наши семейные обстоятельства сходны. У тебя нет отца, а у меня сына. Только одна между нами разница: ты молод, скоро женишься и обзаведешься детьми; у меня же их никогда не будет.

Сердце Петра сжалось от сочувствия.

— А давно ли умер ваш сын? — участливо спросил он.

Но в эту минуту из леса вышел охотник, и они, прервав беседу, завели разговор с ним.

В субботу на вечернем собрании Степан прочитал из Слова Божьего притчу о блудном сыне и произнес небольшую проповедь.

— Как больно должно быть отцу, когда от него отворачиваются дети, стыдясь назвать отцом того, кому они обязаны жизнью! Не больно ли и Отцу нашему Небесному, когда те, кому Он даровал жизнь вечную, не желают Его знать и стыдятся Его пред людьми? Но случается, что сын ошибается и его отцу тоже бывает больно. Однажды в полку, где я служил, у офицера пропал маленький сын. Вы бы видели, как о нем беспокоился отец! Мы сбились с ног, разыскивая малыша. А когда он нашелся, радости его родителей не было конца! У нашего Небесного Отца есть много заблудившихся детей. Как же скорбит и обливается кровью Его сердце! Бог сокрушается о них! Он послал в мир Своего Единородного Сына, чтобы вернуть нас в Отчий дом. И, когда Ему удастся спасти одного из отпавших детей, как велика бывает радость на небе!

Если сегодня среди вас есть блудный сын или дочь, оставившие родной дом, дайте Господу найти вас! Иисус Христос ищет вас! Он пришел

взыскать и спасти погибшее. Представьте себя на месте отца, который не может обнять своего сына и прижать его к своему сердцу.

Инженер слушал Степана, опустив голову.

На следующий день он сам попросил Петра пригласить его на воскресное чтение.

— А в церковь вы не ходите? — поинтересовался он.

— После собрания, кто желает, может успеть в церковь в М. Но Степан туда не ходит, да и я там давно уже не был, потому что молодежь не дает нам проходу. К тому же я не могу равнодушно смотреть на пастора. Мне сразу вспоминается день, когда он оставил меня на дороге и я чуть не замерз. Не могу больше слушать его проповеди. В одной из них он говорил о «мечтателях», которые появились в Дубравке. Как раз в то время Степан начал выздоравливать, и мы стали собираться у Хратских. Если с кафедры нас называют «мечтателями» и глумятся над нами, зачем нам посещать церковь?

— Да, клевету всегда рассматривают через увеличительное стекло, — поддержал Петра инженер. — Кто знает, что наговорили о вас

пастору, а он поверил этому. Отчего, однако, никто не пойдет и не поговорит с ним лично? Ведь пастор может одобрить ваши слова и действия. Я, например, не нахожу у вас никакого лжеучения.

Петр передал эти слова Степану. Тот долго не соглашался идти на встречу с пастором, но, переговорив с друзьями, уступил общему мнению.

Петру понравилось, что Степан принял такое решение. Тем более что Крачинская, вернувшись из церкви, рассказала сыну, как пастор проповедовал сегодня против них. Он, по ее словам, прямо бушевал и, ударяя по кафедре кулаком, говорил: «Народ Божий, не давай вводить себя в заблуждение!» Долго Петр обсуждал это с матерью, но она еще не вполне соглашалась с «новой верой» сына.

После собрания инженер задержался у Мартына Блашко. Он обещал ему показать, как надо поставить мельничное колесо, чтобы вода лучше приводила его в движение. Затем они прихватили с собой Хратского и отправились на поле, когда-то разделенное межевым камнем. Оба соседа дружно просили дать им совет, как

убересть посевы от весеннего разлива. Хратский был хорошим хозяином, если он видел что-либо новое или слышал о нем, то смело вводил это у себя. Блашко, напротив, во всем придерживался старины. Простому человеку не удалось бы заставить его решиться на нововведения, но инженеру он доверял.

Петр Крачинский в это время с нетерпением ждал возвращения постояльца, который, как только что сообщила ему мать, собирается побыть у них еще несколько дней. Петру хотелось от самого инженера услышать об этом.

После собрания Степан пошел в Боровск. Там находилась дача, которую на целое лето снял аптекарь Каримский и перевез туда своего больного сына. Бабушка Степана поступила к ним в услужение. Ее-то и хотел навестить Степан. Кроме того, молодому Николаю Каримскому он нес письмо от господина Урсини. Тот надеялся, что, передавая письмо, Степан найдет для Николая нужные слова, и они поговорят по душам. В другом письме, адресованном Степану, Урсини рассказывал о событиях, которые произошли в жизни аптекаря Каримского и его

сына. Он писал, что несколько лет назад Каримский развелся с женой. Вскоре после этого она вышла замуж за барона Рейнера. Когда баронесса узнала, что ее сын от первого брака тяжело заболел и находится в городе П., она сразу поспешила туда. Ей хотелось повидаться с сыном или хотя бы побольше разузнать о его болезни.

Обстоятельства сложились так, что провизор Урсини познакомился с бывшей женой аптекаря, благодаря чему, матери удалось повидать сына перед его отъездом в Боровск. Но внезапно баронесса почувствовала себя плохо и слегла. Ее взяла к себе в дом бывшая служанка ее матери.

Урсини в своем письме предупредил Николая о болезни матери и предположил, что на днях барон Рейнер приедет за больной женой. Правда, барон, нежно любивший свою супругу, еще не знает, что она поехала в П. повидаться с сыном. На короткое время он оставил баронессу на водах, где она лечилась, и отлучился по своим делам. Ну а поскольку никому не известно, куда он уехал, ему пока не сообщили о негодности жены.

Неожиданное открытие

После долгих обсуждений Мартын Блашко с Фомой Хратским согласились принять советы инженера. Все вместе, довольные, они возвращались с поля. У своего дома Хратский поблагодарил постояльца Крачинских и почтительно с ним попрощался. Дальше мужчины пошли вдвоем.

— Я бы хотел задать вам один вопрос, — обратился инженер к своему попутчику.

— Спрашивайте, пожалуйста, о чем угодно, — ответил удивленный мельник.

— Петр рассказал мне, что хочет просить руки вашей дочери, но не решается, боится вашего отказа. Скажите, что бы вы ему ответили?

Блашко нахмурился. Мысль о замужестве дочери давно тревожила его. Будь его воля, он выдал бы свою помощницу Марьюшку за племянника Мишко, и тогда в его доме все будет, как прежде.

Инженер заметил, что Блашко помрачнел, и тоже нахмурил брови.

— Значит, Петр не ошибся? Вы откажете ему? Но почему?

— Марьюшке еще рано выходить замуж. Но уж если на то пошло, я растил ее не для Петра. Конечно, против него лично я ничего не имею, он за зиму очень изменился. Но в Дубравке есть много других девушек. Да и хозяйство у него не такое большое, чтоб нужна была помощь жены, — с многозначительной улыбкой прибавил Блашко.

— Значит, главное препятствие — его бедность? — уточнил инженер.

— Отчасти, пожалуй, и бедность, — ответил мельник. — Пока я жив, я ничего не могу выделить дочери. Как они будут жить без денег? Марьюшка работать поденщицей не привыкла, а в наши дни ткацкое ремесло не прокормит.

— А если бы вы узнали, что у Петра есть сбережения, в этом случае отказали бы ему?

— Господин инженер, Петр нашел в вас хорошего адвоката, — засмеялся Блашко. — Если Марьюшка сама пожелает выйти за него замуж, и если я буду знать, что ей с ним будет хорошо, я не скажу «нет».

— Дайте мне вашу руку в знак согласия, что вы не отдадите вашу дочь никому, если Петр ей

по сердцу. Я же обещаю найти ему место на железной дороге, которое вполне обеспечит его семью.

Блашко был очень удивлен неожиданным завершением разговора. Он пожал собеседнику руку, но в то же время с недоверием подумал: «Взбалмошные, однако, эти господа! То им вмиг кто-то приглянется, то быстро надоест».

На этом они расстались. Блашко не поведал обещанию инженера, и, хотя тот не просил молчать об их разговоре, решил сохранить его в тайне.

Петр, поджидая постояльца, читал в саду книгу. Чтение увлекло его, и он не заметил, как инженер подошел и сел рядом с ним на траву.

— На вашей одежде могут остаться зеленые пятна, — вежливо предупредил Петр.

— Ничего, куплю себе новую. А свою ты не боишься запачкать?

— А я сотку себе полотно на одежду! — весело рассмеялся Петр. — Вам-то его нужно покупать!

— Я смотрю, ты любишь свое ремесло, — сказал инженер. — Но намерен ли ты заниматься им всю жизнь?

— Чем другим я мог бы заняться? — удивленно спросил Петр. — Я привык к ткацкому делу, хотя оно, правда, и не очень выгодное. Например, апостол Павел шил палатки и тоже не получал много прибыли от своей работы, однако он мог прокормить себя и нуждающимся помогал.

— Ну, апостол Павел, я думаю, зарабатывал побольше тебя, — улыбнулся инженер. — Мне кажется, Петр, тебе не следует торопиться с женитьбой. Блашко охотнее согласится отдать за тебя Марьюшку, если ты придешь к нему не с пустыми руками. А с Марьюшкой, — прибавил инженер, заметив, как побледнел Петр, — тебе никто не мешает поговорить прямо сегодня. Если она тебя любит, то согласится подождать два-три года. Вы еще оба так молоды.

Петр с облегчением вздохнул, но тут же опустил голову.

— Но за два, даже за три года мне не удастся накопить столько, сколько хотелось бы Мартыну Блашко. Может, только по доброте сердца он согласится отдать мне свою дочь.

— Ошибаешься. Если ты послушаешься моего совета, тебе удастся угодить Блашко.

— Какой же совет вы дадите? — удивленно спросил Петр.

— Поезжай со мной!

— С вами? Но куда?

— Путешествуя по Германии, я узнал, что там есть школы для взрослых. Вот я и подумал, почему бы на три года не поместить тебя в одну из таких школ. Когда ты окончишь обучение, я найду для тебя место на железной дороге, и ты будешь получать прекрасное жалованье. К тому же в школе ты выучишь немецкий язык, будешь постигать Божественные истины и благодаря этому сможешь свидетельствовать многим о Господе. Сегодня утром Степан как раз говорил об этом.

— Даже если мне удастся поступить в такую школу, кто будет за меня платить? — не переставал удивляться Петр.

— Тот, кто тебя туда повезет.

— Вы?! Но зачем вам платить за меня?

— Ты слышал, что сегодня утром сказал Степан? Христианам нужно поступать по-христиански, то есть помогать ближним. Вот я христианин, но до сих пор не сделал в своей жизни ничего доброго.

— Да воздаст вам Бог за ваши добрые намерения. Но обучение, наверно, дорого стоит.

— Нельзя заранее знать, что ожидает нас впереди, — заметил инженер. — Может, в старости ко мне вернется то, что я заплачу сейчас за твое образование.

Понимая правоту инженера, Петр не подверг сомнению искренность его слов: заранее не узнаешь, когда и кто кому окажется полезен.

— Что верно, то верно, — растроганно сказал Петр. — У вас нет сына, а у меня нет отца. Теперь вы хотите помочь мне. Дай Бог, чтобы когда-нибудь я был полезен вам.

— Так ты едешь со мной?

В голосе инженера прозвучала плохо скрываемая радость.

— Отчего ж не поехать? Больше всего меня привлекает не место с хорошим доходом, которое вы пообещали, а возможность изучить Слово Божье и возвещать людям Божественные истины. С Божьим благословением мы прокормились бы с Марьюшкой и ткацким ремеслом. Только... — замялся Петр, — мы с матерью собирались сделать пристройку к нашему дому!

— Сколько времени, ты думаешь, на это понадобится?

— Недель шесть или восемь.

— Тогда немедленно берись за дело. До конца лета у тебя есть время. В школу не принимают раньше сентября. Я помогу тебе сделать замеры, набросаю план, и завтра же ты можешь начать строительство. Пойдем, надо осмотреть место.

На полпути к дому они встретили Степана, который возвращался из Боровска.

— Как поживает бабушка, Степан? — поинтересовался Петр.

— Хорошо, слава Богу. Я спешил к вам, господин инженер.

— Ко мне?

— Скажите, ваша фамилия Рейнер?

— Да.

— Барон Рейнер?

— Да.

— Вы знаете, что вас везде ищут?

— Меня? И кто же?

Инженер гордо выпрямился.

— Ваш секретарь. Он не знал, как передать сообщение о том, что баронесса серьезно заболела и сейчас находится в П.

— Моя жена в этом городе?! В П.?! — изумился барон.

От удивления он даже отступил назад.

— Вам все станет понятно из письма моего друга Урсини. А пока вы его читаете, я запрягу лошадей. Довезу вас до станции, чтобы вы успели на скорый поезд.

— Поторопись, пожалуйста! — крикнул барон вслед удалявшемуся Степану.

Он развернул письмо дрожащими руками и прочитал о том, что его жена, приехав в город на свидание с сыном, заболела и слегла. Ему не могли сообщить об этом, потому что не знали, где он находится.

Барон был в отчаянии. Когда Петр, потрясенный чужим горем, начал его утешать, Рейнер порывисто обнял молодого человека.

— Не сокрушайтесь так! — утешал его Петр. — Господь и тут поможет. Он исцелит вашу супругу. Мы будем молиться о ней!

— Да, молитесь, прошу вас! Не знаю, что будет со мною, если она умрет! Зачем только я оставил ее одну?! Почему не известил ее, ради чего, собственно, предпринял это путешествие? Она ведь ждала от меня вестей! Для чего она,

такая слабая, пустилась в далекий путь? Встреча с сыном взволновала ее, и это сказалось на ее здоровье. В городе ей даже голову преклонить негде! Бедная моя Натали, как ты могла поехать туда одна?! Но что я мешкаю? Степан! Где Степан? Скорее, скорее! Я соберу вещи и сегодня же буду рядом с ней!

Петр не узнавал своего постояльца. Сочувствуя его горю, он жалел о том, что тот уезжает так внезапно. Вечером Петр искренно молился о баронессе Рейнер и просил Господа исцелить ее тело и душу. Когда и как ответит Господь на эту молитву?

В гостях у пастора

Ранним утром Степан вышел из Дубравки. Яркое солнце заливало теплым светом зеленеющие нивы, вдоль которых вилась дорога. В безоблачном небе щебетали ласточки, из травы тут и там выпархивали птицы, потревоженные звуком шагов. Степан шел, наслаждаясь тихим веянием ветерка.

Вот вдали показались холмы, с трех сторон обступившие городок М.. На одном из холмов

виднелась маленькая белая часовня. К ней и к расположенному рядом с ней кладбищу вела дорога, вдоль которой стояли скульптуры, изображавшие распятие Христа. На другом холме располагалось второе кладбище, его окружала старая стена, уступами спускавшаяся к башне времен гуситов²⁴. На третьем холме, за новой оградой, находилось еврейское кладбище, оно было обнесено глубоким рвом.

На этих кладбищах, местах покоя, казалось, все говорило: «Тут навеки утихли ссоры и распри. Тут все равны: прах возвратился в прах! Люди, похороненные здесь, знают, чем истина отличается от заблуждения».

Городок М. лежал в долине, окруженной холмами. С одного его конца на другой протекала речка, по обоим ее берегам росли тутовые деревья. На окраине города, под сенью вековых лип, стояла лютеранская церковь, а рядом с ней дом пастора и школа.

Хорошо было здесь в солнечное весеннее утро! Степан глаз не мог отвести от открывшегося ему вида. Но яркому солнцу было все же не под силу рассеять грусть молодого человека. Он пришел сюда оправдываться перед

пастором в том, что старается приводить людей к Богу, от Которого те отпали. При этом он видел, что те, кто живет с пастором в одном городке, не помышляют о Господе, Он для них как бы не существует. Самые красивые дома горожане отдали под трактиры и притоны — жилища дьявола.

Сняв шапку, Степан искренно помолился Богу за свой народ, за жителей этого городка и за всю общину, к которой сам принадлежал. Он просил Господа даровать людям познание истины, обратить их к Себе, увести от заблуждения и избавить от власти греха. Он просил также Господа дать ему мудрости для предстоящего разговора с пастором. Когда он проходил по городу, колокола уже звали к заутрене.

Степан вошел в церковь. Как давно он здесь не был! Ожидая начала служения, он размышлял о том, что первые прихожане этой церкви, наверно, никогда не думали, что здесь будут открыто восставать против последователей Христа, называя их «мечтателями». Им даже в голову не приходило, что к трапезе Господней будут допускаться воры, блудницы, игроки и выпивохи, которые прямо из церкви идут в трактир и

лишь вечером, пьяные, возвращаются домой. Степану стало так грустно, что, закрыв лицо руками, он опустил на колени.

В это время в церкви стал собираться народ. Пришли несколько женщин и два пожилых мужчины; по их виду нетрудно было догадаться, кому они служат каждый день. Затем вошли еще несколько нищих. Церковный служитель разместился около алтаря. На клирос вошел молодой учитель, за которым последовали его ученики и еще несколько мальчиков. Пастор был в ризнице, оттуда доносился его кашель.

Учитель сел за орган. Сначала он сыграл веселую чешскую песню, а затем исполнил хорал. Первая мелодия, видимо, нравилась учителю больше, он сыграл ее с чувством. Под унылые звуки хорала, медленные и торжественно-скупные, собравшиеся запели. Причем церковный служитель не попадал в такт музыки, а хористы, наоборот, опережали поющих.

Степан хорошо знал этот хорал, его чистый голос летел под купол церкви. Он забыл про окружающих и пел только для Господа, не замечая шептавшихся женщин и церковного служителя,

который с любопытством поглядывал на него. Степан пел для своего Бога и Спасителя.

Выбранный для пения хорал хорошо подходил к чувствам и настроению Степана. «Если нам удастся объединиться с пастором, — думал Степан, — и он пообещает не препятствовать нашим собраниям, мы сделаем все, чтобы привлечь народ в церковь. Мы позаботимся, чтобы она не пустовала».

Миролюбиво настроенный Хратский готовился к слушанию чтения Слова Божьего и проповеди. Он пришел в церковь не критиковать, а радоваться Слову Божьему. Однако ввиду малочисленности собравшихся проповедник ограничился лишь чтением двух длинных молитв и одной молитвы в стихах. Это очень разочаровало Степана. В конце служения пастор наскооро проговорил «Отче наш» и после положенного при каждом богослужении благословения поспешил оставить кафедру.

«Нет, — подумал Степан, выходя из церкви, — не стоило тратить почти час на дорогу, чтобы попасть на такое богослужение». Он направился в сторону пасторского дома и через несколько минут был в приемной.

— Что ты хочешь от меня, Хратский? — спросил пастор, предупрежденный церковным служителем о приходе Степана.

— Я, господин пастор, пришел к вам, как к духовному лицу нашей общины, — начал Степан, спокойно глядя на собеседника.

— Ко мне? Ходят слухи, что в тебе мир нашел нового апостола, — ответил пастор с таким презрением, что Степан невольно покраснел. — Ты, говорят, так умен, что наша церковь тебя более не удовлетворяет, и ты основал новую. Кроме того, ты такой хороший сын, что своими выходками довел честного отца до того, что ему пришлось братья за кнут. Но мне кажется, — продолжал пастор, повысив голос, при этом вены на его висках вздулись, в глазах зажегся недобрый огонь, — мне кажется, что урок этот тебе не пошел на пользу. Ты не исправился, а наоборот, утвердился в своем упрямстве. Зачем ты ко мне пришел?

— Я пришел к вам, господин пастор, чтобы услышать от вас лично, что вы обо мне думаете. Почему вы так настроены против меня? Ведь в Слове Божьем написано: «...вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости...»²⁵

— Ты, молокосос, хочешь учить меня тому, что написано в Священном Писании? Что я имею против тебя? Не ты ли внес яд беспокойства в эти мирные горы? Не ты ли распространяешь ересь «мечтателей»? Неужели ты, глядя мне в лицо, решишься опровергать то, в чем тебя обвиняют?

— Никакой ереси я не распространяю, господин пастор. Возможно, кто-нибудь, и не без злого умысла, наговорил вам на меня. Я пришел, чтобы сказать вам правду. Прошу меня выслушать и, если я заблуждаюсь, наставить на путь истинный!

В голос Степана прозвучала искренность, и пастор немного успокоился. Грузно опустившись на скрипнувший под ним стул, он недовольно сказал:

— Говори, да только поскорей! У меня мало времени!

Степан рассказал, как они в Дубравке читают Слово Божье, и объяснил, что на собрания люди приходят в субботу вечером и утром в воскресенье. Утренние собрания заканчиваются до начала богослужения в церкви, поэтому все желающие попасть туда, успевают сделать это.

— Господин пастор, можете ли вы мне сказать, что мы делаем дурного? Так поступали и наши предки. В Слове Божьем сказано: «Исследуйте Писания...»²⁶ Где же тут ересь? Как можно назвать человека «мечтателем», если он ищет истину? Умоляю вас, не давайте себя обманывать! Мы не еретики и не «мечтатели». Мы любим Слово Божье и желаем быть истинными христианами в нашей жизни. Мы хотим жить так, как этого требует от нас Христос.

— Чтение Слова Божьего, — покашливая, ответил пастор, — дело похвальное, это долг каждого лютеранина. Но если есть церковь, к чему устраивать собрания? Почему вы не ходите в церковь? Или, считая себя самым умным, ты не нуждаешься в пасторе?

— Я ходил в церковь, — серьезно сказал Степан — но услышал много насмешек в свой адрес, мне не давали даже спокойно молиться. Я почувствовал здесь такую ненависть, что решил больше не приходить. Пока я болел, до меня доходили слухи, что говорится в проповедях против меня и всех так называемых «мечтателей». Буду ли я после этого ходить в церковь? Несравненно больше благодати я полу-

чаю дома, изучая Слово Божье или поясняя его другим.

— Поясняя, поясняя! — воскликнул недовольно пастор. — Что ты можешь пояснять?! Еле-еле читать научился, а туда же! Мужик берется пояснять Слово Божье! Ведь ты не понимаешь Библии!

— В Слове Божьем сказано: «...будут все научены Богом»²⁷. Мы, господин пастор, ведь не католики, которые думают, что одни священники имеют право читать Слово Божие. Наш Отец Небесный всем дал Свое Слово. Для чего мы его получили, если б не могли понимать? Но Иисус Христос говорит: «...кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю»²⁸. Всякий желающий творить волю Божью может понять учение Христа.

— Возможно, что ты сам кое-что и понимаешь, но зачем тебе учить других? — более миролюбиво спросил пастор, вставая с места. — Держи это при себе.

— Нет, — возразил Степан, — Иисус Христос не так учит. Он говорит, что нужно пропо-

ведовать Евангелие. Что я Ему отвечу, когда Он спросит меня, почему я молчал?

— Так ты думаешь, что эти слова относятся к тебе? Не дело ли это пастора?

— Апостол Павел в своем Послании говорит всем верующим: «...вы — ...царственное священство»²⁹. Следовательно, свидетельствовать о Христе есть обязанность каждого христианина. Если Иисус открылся вам, то ваше дело проповедовать о Нем с кафедры. А мы будем исповедовать Его в лесу и поле, на улице и дома.

— Ты говорил, что получил прощение грехов и спасен, не так ли? — допытывался пастор, глядя на Степана в упор, как будто желая заглянуть ему в душу.

— Да, благодарю за это Господа. Отец Небесный по милости Своей принял меня в число Своих сыновей ради пролитой крови Иисуса Христа. Теперь я искуплен и не могу, не смею молчать об этом, когда вокруг меня столько людей вязнет в греховной тине, как некогда увязал я сам. Поэтому до самой смерти я не перестану звать грешников: «Придите к Иисусу Христу! Он желает простить вас, как простил меня. Он

хочет даровать вам вечное блаженство, как даровал его мне!»

Пастор от возмущения даже всплеснул руками.

— И это не называется «мечтаниями»?! Какое фарисейство: ему, мол, прощены грехи! Он спасен! Откуда у тебя эта уверенность в прощении грехов? Чем ты докажешь, что спасен?

— Уверенность? — переспросил Степан. — Как можете вы сомневаться, когда в Слове Божьем написано: «...ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь?»³⁰ Эта уверенность живет в моем сердце, где прежде властвовал грех. И в Слове Божьем говорится: «Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его»³¹. Доказательство же своего спасения я нахожу в словах: «Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом; не верующий Богу представляет Его лживым, потому что не верует в свидетельство, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем»³². И еще: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную...»³³; «...верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную...»³⁴. Господь говорит: «...небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»³⁵.

— Довольно! — прогремел пастор. — Тебя не смог бы переубедить Сам Христос, если бы оказался здесь. Я не хочу больше разговаривать с тобой, самонадеянный фарисей! Довольно мне доказательств: ты — настоящий «мечтатель»! Я запрещаю тебе распространять свое лжеучение в нашей округе. Отец не сумел как следует проучить тебя, но я заставлю тебя замолчать! Я не допущу, чтобы подобное лжеучение отвращало народ от евангельской апостольской церкви! Я не позволю совращать словаков! У нас существуют светские власти, но есть и духовные: они-то уж сумеют восстановить порядок и тишину! А теперь, если хочешь уйти по-хорошему, замолчи и уберись вон!

Степан вышел из дома пастора. Так закончилась для дубравских «мечтателей» попытка примирения с пастором. Хотя Хратский предчувствовал, что эта встреча ни к чему хорошему не приведет, но на такой скандальный исход переговоров не рассчитывал.

Петр, увидев возвращавшегося Степана, сразу понял, что тот огорчен.

— Ты, верно, не застал его дома? — спросил он.

— Да нет, застал!

Степан выбрал место под деревом, и друзья сели на траву. Слушая, Петр не мог усидеть, он поминутно вскакивал, не в силах сдерживать свое возмущение.

— Вот видишь, — говорил Степан, — я не только не уладил это дело, а, наоборот, испортил его. Пастор теперь еще больше восстановит против нас прихожан. За нас, верующих, я не боюсь: от истины нас ничто не отвратит. Не боюсь и за тех, в чьих сердцах уже начало действовать Слово Божье. Но боюсь, что теперь нам будет трудно донести истину до людей, которые и без того нас избегали. На днях я зашел навестить Петра, а его родственники закрыли передо мной дверь. Что станет с такими людьми? Беднягам внушат, что мы «мечтатели», и они не захотят принимать нашего свидетельства. Мысль об этом терзает меня!

— Не расстраивайся так, Степанко! — сказал Петр, обняв друга. — Ты ведь объяснил пастору, что его дело — проповедовать с кафедры, а наше — в лесу и поле. Народ нас и там услышит. Вот увидишь, все будет хорошо!

Эта твердая уверенность друга, как утренняя роса, освежила Степана.

— Ты прав, Петр! Ученики Иисуса тоже слушали Бога, а не первосвященников. Пастор не будет молчать, мы тоже молчать не будем! Да, власти на его стороне, но у нас есть пять «камешков» — пять ран нашего Спасителя. Как именем Господа Саваофа Давид победил Голиафа, так и мы, не сражаясь, выступим во имя Господа, согласно Его повелению быть свидетелями Его.

Друзья помолились, сложив к ногам Господа свои нужды и упования, и с легким сердцем продолжили свой путь.

По дороге Петр рассказал Степану о намерении инженера заняться его образованием.

— Не знаю, — поделился с другом Крачинский, — не изменятся ли его планы после всего случившегося? Если нет, я буду бесконечно благодарен Господу за то, что смогу углубиться в изучение Его Слова и Божественных истин.

Петр не объяснил другу, почему инженер хочет устроить его в школу. После такой серьезной беседы ему показалось неуместным заводить разговор о своей женитьбе. Он решил подождать более подходящего случая, чтобы поговорить об этом.

Церковные гела

Прошло несколько недель после визита Степана к пастору, и жители города П. начали замечать, что на субботних молитвенных собраниях, проходивших на квартире госпожи Г., лютеран стало значительно больше. Слово Божье проникало в их сердца, зарождая в душах стремление к новой жизни. Католики, заметив такие изменения, говорили друг другу:

— Прежде лютеране никогда не собирались читать Слово Божье. Они ходили в свою церковь и этим отличались от нас.

В самом городе П. не было лютеранской церкви. Члены маленькой лютеранской общины ходили в церковь в Ракован. Летом они посещали ее чаще, а зимой только по большим праздникам. Дома они обходились без Слова Божьего.

Некоторые лютеране из П. ходили в Ракован к причастию, не отдавая себе отчета в том, чего хотят этим достичь. Одни по привычке, другие из-за того, что так было принято. Те и другие не понимали смысла этого священнодействия, но

считали, что без церковных обрядов не обойтись.

Раньше дети из семей лютеран ходили в католическую школу. Когда же в городе открыли школу для лютеран, родители перевели своих детей туда. Однако ни в одной из этих школ не было уроков Закона Божьего.

Это печальное положение дел и необходимость его изменения не раз служили темой для обсуждения в местных газетах.

Субботнее собрание в доме госпожи Г. обещало быть особенно многолюдным. Церковный служитель, приехавший в пятницу из городка М., привез важную новость. Когда его обступили знакомые, приглашая на собрание, он с сомнением покачал головой.

— Берегитесь! Это, верно, те же «мечтатели», что и у нас в горах.

Люди удивлялись тому, как могут быть «мечтателями» читающие Слово Божье. Они еще настойчивее стали приглашать церковного служителя на собрание. Его считали знающим Священное Писание человеком и хотели, чтобы он лично убедился в своем заблуждении. Случалось, правда, он выпивал, но только в исключи-

тельных случаях: на свадьбах или после окончания школьных экзаменов. В общем, он слыл за умного и почтенного человека. До того как стать церковным служителем, он был учителем в Южной Венгрии, и там из-за отсутствия пастора ему приходилось проводить богослужения для переселившихся словаков, о чьих душах никто не хотел позаботиться. Такому книжнику, как он, жители П. охотно верили.

— Есть у нас в горах, — рассказывал он, — один молодой человек, который вернулся с военной службы и привез с собой новое учение. Пастор наш говорит, что все подобные новинки приходят к нам из Англии. Степан (так зовут этого молодого человека) начал у нас возвращать народ и некоторых уже привлек к себе.

— Что это у него за вера такая?

— Да он говорит, что ему прощены все грехи, а мы все живем во тьме. Он призывает нас обратиться к Богу и возродиться через Духа Святого, как будто мы не христиане. Еще он утверждает, что мы не должны грешить. Целый десяток пасторов с Библией в руках не переубедят этого упряма. В церковь он перестал

ходить, хотя некоторые из его последователей посещают ее. Наверно, и у вас здесь происходит нечто подобное.

В субботу на собрание пришло много людей. Всем было интересно узнать, какое впечатление оно произведет на их церковного служителя.

В тот вечер Урсини произнес проповедь о богатом юноше, который с печалью удалился от Иисуса, когда Спаситель предложил ему оставить свое имущество и следовать за Ним.

Проповедник пояснил, что юноша получил бы все, реши он следовать за Иисусом. Но в сердце молодого человека укоренилась любовь к богатству, и он не смог с ним расстаться. Это и стало причиной его гибели. Урсини предложил слушателям обратиться к Иисусу Христу, только Иисус может спасти человека, освободив его от греха.

— Несомненно, — говорил после собрания церковный служитель, — несомненно, это такой же «мечтатель», как наш Степан. Бог не требует от людей отдавать все. Он только хочет, чтобы мы жили порядочно. Остерегайтесь его!

Целую неделю после этого собрания по городу ходили слухи о «мечтателях». И в следующую субботу послушать проповедника пришло еще больше любопытных.

— Сегодня у нас будет молитвенное собрание, — начал Урсини. — Каждый может молиться о том, что у него на сердце. Я помолюсь о больной матери моего друга, он очень просил меня об этом.

Госпожа Г., хозяйка дома, не могла сдержать слез, когда Урсини от всего сердца горячо молился о больной. Со слезами на глазах молилась игравшая на органе Анна, она просила Господа благословить и привлечь к Себе те души, которые Его не знали. Тетушка Прибовская молилась за своих господ, вдова Мала о своих детях, а ученик аптекаря Индрик просил Бога пробудить души горожан.

В конце собрания двое мужчин попросили Господа о прощении грехов, и после этого народ начал расходиться. Тот, кто признавал свою греховность, но не стал открыто исповедать жажду прощения, уходил с собрания печальным. А те, которые считали себя праведными, говорили, что церковный служитель был прав: это один из «мечтателей».

После собрания Урсини побеседовал с двумя мужчинами, которые молились о прощении. Один из них оказался лютеранином, а другой католиком. Лютеранин не умел читать и писать. До прихода его на собрание никто не заботился о душе этого бедного человека. Никто не объяснял ему, что он грешник, что его душа бессмертна и что есть Бог, Который любит его. Бедняга жил, не зная ни Христа, ни Бога. Он ничем не отличался от словацкого мужика, о котором рассказывали, что, возвратившись в пятницу на Страстной неделе из церкви, он сказал своей жене: «Послушай, жена, кто-то умер! Я слышал о нем в церкви такую чудную речь, что заплакал». Тот мужик не знал, что речь шла о Спасителе, о Сыне Божьем, умершем на кресте за его спасение.

— Да поможет вам Иисус Христос начать новую жизнь, — пожелал Урсини, обнимая своего собеседника, плакавшего от умиления. — С этого часа вы принадлежите не себе, а Ему.

Второй мужчина, католик, долгие годы пробовал «спасаться» добрыми делами, паломничествами и постом. Но, не приняв Иисуса в сердце, он не мог без Него достичь прощения грехов.

Оба этих человека бывали и раньше на чтениях Слова Божьего, но только сейчас свет Христов вошел в их сердца. Они радовались, что наконец пришли к Источнику всякого добра и света, и могут свободно излить свои сердца пред Господом. Они счастливыми ушли с собрания, оба получили то, к чему давно стремилась их душа.

После их ухода, прибрав и проветрив комнату, Урсини сел дописывать письмо в миссионерскую школу в Германии. Дописав, он вынул из кармана куртки три других письма. Первое было коротким: в нем сообщалось о благополучном прибытии его друзей в Х.

Другое письмо было от ракованского пастора. Урсини начал читать. «Занимайтесь своей медициной, готовьте ваши лекарственные снадобья, а в чужие дела не вмешивайтесь! То, что вы пишете о необходимости евангелизации края, — одни лишь красивые фразы. У нас существуют церковные приходы, и мы не допустим, чтобы совращали наш благочестивый словацкий народ. Да и кто они, эти совратители? К какой секте принадлежат? Мы ничего о них не знаем! Если вы возомнили, что призваны быть апостолом, поезжайте в Африку. Не толь-

ко мы, но и католики будут рады, если вы оставите нас в покое. Вы пишете, что лютеранам трудно добираться до церкви в Ракован. Это правда. Но что поделаешь? Если праотцы наши, у которых были всего три лютеранских церкви, посещали их, то такой же дальний путь могут проделать и благочестивые жители П. Надеюсь, вы примете это к сведению. Но если и этими доводами не удастся убедить вас выбросить из головы ваши преобразовательные планы, я вынужден буду обратиться к властям, которые уж сумеют разобраться в этом деле. Я всей душой ненавижу сектантство и ханжество. Вам недобровать, если вы вздумаете распространять вашу ересь в моем приходе. И. И., пастор».

Прочитав письмо, молодой человек опустился на колени для молитвы. Он молился о написавшем эти строки пасторе, о его «благоустроенном» приходе и о «благочестивом» словацком народе. Он просил также Господа даровать ему возможность продолжать работу на ниве Божьей, несмотря на угрозы.

Прошел месяц после встречи Степана с пастором. Весенние цветы отцвели, зацвел шиповник, распространяя вокруг чудесный аромат.

В Дубравке наступила горячая пора: Блашко перестраивал мельницу, Петр Крачинский расширял свой дом, а Хратские помогали ему. Пришло время косить, работать в поле, да и с заготовкой дров нужно было торопиться, чтобы уложиться

в сроки их вывоза из леса, строго соблюдаемые в этих краях.

Бог послал чудную погоду, и работа спорилась. Раньше всех вставали Степан, Мишко, Петр, Марьюшка, Андрей Хратский с женой. Приятно было смотреть, как все кипело у них в руках.

До начала трудового дня они собирались для общей молитвы. Затем Степан читал несколько стихов из Евангелия, и они их вместе обсуждали. Дубравцев удивляло, что «мечтатели» поют, когда идут в поле и даже когда работают. Каменщики, строившие дом Петра, думали: «Значит, вера у них особенная, раз она так окрыляет человека».

Каменщики были не местными и не могли понять, почему «мечтателями» называют людей,

которые никому не сделали ни малейшего зла. Сначала между собой, а затем и другим людям они говорили: «Хорошо бы и нам стать такими!»

Поразительная перемена стала заметна в Фоме Хратском. Раньше он часто напивался, теперь же на крепкие напитки не мог смотреть. Прежде он заставлял своих сыновей работать и, если что не по нему, немилосердно ругал их. Теперь он уговаривал Степана и Андрея не переутомляться. Особенно беспокоился он о Степане и всегда подбирал для него работу полегче. Хотя младший сын поправился, однако силы у него были не те. Женщины озабоченно говорили: «Вряд ли ему удастся вполне окрепнуть; всю жизнь он будет чувствовать, что пострадал за Христа».

Хратский стал задумчивым. Если бы Степан и Марьюшка не старались его всячески разговорить, он молчал бы весь день, отдавая лишь необходимые распоряжения по хозяйству. Он всегда первым вставал из-за стола, чтобы пригото-

вить комнату для послеобеденного чтения Слова Божьего, на которое приходили в его дом и посторонние люди.

Однажды жена Хратского без ведома мужа решила продать зерно. Хратский это заметил и, нахмурившись, сказал ей:

— Я от тебя ничего не запираю и не скрываю. Зачем ты обманываешь меня и этим гневись Бога? Довольно мы уже огорчали Господа, пора начать новую жизнь.

Пристыженной Хратской было неприятно слышать такие слова от мужа.

— Каким ты сделался благочестивым, — язвительно заметила она. — Я зерна не вынесла бы столько из дома, сколько денег ты отнес в трактир!

— Это было раньше, — сокрушенно ответил Хратский, — но теперь я так не поступаю. Брось и ты свои дурные дела!

Страшно подумать, какой скандал начался бы в прежние времена, заговори она с ним в таком тоне.

Катерина не понимала причин перемены в муже, но они ее радовали. В последнее время под влиянием детей она тоже стала вести себя по-

другому, однако сердце ее было еще прежним. А перемены в Хратском день ото дня становились ощутимей. Одному Богу известно, сколько бессонных ночей провел он в сарае, уходя туда ночевать. Теперь он видел, какой ужасной была его безбожная жизнь. Утешение и отдых для измученной души он искал в чтении Слова Божьего и слушании пояснений Степана. После чтения в нем пробуждалась совесть, и на душе подчас становилось еще тяжелее.

Стараясь обрести душевный покой, Хратский два раза ходил в церковь. Но пастор после встречи со Степаном не говорил с кафедры о спасительной любви друг к другу. Напротив, в каждой воскресной проповеди он настраивал прихожан против дубравских «мечтателей».

— Сам Иисус Христос, — говорил он, — выгнал плетью из Иерусалимского храма всех менащников и продавцов. Так и нам следует поступать с теми, кто хулит нашу церковь и отвергает от нее народ.

В другое воскресенье пастор сказал:

— Мы, лютеране, основывающиеся на чистом учении наших предков, не должны торговать верою подобно еврею, торгующему кожей.

Слушатели рассмеялись над этим метким, по их мнению, сравнением пастора. Выходя из церкви, Хратский слышал, как прихожане брали его сына.

Случилось так, как предполагал Степан: «мечтателей» сторонились, как зачумленных, а при встрече с ними пускали в ход насмешки.

Мишко Блашко, по обыкновению сопровождавший дядю Мартына в церковь, не избежал этой участи. Его бывшие товарищи с насмешкой называли Мишко церковным служителем, а его друзей Степана и Петра дубравским господином пастором и господином учителем. Глумясь над Мишко, они спрашивали, много ли денег он собрал и скоро ли поднимет колокол на новую колокольню близ мельницы. Петр, видя, что Мишко возвращается из церкви расстроенным, всякий раз утешал его.

— Зачем ты ходишь в церковь? — однажды спросил он друга. — Что ты там забыл? А дядя Мартын что там делает? Дождитесь, когда вас выгонят плетью? Они говорят, что мы «мечтатели». Первосвященники тоже обвиняли Иисуса Христа в том, что Он развращает на-

род. Раз мы принадлежим Ему, к нам будут относиться так же.

— Но ведь наши предки для чего-то построили храм! — отстаивал церковь Мишко.

— Ну все-таки не для того, что в нем теперь проповедуется. Не расстраивайся. Когда надо мной смеялись, называя господином учителем, я рассмеялся в ответ. Если ты любишь Иисуса всем сердцем, не придавай значения насмешкам.

Но Мишко дорожил мнением мирских людей и хотел завоевать их уважение. Многое придется ему пережить, пока он не откажется от всего ради Христа.

Печальные события заставили друзей на время позабыть о себе. На следующий день после внезапного отъезда «благодетеля Петра», как прозвали они инженера, умерла его жена. Степан с Петром решили съездить на ее похороны, чтобы разделить горе несчастного мужа. Молодые люди приехали в город П. и нашли нужный им дом. Издалека они увидели большую толпу, собравшуюся у дверей дома. Два пастора из Ракован и местечка М. читали литургию и молитвы, а в саду пели хористы. Пение хора сопровождало вынос тела баронессы, затем траурная

процессия двинулась к железнодорожной станции. Петру пришлось издали смотреть на это печальное шествие. Чтобы разглядеть родственников покойной, он взобрался на камень. Сердце его наполнилось глубоким сочувствием всем скорбящим, в особенности инженеру.

Убитый горем, барон Рейнер стоял у гроба своей жены. Горячие лучи солнца падали на его непокрытую голову, но он не замечал этого. Лицо барона казалось совершенно безжизненным.

Петр Крачинский стоял далеко от барона и жалел, что не может приблизиться и выразить свои соболезнования. Как ему, простому ткачу, было решиться на это? «Если бы господин поднял голову и посмотрел вверх, — думал Петр, — то увидел бы меня».

Желание его исполнилось. Во время пения барон поднял голову и, как ни огромна была толпа, увидел Петра. Он прочитал на лице молодого человека искреннее глубокое сочувствие и в знак благодарности слегка наклонил голову, давая понять, что увидел Петра и рад его присутствию.

Пение смолкло, и похоронная процессия потянулась на станцию. Петр шел вместе с други-

ми собравшимися и барона больше не видел. Прежде чем уехать из города, Степан предложил навестить Урсини. Они с Петром дошли до аптеки и, узнав, что провизора нет дома, решили его подождать. Как обрадовался Урсини неожиданному появлению друзей! Но, радуясь, он не мог скрыть своей печали.

— О, как безмерно благ наш Господь! — воскликнул Урсини. — Он видел, что сегодня моя душа жаждет подкрепления и утешения. Он подсказал вам прийти ко мне. Если бы Господь не привел вас сюда, я изнемог бы.

Урсини попросил Степана прочесть что-нибудь из Слова Божьего, и тот, открыв Евангелие, прочитал несколько стихов, так подходивших к сегодняшнему дню. Петру показалось, что раньше Степан не говорил с таким воодушевлением. После чтения все трое склонились в единодушной молитве.

Потом друзья долго беседовали. Петр рассказал Урсини о намерении инженера заняться его образованием и выразил опасение о том, не забудет ли Рейнер в своем горе о данном ему обещании. Но Урсини успокоил Петра и посоветовал ему спокойно и терпеливо ждать известий.

В свою очередь провизор рассказал гостям о сыне аптекаря Николае Каримском, которого Степан, а затем и Петр навещали на даче в Боровске. После похорон матери Николая снова должны были перевезти туда. Там он всегда чувствовал себя значительно лучше. В те дни, когда к нему приходили Степан и Петр, молодые люди устраивали прогулки в лес, Каримского друзья несли на носилках. Николаю особенно нравился Степан, они подружились, и дружба между ними становилась все крепче.

Со Степаном Николай поделился своим горем, рассказав, что его мать умерла в полном мире, как дитя Божье. Теперь они вдвоем молились о ее муже, чтобы он также познал Спасителя и мог с радостью ждать встречи с женою в вечности.

Любовь, скорбь и победа

Однажды Степан возвращался из Боровска позже, чем обычно. Не замечая наступления темноты, он медленно шел через лес. Ему было о чем подумать. От бабушки он узнал, что Каримский хочет про-

дать аптеку провизору Урсини на выгодных для последнего условиях. А Николай Каримский обещал дать деньги на обустройство нового помещения для собраний.

Степан был рад, что все так хорошо складывается у Урсини. В дни испытаний его друг сумел прославить Бога. Как Урсини будет в новых условиях служить Господу? Будет ли прославлять Бога в своих делах?

Думая о встрече с Николаем, Степан вспомнил взгляд, которым тот проводил приходившую к его сестре подругу. «Она ему так же дорога, как мне Марьюшка, — подумал Степан. — Ведь я тоже замираю от счастья при одном ее появлении. Сам Господь вселяет в наши сердца любовь к окружающим. Я, слава Богу, люблю всех людей и готов для них все сделать, но Марьюшка мне дороже всех».

Степан остановился около мельницы. На этом месте он впервые после долгой разлуки встретился с Марьюшкой. Здесь он свидетельствовал ей о полученной благодати. Как все, однако, изменилось вокруг за это время! Тогда все было покрыто льдом; теперь вода лилась потоком на заросшую травой и цветами плотину.

Толстый слой снега лежал тогда на кустах и деревьях; теперь сочная зелень блестела на солнце. Зимой здесь было так тихо, что, казалось, можно было услышать собственное дыхание; теперь из лесу доносилось пение птиц, жужжали пчелы, с цветка на цветок порхали бабочки и мотыльки.

Всюду жизнь! «Вот, зима уже прошла, — мысленно повторял Степан стих из Библии, — дождь миновал, перестал; цветы показались на земле... и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоение. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!»³⁶

«Что это я? — прервал свои мысли Степан, укоризненно качая головой. — Это ведь прообраз Небесного Жениха и Церкви. Так может только Он говорить душе. Как я мог применить эти слова к человеческим мыслям?»

— Господи, прости меня, — тихо произнес он, закрыв лицо руками. — Я не могу справиться со своими чувствами, в сердце у меня такая же весна, как и вокруг. Думаю, что и это от Тебя, Господи!

Тут в кустах запел соловей. Все громче и громче звучала его песня. Счастливая птичка пела гимн любви. Степан увидел, что соловей сидит на ветке, над свитым над самой водой гнездышком, в котором притаилась его подруга, слушая далеко раздававшиеся трели. «Они любят друг друга! Все в природе дышит любовью, все и... я! Да, я люблю Марьюшку и жажду ее любви. О, если бы мы принадлежали друг другу, как эти птички!»

Степан усилием воли заставил себя уйти с этого места, так много говорившего его сердцу. Он шел через луг, и песня соловья неслась ему вслед. Ему захотелось напиться холодной воды из родника, который вытекал из скалы. Над родником Степан когда-то повесил кувшин, чтобы любой прохожий мог утолить жажду. Люди не знали, кто это сделал, но в душе благодарили этого человека.

Около скалы, из которой бил родник, росла дикая вишня, а по обеим сторонам от нее возвышались две ели. Какой это был красивый уголок! Прислонившись к скале, Степан пытался сосредоточить свои мысли на красоте Божьего

мира, но они все равно возвращались к образу Марьюшки.

Вся долина представлялась ему раем, блаженным обиталищем первых людей — Адама и Евы. Как, должно быть, Адам любил Еву! Как безмятежно могли они жить друг для друга пред лицом Божиим!

Ему пришла в голову мысль, что хорошо было бы здесь построить небольшой домик, в него он привел бы Марьюшку. Степан представил, как он спросит девушку, согласна ли она стать его женою, чтобы делить с ним радость и горе.

Увлеченный своими мечтами, Степан не заметил, как к нему подошел Петр.

— Петр, откуда ты?! — изумился он.

— Наконец-то я тебя встретил! — сказал Петр, кинувшись на шею Степану.

— Ты выглядишь счастливым. Что случилось?

— Ах, у меня такие радостные вести! Я получил письмо от господина инженера! — торжественно сказал Петр.

— В самом деле? Ну, как он себя чувствует? Утешился ли он в Боге?

— Этого я не знаю, о себе он ничего не написал.

Друзья, разговаривая, медленно шли в сторону Дубравки.

— О чем же он написал?

— Сначала он поблагодарил нас с тобой за то, что мы были на похоронах и поддержали его своим присутствием. Затем написал, что Урсини сообщил ему о моих опасениях, и попросил меня не беспокоиться. Он уже съездил в Германию, и в той школе, которую он выбрал для меня, оказалось свободное место. К осени закончу строительство дома, и он сам отвезет меня туда. Что ты скажешь теперь, Степан?

— Благодарю Господа: Он позаботился о тебе. Скоро ты сможешь серьезно заняться изучением Слова Божьего, чтобы работать на ниве Господней. После военной службы я тоже хотел поступить в такую школу. Но я сказал себе, что прежде вернусь на родину и засвидетельствую землякам, что сотворил со мной Господь. Как же мне теперь не радоваться за тебя и вместе с тобой? Как не благодарить за все это Господа? Но, в сущности, я до сих пор не знаю, как у инженера возникла мысль о твоём обучении.

— Я давно собирался поговорить с тобой об этом, Степан, и попросить у тебя совета. Но

стеснялся начать разговор, хотя ничего дурного тут нет. Вернемся к роднику, там я все тебе расскажу.

Степан охотно согласился, и молодые люди удобно расположились под вишней. Над лесом зажглась вечерняя заря, и наступавшие сумерки мешали им ясно различать друг друга. Петру это казалось очень кстати.

— Степан, — начал он, — я так люблю Марьюшку, что ни тебе, ни кому-то другому не могу выразить это словами!

Степан вздрогнул и почти с ужасом посмотрел на Петра.

— Одного не знаю, — уже спокойнее продолжал Петр свою исповедь, — любит ли меня Марьюшка. Мне кажется, что да. Но Блашко, ты знаешь, человек гордый, а я не богат. Вряд ли он выдаст за меня дочь. Не знаю, как получилось, но все это я рассказал господину инженеру. Он захотел мне помочь, пообещав после окончания школы устроить меня на железную дорогу, где я буду получать хорошее жалованье. Тогда я смогу жениться на Марьюшке.

Но я не знаю, как мне теперь поступить, и хочу просить у тебя, Степанко, совета. Скажи,

сейчас мне узнать у Марьюшки, любит ли она меня и согласна ждать, или пока отложить этот разговор?

Наступило молчание. Степан смотрел в землю с тем чувством, какое, наверно, когда-то было у Адама, когда он во мраке искал потерянный рай и не мог найти. Почему Петр именно ему задал этот вопрос?

— Что же ты ничего не отвечаешь, Степанко? — удивлялся Петр.

— Не так-то легко советовать в этом деле, — еле слышно произнес Степан. Он старался говорить как можно мягче, хотя в его сердце вспыхнула обида на друга. — Пойдем домой, я отвечу тебе завтра.

Они поднялись с земли.

— Хорошо, Степан, я подожду. Но мне так хотелось сегодня пойти к Марьюшке... Хотя, знаешь, мне страшно: вдруг она откажет. Я не переживу этого.

Петр был так поглощен своими мыслями, что не обратил внимания на молчание Степана. Они дошли до того места, где тропинка расходилась в разные стороны, и, пожав друг другу руки, расстались.

Фома Хратский удивлялся, где Степан может так долго пропадать. Давно поужинали, а его все не было.

— Наверно, он остался ночевать у бабушки, — предположила Бетка, и с ней все согласились.

А Степан в это время лежал в саду под грушей и не замечал, как летит время. Одно только он сознавал: если ему не поможет Иисус Христос, он ни за что не устоит в трудной борьбе с собою.

«Я поднял Петра с дороги, спас ему жизнь, а теперь он отнимает у меня мою любимую. Но нет, Марьюшку я ему не уступлю. Что я буду делать, если он женится на ней? Он говорит, что не переживет ее отказа. А что станет со мною, если я потеряю ее? Петр уедет в Германию, а я останусь здесь, день и ночь думая о том, что она

невеста другого. А это грех. Нет, Петр, не могу я тебе ее уступить!» Ему вспомнились слова, сказанные ему Марьюшкой после его выздоровления. Он чувствовал, что они давали ему право надеяться на взаимность. Что если завтра Петр пойдет к ней и у нее не хватит решимости ему отказать? Однако Степан понимал: он не вправе опережать друга в этом деле.

«Иди сейчас же к ней, — нашептывал ему искуситель. — Завтра утром ты можешь сказать Петру, что она уже обещала выйти за тебя».

«Отойди от меня, сатана, — сопротивлялся Степан. — Как я тогда посмею взглянуть в глаза Петру? Он мне доверяет, надеется на меня. Я должен ему дать добрый совет». Степан чувствовал, что силы тьмы надвигаются на него. Он начал молиться. С горькими слезами просил он Господа не требовать от него самоотверженной любви к Петру, способной заставить его добровольно отдать другу Марьюшку. Но сегодня, казалось, Господь был неумолим, и Степан твердил про себя: «...люби ближнего твоего, как самого себя...»; «...отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»; «...какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе

своей повредит?»; «...как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»; «Сын мой! отдай сердце твое мне...»³⁷

Господь требовал в Свое полное владение сердце Степана; но как это было больно... Степан думал, что давно уже отдал свое сердце Богу, но теперь понял, что ошибся, — у него не хватает на это сил.

Все вокруг померкло для него. Ломая в отчаянии руки, Степан повторял:

— Не отдам ее, Господи, не могу отдать ее.

Ему казалось, что светлый образ Марьюшки, приносивший ему радость, не покидавший его мыслей и сердца, удаляется от него. И он остается один.

Некоторое время он, как мертвый, лежал на земле, переживая минуты страшной вечности, которая ожидала званых, но неизбранных, не оказавшихся достойными, не бодрствовавших до конца.

Снова и снова возносил Степан свои молитвы.

— Господи, — шептал он, — помилуй меня! Обрати снова Свое Лицо ко мне, Боже мой! Я готов все потерять, все отдать, кроме Тебя; толь-

ко не покидай меня! Тебе отдаю свое сердце — возьми его! Отдай Петру Марьюшку, но дай мне Себя, потому что без Тебя я не могу жить!

Наконец в ночной тишине дивный мир наполнил сердце Степана. Сердечные терзания, страх, возмущение — все прошло. На груди Христа он снова нашел полный и вечный мир.

На рассвете Степан пришел к Петру.

— Я много думал ночью о нашем вчерашнем разговоре, — начал серьезно он. — Я советую тебе сегодня же поговорить с Марьюшкой. Если Господь вложил ей в сердце любовь к тебе, она скажет тебе об этом. Если же она тебя не любит, то помни, Петр, что мы не имеем права противиться воле Божьей, даже если Он требует от нас сердце!

Петр сосредоточенно смотрел в лицо своему другу. За одну ночь Степан Хратский изменился: от него исходила какая-то таинственная сила, которой раньше Петр не чувствовал в нем. Петр прочитал товарищу письмо инженера. И перед тем как расстаться, они вместе читали Слово Божье. Затем Степан горячо помолился, прося Господа направить все дело Петра к Своей славе.

— Сегодня я буду косить наш луг, — сказал Степан Петру, — и заодно скошу траву на лугу Блашко. Когда Марьюшка пойдет за травой, иди с ней, и по дороге вы поговорите.

С чувством благодарности Петр последовал совету друга и уже через час шел рядом с Марьюшкой. Около родника им встретился Степан, возвращавшийся с покоса.

— Я уже скошил всю траву, — улыбнулся он, стараясь не встречаться с Марьюшкой взглядом.

— Спасибо, Степан! — поблагодарила девушка, протянув ему руку.

Пожимая Марьюшкину руку, он не мог не взглянуть на ее милое и дорогое ему лицо. Он чувствовал, что Марьюшка навсегда останется в его сердце, но признавал, что Сам Господь даровал ему Свою благодать и силу, чтобы пожертвовать для Петра своим счастьем.

— Не буду вас задерживать, — сказал он, торопясь уйти, — до наступления жары вам нужно собрать траву.

Марьюшка с удивлением смотрела вслед удалявшемуся Степану, не понимая причины его столь поспешного ухода.

За работой Петр рассказал Марьюшке, о чем написал ему в письме инженер. Марьюшка слушала с интересом.

— Так ты не будешь ткачом? Разве ты любил свое ремесло? — спросила она.

— Нисколько. Но ткачеством в наше время не проживешь.

— Вам вдвоем с матушкой немного надо, — удивленно заметила Марьюшка.

— Не всегда мы будем жить вдвоем, — Петр многозначительно посмотрел на Марьюшку, и она поняла его взгляд.

— Ты надумал жениться?

— Тебя это удивляет, Марьюшка? Я молод, а моя матушка уже стара. Кроме нее, у меня никого нет на свете. А мне бы хотелось, чтобы рядом со мной был кто-то, с кем я делил радость и горе, для кого бы мог работать. Что же удивительного в том, что я желаю иметь жену, которая служила бы Богу вместе со мной?

— Это меня нисколько не удивляет, — ответила Марьюшка, краснея под пристальным взглядом Петра. — Но раньше ты никогда не говорил об этом.

— Не говорил, потому что не решался спросить у тебя, выйдешь ли ты за меня после того, как я вернусь из Германии.

— Что ты, Петр! — испуганно произнесла Марьюшка, невольно отступая назад.

— Ах, Марьюшка, я уже давно, очень давно люблю тебя, так люблю, что даже не могу выразить словами. Но я беден и знаю мнение на этот счет твоего отца. Скоро я поступлю в школу и после обучения получу место с хорошим жалованьем. Тогда я попрошу твоей руки — если ты меня любишь, Марьюшка. На земле у меня нет богатства, нет даже своего имени, но на небесах у меня есть Отец и имя, которое мне даровал Иисус Христос. Если ты любишь меня, пообещай, что будешь ждать.

Бледнея все больше, Марьюшка выслушала его до конца. Петр смотрел на девушку и не понимал причины ее молчания. Он совсем растерялся, когда при последних его словах она вдруг, рыдая, упала на колени и закрыла руками свое лицо.

— Марьюшка, что с тобой? — смущенно спросил Петр, стараясь отвести от ее лица руки.

Немного успокоившись, Марьюшка проговорила сквозь слезы:

— Никогда, Петр, не постыдилась бы я тебя: ведь ты — чадо Божье. Верь мне, я люблю тебя, как родного брата. Мне очень жаль, что ты так одинок в мире. Я охотно пошла бы за тебя, даже если бы ты оставался бедным ткачом. Тебе не нужно было бы покидать наши края. У нас хватило бы средств и для твоей матери. Но я не могу выйти за тебя замуж!

— Не можешь?

Петр крепко сжал руку Марьюшки в своих похолодевших пальцах.

— Не можешь? Что же тебя удерживает, если не моя бедность?

— А то, Петр, что, будучи твоей женой, я все время думала бы о Степане. Со времени его болезни я день и ночь думаю о нем. Никому на свете я не сказала бы этого, но сейчас я обязана признаться, иначе бы обманула тебя и себя.

— А Степан знает об этом? — мрачно спросил Петр.

— Степан? Откуда ж ему знать? — ответила Марьюшка, гордо выпрямившись.

Но при виде глубокого страдания, отразившегося на бледном лице юноши, Марьюшка опу-

тилась на колени и снова заплакала. Ей было жаль Петра, но помочь ему она не могла.

— Не плачь, Марьюшка! — после некоторого молчания сказал Петр. — Я понимаю, что ты не можешь дать своего согласия. Я не удивляюсь этому. Из нас двоих любви заслуживает, конечно, Степан. Вот связка твоей травы. Пойдем домой.

Девушка вытерла слезы и подала Петру руку.

— Не сердись на меня!

— Я не сержусь, — ответил Петр, взяв ее за руку.

Теперь они шли уже не так весело. Марьюшка была опечалена тем, что невольно заставила Петра страдать, и не знала, чем ему помочь. Петр сознавал, что развеялись все его сладкие мечты о будущем. Когда они подошли к сараю, Петр скинул с плеч связку травы и, немного помолчав, протянул своей спутнице руку:

— С Богом, Марьюшка!

— С Богом, Петр!

Она ничего не могла сказать Петру в утешение, только слезы лились из ее глаз. И он, не сказав более ни слова, ушел. Но домой Петр не торопился. Ему хотелось побыть одному, чтобы

немного оправиться от потрясения. И он упал на землю, как это сделал вчера Степан.

Вчера ему казалось, что не переживет отказа, а сегодня ему отказали, и он все еще жив. Он мечтал достроить свой дом, но зачем это теперь? Ведь Марьюшка не будет в нем жить. Ему было бы легче, если бы она отказала по какой-нибудь другой причине, а не из-за Степана. Зная Степана, не стоит этому удивляться. Петр чувствовал, что следует молиться, но не мог. В другой ситуации он пошел бы к Степану, и тот, наверно, нашел бы, чем утешить друга. Но в эту минуту Петр не хотел его видеть. Однако встречи с ним не избежать. Степан спросит, чем закончилось объяснение с Марьюшкой. Что он ответит ему? «Ты — препятствие моему счастью. Если б не ты, ничто не мешало бы мне жениться на Марьюшке. Она вышла бы за меня и бедного, мне не пришлось бы уезжать в чужие края. Ты — причина моего горя!»

«Да, так и скажу ему! — решил Петр, ослепленный своим горем. — Скажу, что лучше бы мне замерзнуть тогда на дороге, чем быть обреченным на одиночество. Что же мне теперь

делать? Осенью уеду отсюда. К чему теперь здесь оставаться?»

Он вынул из кармана письмо инженера и еще раз перечитал слова: «В конце августа приеду за тобой». А сейчас еще только июнь... «О, Господи! Что же мне делать? И посоветоваться не с кем», — в отчаянии думал Петр, сжимая письмо в руке. Вдруг он испытал непреодолимое желание увидеть человека, написавшего это письмо, и понял, что ему стало бы легче, если бы он мог склонить голову на его грудь.

В письме говорилось: «И выразить не могу словами, какое благодеяние ты мне оказал в ту минуту, когда я тонул в море страданий. Твое присутствие мне тогда напомнило, что у меня на свете остаешься еще ты и что я должен заботиться о тебе». «У меня на свете остаешься еще ты...» Эти слова затронули такие струны в сердце Петра, что он зарыдал. Оба они, господин инженер и он, в одинаковом положении, у того и у другого нет и, возможно, никогда не будет близкого человека, они совсем одиноки на этой земле.

Если бы Петр знал, где сейчас инженер, он сразу бы поехал к нему, стал бы у него слугой

или заботился бы о нем, как сын, ничего не требуя, кроме одежды и пищи. Тогда бы он мог не встречаться с Марьюшкой и Степаном... Да, но ведь тогда он не услышит проповедей Степана, его свидетельств об Иисусе Христе.

Невыразимая тоска наполнила сердце Петра. «Господи, прости меня за то, что сегодня я возненавидел Степана», — простонал он.

«Степан не виноват в том, что всякого располагает к себе. Дорого пришлось ему, конечно, заплатить за свою любовь к нам. Он готов был умереть за то, что привлек нас к Тебе, — уже спокойнее рассуждал Петр. — А не любит ли Степан Марьюшку?»

Ему вспомнилось многое такое, на что он прежде не обращал внимания.

«Почему Степан не может любить Марьюшку так, как люблю ее я? Наверно, на моем месте он не испытывал бы враждебных чувств. О Боже, Отец мой! Помоги мне в искушении!»

Постепенно Петр начал успокаиваться, и его враждебность сменилась молитвенным благоговением. Молитва его была тихой, но она достигла небес и была услышана Отцом Небесным.

— Что с тобой?! — испуганно спросила Крачинская, взглянув на осунувшегося и бледного сына. — На тебе лица нет. Уж не ушибся ли ты вчера, когда рубил дрова?

— Не беспокойся, матушка! У меня просто болит голова.

Крачинская приготовила настойку из целебных трав, и для успокоения матери Петр ее выпил.

Когда на душе у него стало немного легче, он пошел на стройку. И там от одного из плотников услышал то, что его потрясло. Плотник рассказал, что прошлой ночью ему не спалось, и он пошел побродить. Вдруг он увидел, что в саду Хратских кто-то лежит на земле и все время, плача и молясь, повторяет: «Не могу ее отдать, Господи, не могу!» Плотнику показалось, что это был голос Степана Хратского.

Услышав этот рассказ, Петр не в силах был продолжать работу. Он перешел на другой конец балки и, сказав, что у него затупился топор, ушел в дом.

«Значит, Степан и впрямь любит Марьюшку! Но он не захотел расстроить моего счастья, как бы ни было ему тяжело. Как я могу после

этого на него сердиться! Нет, Степан, не один ты умеешь быть великодушным и добрым другом. Я не уступлю тебе в этом!»

«Отчего Марьюшка сегодня такая грустная?» — думал Мишко, глядя на сестру. Он хотел расспросить ее об этом, но не успел. После обеда все ушли на стройку, а Марьюшка осталась готовить ужин. Но это не отвлекло ее от печальных раздумий. Особенно ее удручало, что она стала невольной причиной страданий Петра.

«Но, если Спаситель требует, чтобы мы любили всех людей, как Он возлюбил нас, — спрашивала себя Марьюшка, — не хочет ли Господь, чтобы я составила счастье одинокого Петра? Господь поможет мне забыть Степана, если я попрошу Его об этом. Мне трудно видеть страдания Петра — лучше уж страдать самой. Когда я его встречу, то скажу, что передумала и согласна ждать его возвращения. Скажу еще, что Бог поможет мне разлюбить Степана».

Марьюшка подошла к распахнутым дверям, откуда был виден шлюз, и загляделась на воду. Ей вспомнилась одна словацкая народная пес-

ня, в которой супружеская жизнь сравнивалась с мельничными жерновами: тяжело сдвинуть с места жернова, но еще тяжелее избежать замужества. Марьюшке стало страшно.

«Но если Бог возлагает этот крест, — успокоила она себя, — то поможет его нести».

Она перевела задумчивый взгляд на ворота мельницы, залитые прощальным светом вечерней зари. У ворот кто-то стоял.

— Степан! — позвала Марьюшка, и ее звонкий голос перекрыл шум падающей воды.

Она протянула к нему руки, как бы прося помощи и защиты. Степан, как будто подгоняемый какой-то неведомой силой, раскрыл свои объятия, и Марьюшка упала прямо в них.

— Степан, — шептала она, сердцем чувствуя, что он ее понимает, — Степан, я не могу выйти замуж за Петра. Неужели Господь возлагает на меня крест, который мне не по силам?

— Марьюшка, — глядя ее по голове, успокаивал Степан, — мы иногда думаем, что Бог требует от нас слишком многого. Но когда мы покоряемся Его воле, то все устраивается.

Голос у него дрогнул. Марьюшка опустила голову и, закрыв глаза, мысленно представила,

что когда-нибудь сможет забыть этого человека. Чем сильнее она это себе представляла, тем яснее понимала, что никогда не разлюбит его.

Она слышала, что Степан начал расхваливать Петра, но не вдумывалась в смысл его слов, а вслушивалась в то, как звучит голос. Когда, наконец, он решился спросить, почему она отказала Петру, девушка подняла голову. Их взгляды встретились... Больше Степан ни о чем не спрашивал, лишь обнимал Марьюшку и тихо плакал.

Уже закатные лучи солнца попрощались с землей, а Степан с Марьюшкой все еще стояли у ворот мельницы. Они не говорили о своей любви, о ней пел в кустах соловей.

Слушая песню соловья, Степан невольно вспомнил вчерашний вечер. Как сегодняшняя песня отличалась от той, что он слышал вчера! Насколько его нынешнее состояние не похоже на вчерашнее! Вчера он сам хотел взять себе спутницу жизни, а сегодня ее дал ему Господь. И он принимал ее, как драгоценный дар Божий.

— Бог мне, Петр, свидетель, я хотел уступить Марьюшку тебе, — начал Степан, когда Петр

пришел к нему вечером. — Она дитя Его, и Бог поступает со Своей собственностью по Своему изволению, давая ее тому, кому хочет. Он дал Марьюшку мне.

От этих слов неземным покоем прониклась душа Петра, и ему от всего сердца захотелось подчиниться воле Божьей. Теперь друзей сблизало то, что навсегда могло разделить. Готовность каждого пожертвовать своим счастьем вызвала у них уважение друг к другу.

Долго не заживет у Петра сердечная рана, но страдание укрепило его и даровало ему силу духа.

Барон Рейнер

Целую неделю Петр старался не думать о Марьюшке. Это ему удавалось, особенно в те дни, когда он работал.

— Бог в помощь! — услышал Петр приветливый голос и чуть не выронил из рук косу.

— Господин инженер! Брат Урсини! Вот не ждал! — воскликнул Петр.

— Да вот, пришли тебе помочь, — улыбнулся инженер, — но скажу сразу: косить я не умею.

— Я тоже не силен в этом деле, иначе бы охотно докосил за тебя, Петр, — признался Урсини. — Мы подождем, пока ты закончишь работу.

Скоро вся трава была скошена, и Рейнер спросил Петра:

— Это ваш луг?

— Где нам с матушкой купить столько земли! Этот луг принадлежит Петровичкам, только косить у них некому: сын поранил себе руку, зять болеет. Вот мы со Степаном и Мишко и решили помочь. Часть луга они скосили вчера, а сегодня моя очередь. Хорошо, что рано начал.

— А кто косит на соседнем лугу? — спросил Урсини.

— Это Хратские. Знал бы Степан, что вы здесь!

— Не зови его, Петр! Я сам схожу за ним. — И с этими словами Урсини зашагал в сторону луга Хратских, оставив Петра с бароном наедине.

— Ну, как поживаешь, Петр? — спросил Рейнер, оглядев косца.

— Слава Богу. А вы как себя чувствуете? Превозмогли ли вы с Божьей помощью свои страдания?

— Я стараюсь покориться воле Божьей, Петр, и мне становится легче.

— Да, это так. Если добровольно подчинишься воле Божьей, все становится возможным, — согласился Петр.

— Ну а как пристройка к дому? Вероятно, уже закончил?

— Дом закончен и подведен под крышу. Сегодня поставим двери, и останутся оконные рамы.

— Да ты как будто этому не рад? — заметил барон, уловив нотки грусти в голосе Петра. — Верно, что-то получилось неудачно?

— Нет, вышло очень хорошо. Но пристройка мне теперь не нужна.

Петр грустно опустил голову.

— Ты говорил с Марьюшкой или с Блашко? — попытался угадать инженер.

— Я говорил с Марьюшкой. Ее сердце принадлежит Степану.

— Степану? Неужели?!

— Она сама мне призналась, — ответил Петр и рассказал все барону.

— Так уедем сейчас же, Петр! — горячился тот. — Тебе тяжело будет смотреть на чужое счастье!

— Да, но если Степан смог смириться с этим, то и я с Божьей помощью справлюсь. И дом нельзя оставлять незаконченным, сначала нужно все привести в порядок. Кто знает, вернусь ли я сюда? В любом случае перед отъездом надо все обустроить, чтобы матушка видела мою любовь к ней и благодарность. Я хочу оставить теплые воспоминания в ее любящем сердце.

— Ты уже говорил с ней об отъезде?

— Да. Сначала она плакала, но потом успокоилась и сказала: «Иди, сын мой! Если эта новая жизнь составит твоё счастье, я не удерживаю тебя. Только никогда меня не забывай!» Но, господин инженер, меня печалит одно обстоятельство.

— Какое же?

— Матушка призналась мне, что вы ей передали деньги от моего отца.

— Ну и что тут такого? Разве она не заслужила, чтобы о ней позаботились в ее преклонные годы?

— Действительно эти деньги не ваши, а от моего отца?

— Да, они были от твоего отца.

— Значит, вы его знаете? — наклонив голову, мрачно спросил Петр. — Господин инженер, — после некоторого молчания продолжал он, — я поеду с вами в Германию, но с одним условием: обещайте, что мой отец не будет платить за меня. Матушке пусть посылает деньги, если он человек богатый, но я лично от него ничего не приму.

Лицо барона покрыла мертвенная бледность.

— Твой отец богат и в то же время беден: он совершенно одинок на земле. Но почему ты готов принимать деньги от меня, а не от него?

— От вас совсем другое дело. Вы человек почтенный и делаете мне добро во имя Христова. Бог воздаст вам за это. Да и потом, я успел горячо полюбить вас. Мой же отец — человек, не заслуживающий уважения. Большого зла, чем он мне причинил, трудно представить. Не могу я ничего принять от него. Кусок хлеба, протянутый рукой моего отца, застрянет у меня в горле.

Инженер побледнел еще больше. В его душе, казалось, происходил поединок мыслей и чувств. Наконец после жестокой внутренней борьбы он принял нелегкое решение и в изнеможении опустился на траву под деревом.

— В таком случае, Петр, я не могу взять тебя с собой! — безнадежно проговорил он.

— Почему?

Петра удивила не мысль, что он останется в Дубравке, а выражение решимости на лице барона.

— Почему? — повторил Рейнер. — Да потому, что ты будешь сидеть с отцом за одним столом. И если ты так его презираешь, жизнь станет невыносимой не только для тебя, но и для него. Однако как может твой отец поверить в безграничность милосердия Божьего, если ты не можешь его простить? В таком случае он осужден и потерян навечно.

Для Петра эти слова прозвучали как откровение. Он глубоко задумался, а инженер тихо отошел в сторону и спрятал лицо в ладони. Весь его облик вызывал чувство такого глубокого сострадания, что Петр был уже готов ради него простить своего отца. Однако мысль, что ему придется сидеть с тем за одним столом, снова вызвала у него гневливое несогласие.

— Но почему это так расстраивает вас, барон? — спросил Петр. — Поставьте себя на мое место, и вы поймете меня.

Вместо ответа барон что-то достал из своего кармана. На его мертвенно-бледное, как у покойника, лицо было больно смотреть.

— Если ты не можешь простить своего отца, — голос говорившего дрогнул, — прости, по крайней мере, свою мать. Я привез тебе ее фото. Неужели и на это ты ответишь отказом?

Петр взял фотографию из рук инженера и впился в нее глазами. Со снимка на него смотрела красивая шестнадцатилетняя девушка с венком из цветов на голове. Глаза на ее прелестном лице сияли радостью, рот, казалось, был создан для пения.

— Это моя мать? — не сводя глаз с юного лица, удивленно спросил Петр. — Какой же она была красивой и, наверно, доброй!

— Да, у нее было сердце редкой доброты. Какое, однако, счастье, что она никогда не узнает, что вызвала у сына, из-за которого пролила много слез, такое негодование! Неужели, Петр, ты не можешь простить ее? Ведь она была так молода! Когда ты родился, ей было всего семнадцать.

— А сколько лет было моему отцу? — спросил Петр.

— Двадцать один.

— Такой молодой? И он ее бросил? Говорят, моя мать умерла, когда мне было четыре года.

— Да, она умерла совсем юной. Они не успели сыграть свадьбу.

— Но собирался ли жениться на ней мой отец? — недоверчиво спросил Петр, грустно глядя на фотографию.

— Конечно!

— Тогда почему он не сделал этого раньше?

— Потому что у твоего отца долго не было прочного положения в обществе, пользуясь которым, он бы мог ее хорошо обеспечить. Да и ее отец не давал согласия на брак.

— Нет ли у вас фотографии моего отца?

После некоторого колебания барон достал из кармана другую фотографию и протянул ее своему собеседнику. На ней Петр увидел молодого красивого человека лет двадцати с умным выражением лица.

Почти с суеверным страхом разглядывал Петр снимок. Он смотрел на него, и сомнения закрадывались ему в душу. Он невольно переводил взгляд с фотографии на барона, который

стоял, прислонившись к стволу дерева. После минутного раздумья Петр спросил:

— Вы подарите мне их?

— Возьми одну. Фотография отца тебе не нужна... — печально произнес инженер. Если ты не хочешь видеть его живого, зачем тебе его старое фото? Твоя мать и на смертном одре была такая же юная. Но твой отец постарел и очень изменился.

— Оставьте мне все-таки обе фотографии, хотя бы на то время, пока вы здесь.

Барон молча пожал плечами, и они направились к дому. На душе у Петра было очень тяжело из-за того, что он причинил боль инженеру. «Огорчая того, кто искренне желает мне добра, не нарушаю ли я заповедь Христа? Доволен ли Иисус мною? — размышлял Петр. — Бог заповедал нам любить и прощать. Родители мои согрешили, грех их велик, как велики и его последствия. Но ведь они были молоды, а искушений вокруг так много. Могли они знать Иисуса и принадлежать Ему? Конечно, нет, иначе они исполняли бы его заповеди. Если они были воспитаны, как и те господа, о которых рассказывал Степан, то, конечно, не

отдавали себе отчета, как ужасен их грех пред Богом».

Крачинский вспомнил, какой греховной была его собственная жизнь. В своем легкомыслии он был близок к падению. Его удержало только одно желание — не быть в этом отношении похожим на своего отца.

Петр, погруженный в себя, не замечал, что все это время барон с мучительным страхом следил за выражением его лица, стараясь понять, что происходит в душе молодого человека.

— Дорогой барон, я уверен, что вы все знаете. Расскажите мне обо всем, чтобы я, по крайней мере, знал, как это случилось. Тогда, пожалуйста, мне будет легче смириться.

— Нелегко говорить об этом, к тому же мы пришли. Ты ведь не завтракал, и я бы попросил у твоей матушки молока. Подкрепившись, мы пойдем прогуляться, и я все тебе расскажу, — вздохнув, ответил инженер.

Старушку Крачинскую очень обрадовал приход барона Рейнера. Она угощала его всем, чем только могла, и расспрашивала о болезни его покойной жены. Ей было тяжело видеть одиноким такого доброго и милого господина.

Друг и отец

Приближаясь к лугу Хратских, Урсини увидел, что вся их семья в сборе. Мужчины косили, женщины рвали траву под низкорослыми деревьями и кустами. Дети весело прыгали, кубарем скатываясь по склону холма, и радости их не было предела. Но все они, как один, забыли о своих занятиях, как только услышали радостный возглас Степана:

— Брат Урсини!

Провизор шел к Степану, распахнув руки для объятий.

— Какие вы труженики! Бог в помощь! — приветствовал он Хратских.

— Спасибо! Добро пожаловать! Милости просим!

Провизор попросил продолжить работу и, пока он ждет Степана, не обращать на него внимания.

— Мы управимся и без него, — не согласился с таким предложением Хратский. — Сынок, проводи господина Урсини в наш дом.

Степан с благодарностью посмотрел на отца.

— Если вы уступаете мне Степана, я вам за это очень благодарен, — сказал провизор. — Но к чему идти в дом? На лугу так хорошо, присядем здесь.

— Как я рад, что ты пришел навестить нас, — проговорил Степан, отирая со лба пот. — Ты давно обещал побывать у нас и сдержал свое слово.

— Благодарю Господа, давшего мне такую возможность.

— Останешься у нас на ночь?

— Нет, Степан, это невозможно. Я зашел повидаться, сегодня мне нужно вернуться в город.

— Жаль. Впрочем, — добавил Степан, — дело Божье, начатое там, нуждается в твоей поддержке. Как бы мне хотелось видеть тебя на нашем воскресном собрании!

— Господь решил иначе, и мне остается только повиноваться Ему, — с улыбкой ответил Урсини. — А ты как, Степан, поживаешь? Когда мы последний раз виделись с тобой, ты упомянул в разговоре, что Господь помог тебе выстоять в тяжелой борьбе. Но в чем именно было дело, ты так и не объяснил.

Степан покраснел.

— Да, один лишь Господь помог мне тогда! — И Степан рассказал другу все, что касалось Петра, Марьюшки и его самого. — Мне очень жаль, — добавил он, — из-за меня Петр потерял Марьюшку. Но чем я могу тут помочь?

— Ты не виноват, Степан; такова, видно, воля Божья, — успокоил его Урсини. — У Бога много любви в запасе. Он может вложить в сердце Петра любовь к другой девушке. Господь, несомненно, подкрепит и благословит его. Ведь он тоже победил искушение и не захотел похитить твое счастье!

— Ты так считаешь? — обрадовался Степан. — Я буду просить этого у Господа, Петр ведь так одинок.

— Господь может наполнить детьми и дом одинокого, если на то будет Его воля. Кстати, в данную минуту Петр уже не так одинок: к нему приехал барон Рейнер.

— Наверно, чтобы увезти его?

— Нет, он хотел еще раз поговорить с ним.

— Как дивно, однако, водительство Божье! Какое счастье, что у Петра будет возможность учиться. Мне кажется, после окончания школы

ему не понадобится место на железной дороге. Скорее всего, он возвратится сюда, чтобы проповедовать Евангелие.

— Я просто уверен в этом. Когда-нибудь Петр будет работником в винограднике Господнем. Однако поговорим о другом. Степан, мне нужно кое-что обсудить с тобой.

— Со мной?

— Да. Я знаю, ты всем сердцем предан Господу. Но любишь ли ты Его настолько, чтобы согласиться ради Него на время покинуть Марьюшку? В будущем ты мог бы стать истинным проповедником. Для этого тебе нужно поступить в школу, а значит, на время уехать.

— Как я рад! — воскликнул Степан. — Проповедовать — моя заветная мечта. В последнее время я только и думал об этом.

— Так ты согласен ехать учиться?

— Хоть сегодня, брат Урсини!

— И разлука с Марьюшкой тебя не страшит?

— Было бы плохо, — серьезно ответил Степан, — если бы ради житейских дел и привязанности мы забыли Господа и дело Его. Я уже говорил, что Сам Господь дал мне Марьюшку. Я на нее смотрю, как на дар свыше. Даже в раз-

луке она останется моей. Ведь и Невеста Агнца принадлежит Ему, хотя она теперь разлучена со своим Женихом. За Марьюшку я спокоен. Но что будет с остальными душами, если мы с Петром уедем отсюда?

— Степан, Господь сказал: «...никто не похитит их из руки Моей»³⁸. Господь может обильно излить на них Своего Духа Святого. Он волен дать полноту Духа Своего тому, кто останется здесь.

— Это верно. Да и кто я, в сущности, такой, чтобы воображать, что Иисус нуждается здесь именно во мне? Христос говорит: «...Я с вами во все дни до скончания века»³⁹. Ему я могу поручить всех.

— Давай, Степан, все обсудим. Ты отошлешь требуемые для поступления бумаги, и по ним тебя примут в школу. Я хотел устроить тебе с Божьей помощью бесплатное обучение, но Николай Каримский пожелал за тебя платить. Я в свою очередь позаботился о том, чтобы твой курс продолжался четыре года, потому что немецкий язык ты знаешь. Так обстоит дело, Степан. Обсуди теперь все со своими домашними. До сих пор ты был верным свидетелем Господ-

ним. Пусть Господь благословит твое учение и труд. Готовь себя для служения Господу и не страшись вступать в борьбу с предрассудками своих соотечественников. Силы тьмы восстанут против тебя, но победа не за ними. Не ты живешь, но в тебе живет Христос!

Степан опустил на колени; и друг его с молитвою возложил на него руки.

В то время как Урсини разговаривал со Степаном, Петр слушал печальный рассказ о своих родителях. Закончив рассказывать, барон вздохнул с облегчением, как будто сбросил с себя тяжелую ношу. Он посмотрел на Петра, горько оплакивавшего греховное прошлое своих родителей, и не стал его успокаивать. Не нашлось бы слов, не хватило бы сил для утешения этой бедной души, проходившей долиной скорби.

Наконец Петр успокоился и кротко, но твердо сказал:

— Я готов поехать с вами. Теперь, увидев отца, я скажу, что простил ему все и готов, как сын, любить его.

— Петр! — воскликнул барон. — Петр, сын мой! Ты сможешь полюбить меня после всего, что я тебе рассказал?

— Господин барон?!

Петр отшатнулся, с изумлением глядя в глаза своему собеседнику.

— Ты не веришь мне, Петр? Поверь: тот падший и несчастный человек, которого ты вправе презирать, это я. Это я был причиной твоей печали в детстве, причиной многих несправедливостей, выпавших на твою долю. Не хочу, чтобы ты видел во мне благодетеля и считал меня лучше, чем я есть. Твое право судить меня.

— Не говорите так, — умолял Петр. — Я не могу допустить, чтобы вы принижали себя. Вы, правда, мой отец?

Барон обнял сына.

— Иначе как бы я признался тебе во всем? Да, я твой отец. Но что подсказывает тебе сердце?

— Что оно говорит? — Петр взглянул на собеседника. — «...любовь покрывает множество грехов»⁴⁰. Вы тоже простите меня за жестокие слова. Если бы я раньше знал, что вы мой отец, то не сказал бы их.

— Ты и впрямь меня любишь и прощаешь?

— Да, господин!

— Господин? Как ты теперь можешь так меня называть?

— Мне так легче вас называть, мой язык пока отказывается называть вас иначе.

— Но ведь ты плоть от плоти моей, часть меня.

— Если бы сейчас я назвал вас иначе, то в другой раз повторил, и это выдало бы нас на людях.

— Пусть люди знают! Даже нужно, чтобы они знали! Сегодня я объявлю всем, что ты — мой сын.

— Ради Бога не делайте этого!

— Нет, я должен.

— Не делайте этого, прошу вас, — убеждал Петр барона. — На это вы моего согласия не получите. Народ груб, у людей, которые вас здесь уважают, может измениться о вас мнение, и они будут относиться к вам невежливо. Я слишком люблю вас, чтобы допустить это.

— Что ж, я заслуживаю грубости с их стороны.

— Нет, не заслуживаете. Какое им до этого дело? Довольно того, что об этом знаю я. Вы пали некогда под властью искушения. Без Христа вы и всякий другой поступил точно так же. Но люди будут судить иначе. С этим я не

могу смириться. К тому же скоро я уеду отсюда, и Бог знает, возвращусь ли, ведь человек смертен. К чему ваша откровенность?

— Хорошо, Петр, — уступил, наконец, барон. — Я никому ничего не скажу. Но тогда в глазах твоих друзей я останусь почтенным, благородным человеком?

— Я этого и хочу, — с улыбкой ответил Петр.

Да, воистину верно слово Господне: «...любовь покрывает множество грехов»⁴¹!

До свидания!

Все семьи из расположенных вблизи мельницы домов обратили внимание на приезд Урсини.

— Работы у нас всегда много, — сказал Хратский после ухода Степана и провизора, — а проповедников мы не так часто видим. Оставьте все, и пойдем домой.

По пути Хратские зашли на луг Блашко, чтобы известить их о приезде дорогого гостя. Блашко тоже согласились оставить работу.

— Всего не переделаешь до самой смерти, — сказал Мартын. — Нужно ли вылезать из кожи

и спешить? Так можно пропустить нечто лучшее и полезное для души.

Скоро в доме Хратского собралось много людей. Пришел Петр Крачинский с инженером и матерью, Петран и Сузка Петровички, работавшие на лугу с Блашко. Всем не терпелось увидеть гостя и послушать его проповедь.

Урсини говорил о том, что однажды все дети Божьи из всех стран соберутся в Отчий дом. «Отворите ворота; да войдет народ праведный, хранящий истину. Твердого духом Ты хранишь в совершенном мире; ибо на Тебя уповаet он. Уповайте на Господа вовеки, ибо Господь Бог есть твердыня вечная». «Господи! рука Твоя была высоко поднята, но они не видали ее; увидят и устыдятся ненавидящие народ Твой; огонь пожрет врагов Твоих. Господи! Ты даруешь нам мир, ибо и все дела наши Ты устрояешь для нас»⁴².

Урсини объяснил разницу, существующую между душами, принадлежащими к народу Божьему, и душами, не принадлежащими к нему. Он говорил, как различны их пути и цели: верующий человек пребывает в мире и покое среди любых скорбей. Только праведному народу открыт доступ в Небесный Иерусалим.

Урсини просил верующих неустанно молиться, изучать Слово Божье, следовать по пути правды и любви. Надо вести такую жизнь, чтобы, когда придет Господь, оказаться в числе избранных, признанных верными Самим Господом.

«Все, что посылает Господь детям Своим, — продолжал Урсини, — к лучшему. Как если бы им пришлось идти через пустыню и глубокие воды, но этот путь сквозь испытания и скорби ведет в обетованную землю. Тех присутствующих, которые еще не сделали этот решительный шаг, прошу сделать его еще сегодня, чтобы навсегда примкнуть к народу Божьему и идти под знаменем креста в Небесный Ханаан. «И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселье, а печаль и вздыхание удалятся»⁴³.

После проповеди все склонились для молитвы. Потом Степан рассказал, что Господь исполнил желание его сердца и дает ему возможность служить в винограднике Господнем. Эту новость все выслушали с удивлением, а мать Степана еще и с особенным удовольствием.

Как только она узнала, что инженер намеревается отправить Петра учиться, то не могла побороть в себе чувства зависти: ей казалось, что не Петру, а ее сыну следовало бы поступить в школу. Затем Степан смиренно попросил родительского благословения на свой новый путь. Отец молча пожал ему руку, а мать сказала:

— Мы не станем препятствовать тебе, Степанко.

— Степан, как мы останемся без тебя? Кто укажет нам путь истины? — слышались голоса.

— До осени вы еще многому успеете у него научиться, — сказал Блашко. — Пути Божьи всегда направлены к нашему благу.

Одна Марьюшка промолчала. Вечером они со Степаном встретились на мельнице.

— Я знаю, Степан, Бог одарил тебя щедро, — начала Марьюшка дрожащим голосом. — Я очень благодарна Господу, что Он зовет тебя в Свой виноградник. Мир велик и так мало знаком с истиной Божьей! Мы будем просить Господа, чтобы Он до избытка исполнил тебя Духом Своим.

Степан был несказанно рад, что нашел в Марьюшке верного друга. Когда он уходил на во-

енную службу, именно она напутствовала его. Сейчас он не стал спрашивать, дождется ли она его возвращения. И Марьюшка молчала об этом. Благодаря своей любви, они полностью доверяли другу другу.

— Если когда-нибудь тревога обо мне закрадется в твое сердце, Марьюшка, — говорил ей Степан, — думай о том, что Иисус Христос уже давно жаждет ввести в Свой брачный чертог Свою Невесту, но сбудется это лишь тогда, когда Им будет найдена последняя заблудшая овца. Поэтому каждый должен всячески помогать Ему в этом деле и искать потерянных и рассеянных в пустыне овец.

После собрания присутствующие обступили инженера и Петра. Урсини тем временем собрал вокруг себя детей и раздавал им картинки. Марьюшке он посоветовал заниматься с деть-

ми, знакомить их со Священным Писанием и по воскресеньям учить с ними духовные песни и стихи. Дети обещали ему, что будут прилежно выполнять все задания.

— Это хорошее дело, — одобрительно покачал головой Фома Хратский. — По крайней мере, они не вырастут такими невеждами, как мы. Мы в их возрасте понятия не имели о существовании двух путей, широкого и узкого. Марьюшка — мастерица петь и рассказывать, она отлично справится с этим делом.

— А я пришлю Марьюшке красивые картинки, — добавил инженер, — и она сможет раздавать их прилежным ученикам.

Дети были в восторге.

Хратский пригласил гостей к себе в дом, чтобы после обеда Урсини мог разучить с ними новый гимн.

— Теперь вы можете петь его без меня, — сказал он, прощаясь.

Дубравцы проводили проповедника до мельницы и остановились на опушке леса. Позже, проходя мимо этого места, каждый вспоминал, как Урсини, освещенный солнцем, стоял на скале, скрестив на груди руки, и, казалось, на его

голову вот-вот будет возложен венец, о котором он говорил сегодня. Он смотрел на величественные горы, на чудную долину. Все провожавшие хором запели только что разученный гимн, в котором говорилось, что для детей Божьих нет разлуки, что, даже уходя из этого мира, они могут сказать своим близким: «До свидания».

Когда закончилось пение, Урсини на прощание пожал каждому руку. Дубравцы долго смотрели ему вслед и махали руками. Как только он скрылся из вида, Петр громко крикнул:

— До свидания!

— ...свидания... свидания! — подхватило и многократно повторило раскатистое эхо.

Поздней осенью, когда листья устлали землю, дом Крачинских был достроен. Если бы несколько лет назад старушке Крачинской сказали, что остаток своих дней она проведет в таком хорошеньком домике, она бы не поверила.

Но на этой земле не бывает полного счастья. Часто Крачинская с грустью смотрела в угол, где стоял ткацкий станок сына, — ведь она привыкла видеть Петра сидящим за работой. Един-

ственным ее утешением были теперь его письма, дышащие любовью и сыновней преданностью. Всякий раз, когда старушка перечитывала их, слезы показывались у нее на глазах. Но это были слезы радости: ведь Петр наконец-то обрел родного отца.

Осиротевшая старушка стала ближе к Богу. Благодаря письмам сына и его советам, с каждым днем менялся характер Крачинской. Из первой деревенской сплетницы, зачинщицы ссор и склок она превращалась в кроткую, серьезную женщину. Теперь она с радостью ходила к Хратским, где Слово Божье после отъезда Степана читали Фома Хратский или Мартын Блашко.

Все, кто приходил на собрания, неустанно искали истину, и Бог открывал им все больше и больше. Сила их заключалась в том, что понятое ими в Слове Божьем они претворяли в жизнь. Благодаря этому, они жили в мире и согласии, хотя окружающие относились к ним по-разному: одни уважали, а другие презирали.

К зиме в новый дом старушки Крачинской переселился Павел Петран с женой. Петровичка вместе с мужем стала посещать собрания и

пришла к познанию истины. Они решили уйти от родителей и жить отдельно от них.

Хотя пастор продолжал громить с кафедры «мечтателей» и их «лжеучение», он этим ничего не добился. Многие из прихожан, посещавших церковь и собрания Хратских, вскоре совсем забыли дорогу в церковь и приходили только на собрания. Там они говорили о Христе и читали Слово Божье.

— Если уж слушать ругань, то лучше в трактире: там, по крайней мере, можно ответить на обвинения, — говорил весельчак Дубравский. — В храме отвечать нельзя, нужно молча сидеть и слушать те небылицы, которые на нас возводят!

Вскоре церковь стали посещать только исключительно для крещения, отпевания или совершения каких-либо других обрядов.

В доме Хратских с нетерпением ждали писем от Петра и Степана и всегда читали их вслух. Молодые люди сообщали, что учатся они хорошо, но их очень сильно тянет домой. Иногда кто-нибудь из Хратских спрашивал: «Что будет делать Степан после своего возвращения на родину? Что будем делать мы, если пастор отлучит нас от церкви?»

— Пойдем ко Христу на небо! — отвечал дедушка Хратский на подобные вопросы.

Марьюшка и Мишко усердно занимались с детьми. Они познакомили их со Священным Писанием и выучили с ними много стихов и гимнов. Марьюшка говорила детям:

— Если мы будем жить так, как заповедал нам Иисус Христос, будем вполне послушны Ему, Он возьмет на Себя все наши заботы. Помните, как часто Степан повторял: «Станем жить так, чтобы вся наша жизнь была свидетельством для мира. Если люди не хотят принимать наших слов, пусть наша жизнь будет такой, чтобы после нашей смерти они вынуждены были признаться: „Да, с ними была истина!“»

Примечания

¹ Ам. 4:12; 5:12.

² Мф. 11:28.

³ См. Мк. 5:1—13.

⁴ Лк. 8:39.

⁵ Мф. 11:28.

⁶ Мф. 16:24; Мф. 11:28; Ин. 8:12.

⁷ Мф. 6:24.

⁸ 1Кор. 6:10.

⁹ Иер. 17:5.

¹⁰ Лев. 11:44.

¹¹ См. Лк. 10:29—37.

¹² Пл. Иер. 1:12.

¹³ Мф. 24:13.

¹⁴ 1Цар. 20:3.

¹⁵ Евр. 13:8.

¹⁶ Ин. 14:21.

¹⁷ Ин. 14:22—24.

¹⁸ Ин. 14:21.

¹⁹ Ин. 14:21.

²⁰ Ин. 14:23.

²¹ Ин. 14:23.

²² Нав. 24:15.

²³ Мф. 28:20.

²⁴ Гуситы — сторонники Реформации в Чехии и Словакии в первой половине XV века; последователи идеолога чешской Реформации Яна Гуса (1371—1415).

²⁵ Гал. 6:1.

²⁶ Ин. 5:39.

²⁷ Ин. 6:45.

²⁸ Ин. 7:17.

²⁹ 1Пет. 2:9.

³⁰ Ин. 3:10.

³¹ 1Ин. 2:12.

³² 1Ин. 5:10.

³³ Ин. 3:36.

³⁴ Ин. 5:24.

³⁵ Мф. 24:35.

³⁶ Песн. 2:11—13.

³⁷ Лев. 19:18; Лк. 9:23; Мф. 16:26; Лк. 6:31; Прит. 23:26.

³⁸ Ин. 10:28.

³⁹ Мф. 28:20.

⁴⁰ 1Пет. 4:8.

⁴¹ 1Пет. 4:8.

⁴² Ис. 26:2—4; Ис. 26:11,12.

⁴³ Ис. 35:10.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В Дубравке.....	3
Мечтатели.....	10
Встреча.....	20
Добрый самарянин	31
Товарищи.....	40
Ради Христа.....	52
Страдание	63
Весна идет.....	73
В пути.....	84
Собрание	97
Возвращение	108
Гость.....	118
Незнакомец	138
Неожиданное открытие.....	146
В гостях у пастора	154
Церковные дела.....	168

Любовь, скорбь и победа	184
Барон Рейнер	208
Друг и отец.....	218
До свидания!.....	226
<i>Примечания</i>	236

Уважаемые читатели!
**В издательстве «Свет на Востоке»
работает отдел «Книга — почтой»**

- Заказы можно оформить по телефону, письменно или на сайте www.lio.ru/books/. На сайте же можно увидеть обложки книг и познакомиться с аннотациями.
- На заказы свыше 300 руб. предоставляется 5-процентная скидка.

Получить подробную информацию о работе отдела «Книга — почтой», а также заказать прайс-лист с аннотациями вы можете по адресу издательства.

Будем рады выполнить ваши заказы!

Кристина Рой
МЕЧТАТЕЛИ

Редактор — Т. Лимаренко
Корректоры — Ю. Селезнева, ???
Художник — М. Кудрявцева
Компьютерная верстка — А. Кодак

ЛП № 000315 от 30.11.99. Подписано в печать 16.05.05.
Формат 84x108/32. Бумага типографская. Усл. печ. л. 7,56.
Тираж 5000 экз. Заказ №

МРО «Христианская миссия „Свет на Востоке“»
а/я 201, г. Санкт-Петербург, 190020
Тел./факс: (812) 147-2548; E-mail: post@lio.ru
<http://www.lio.ru/books/>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12